

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ПРОГРАММ

Научно-общественный журнал

Издается с 1995 г.

(назывался: «Социальная политика и предпринимательство»;
«Предпринимательство. Политика. Наука»; «Наука. Политика. Предпринимательство»)

Выходит 4 раза в год

НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

№4' 2010

Москва ♦ ИСПИ РАН
2010

Редакционный совет

Председатель редакционного совета:
доктор экономических наук **С.В.Рогачев**.

Члены редакционного совета:

академик НА Беларуси **Е.М.Бабосов**, доктор юридических наук, профессор **С.Н.Бабурин**, действительный член Российской академии социальных наук **А.А.Бессмертных**, кандидат социологических наук **Ю.Ф.Голиусов**, доктор политических наук **В.А.Жидких**, академик РАН **В.И.Жуков**, доктор социологических наук **В.В.Локосов** (*заместитель председателя редакционного совета*), доктор политических наук **П.Кулашик**, доктор социологических наук **А.Г.Кафаров**, кандидат философских наук, профессор **С.Н.Лебедев**, действительный член Российской академии социальных наук **Э.Лозанский**, кандидат социологических наук **В.А.Потехин**, доктор политических наук **Г.Ю.Семигин**, политолог **Ли Фэнлинь**, политолог **Ли Цзинцзе**.

Редакционная коллегия

Член-корреспондент РАН **В.Н.Иванов** (*главный редактор*), действительный член Российской Академии социальных наук **В.Г.Бояринов**, доктор политических наук **В.П.Воротников**, доктор социологических наук **Ю.А.Зубок**, доктор социологических наук **В.К.Левашов**, доктор политических наук **В.В.Мартыненко** (*заместитель главного редактора*), доктор экономических наук **У.Г.Николаева**, доктор философских наук **И.Б.Орлова**, доктор философских наук **И.В.Орлова**, доктор социологических наук **Г.И.Осадчая**, доктор экономических наук **С.В.Рязанцев**, доктор социологических наук **В.К.Сергеев** (*первый заместитель главного редактора*), доктор социологических наук **Ю.Ю.Синелина**, кандидат философских наук **В.В.Суходеев** (*ответственный секретарь*).

Позиция редакции может не совпадать с точкой зрения автора.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Перевод – *Абульханова С.Р.*
Компьютерные работы – *РИО ИСПИ РАН.*

Статьи публикуются в авторской редакции.
Корректурa авторов.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Направляемые в журнал статьи следует оформлять в соответствии со следующими правилами:

- объем рукописи не должен превышать:
 - для исследований – 16 страниц формата А4 (40 тыс. знаков),
 - для публикаций соискателей ученых степеней – 12 страниц (30 тыс. знаков),
 - для рецензий – 5 страниц (8 тыс. знаков);
- статьи должны быть напечатаны через 1,5 интервала кеглем 14 на одной стороне листа + дискета;
 - поля: верхнее – 3, нижнее – 2, левое – 3, правое – 2;
- все источники следует снабжать библиографическими ссылками;
- сноски даются постранично (кегель 12);
- рисунки, схемы и таблицы должны быть выполнены в **плоском черно-белом изображении со штриховкой** и снабжаться сквозной нумерацией;
- фотографии (лицо и верхняя часть туловища) желательно присылать черно-белые; при публикации они будут иметь размер 2,5 x 2,5 см.

К рукописи обязательно прилагаются:

- аннотация на русском и английском языках (резюме) не более 15 строк;
- список ключевых слов;
- пристрастный библиографический список.

Авторы публикаций на соискание ученых степеней предоставляют рекомендации кафедр и учебно-методических подразделений; для аспирантов необходима справка, подтверждающая обучение в аспирантуре; авторская справка: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, ученая степень, а также данные для связи с автором: полный домашний адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

По электронной почте статьи принимаются только по договоренности с редакцией.

Решение о публикации принимается в течение 30 дней со дня регистрации рукописи в редакции.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и других сведений.

Предоставляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в другом издании без согласия редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕСТВО

<i>Дзуцев Х.В.</i> МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ	6
---	---

ТЕОРИЯ

<i>Синелина Ю.Ю.</i> ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ РОССИЯН КАК ФАКТОР КОНСОЛИДАЦИИ ОБЩЕСТВА	22
--	----

<i>Водолазов Г.</i> СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ШАНСЫ НА ИЗМЕНЕНИЯ	33
---	----

<i>Веретевская А.В.</i> ДВА МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА. ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В КАНАДЕ И США	47
--	----

<i>Староверова И.В.</i> КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ НА ЭТАПЕ СОЦИАЛЬНОГО СТАРТА	63
--	----

МОДЕРНИЗАЦИЯ

<i>Никовская Л.И.</i> МОДЕРНИЗАЦИЯ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ВЫБОРА МОДЕЛИ	76
--	----

<i>Валовая М.Д.</i> МОДЕРНИЗАЦИЯ И ЕВРАЗИЙСКАЯ ИДЕЯ – ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ	87
---	----

УПРАВЛЕНИЕ

<i>Харланова Л.А., Лебедев С.Н., Филон И.Л.</i> ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ В ПРОИЗВОДСТВЕ И В СФЕРЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ	91
---	----

ПРАВО

<i>В.В.Серый</i> ИМИДЖ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	101
--	-----

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АРХИВ

ИНФОРМАЦИЯ	109
------------	-----

КЛАССИЧЕСКАЯ И СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Орлова И.Б., Шумилина Т.И.
СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ: Э.ГИДДЕНС, Ю.ХАБЕРМАС, П.БУРДЬЕ 112

ИДУЩИЕ В НАУКУ

Брыкова Т.Ю.
САМООРГАНИЗАЦИЯ В МОЛОДОЙ МОСКОВСКОЙ СЕМЬЕ КАК ФАКТОР ЕЕ УСПЕШНОСТИ 126

Каралюнец В.А.
ВЛИЯНИЕ ГЕНДЕРНОГО ФАКТОРА НА ФОРМИРОВАНИЕ СТИЛЕЙ РУКОВОДСТВА
И ЭФФЕКТИВНОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ 136

Лукьянова К.М.
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТРАЕКТОРИИ УЧАЩИХСЯ СФЕРЫ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ 147

РЕЦЕНЗИИ

Кикнадзе В.
ПРОМЕТЕЕВ ОГОНЬ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИИ 159

КОНЦЕПЦИЯ

В.Н.Иванов, В.К.Сергеев
КОНЦЕПЦИЯ ГОРОДСКОЙ ЦЕЛЕВОЙ КОМПЛЕКСНОЙ ПРОГРАММЫ «КУЛЬТУРА МОСКВЫ
(2011–2013 гг.)» 174

ОБЩЕСТВО

Х.В.Дзучев

МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ДЗУЦЕВ Хасан Владимирович – доктор философских наук, профессор, руководитель Северо-Осетинского центра социальных исследований ИСПИ РАН.

Аннотация. Статья написана на материалах этносоциологических исследований, проведенных в мае 2010 г. в субъектах РФ (Республика Татарстан, Республика Северная Осетия–Алания, Чеченская Республика). Материалы исследования позволили сделать следующие выводы:

- этноязыковое поведение респондентов демонстрирует, что социальные функции национальных языков по-прежнему достаточно узки не только на уровне межэтнического, но и внутриэтнического взаимодействия;
- слабая динамика расширения социальных функций национального языка обусловлена представлениями большинства населения обеих этнических, а также социальных и возрастных групп о его невысокой востребованности для социальной самореализации индивида;
- низкий интерес к изучению национальных языков и культур со стороны русского населения и части самого титульного этноса связан не с количеством, а с качеством преподавания этих языков, что, в свою очередь, осложняет или снижает интерес и к «потреблению» предлагаемых образцов культуры титульных этносов.

Ключевые слова: титульные этносы, гражданин, поликультурное образование, язык, культура, национализм, мультикультуризм, разновидность культур, гражданин глобального мира, нации, народности, этнические группы, интерес, местные языки, мультинациональность, этноязыковое поведение.

С начала 80-х гг. XX в. в полиэтничных странах осознаются преимущества и перспективы мультикультурализма и разрабатываются концепции поликультурного образования, которые постепенно завоевывают мировое пространство. Сфере образования отводится одна из ведущих ро-

лей в продвижении мультикультурализма. Каковы же основные составляющие передовой теории и практики поликультурного образования?

Поликультурное образование направлено на формирование личности, готовой к восприятию и уважению многообразия, и предусматривает:

- отражение культурного разнообразия общества в учебных планах, на школьных занятиях и в окружающей обстановке с целью воспитания «этнической грамотности»;
- создание условий для постижения учащимися своего культурного наследия и получения информации о культурном богатстве других национальностей;
- рассмотрение сходств и различий этнических групп, воспитание уважения ко всем этническим группам и народам, осознание и уважение их уникальности, осуждение этнических предрассудков;
- отражение в содержании образования взаимовлияния и взаимообогащения культур в современном мире, хода и перспектив развития интегративных процессов.

При этом одинаково важно, чему учат детей и как их учат. При мультикультурном подходе содержание любого учебного предмета, особенно гуманитарных дисциплин, учитывает многонациональный состав государства и строится на принципах взаимности.

То, что в поликультурном обществе знание языка, культуры и истории титульного этноса/доминантной группы необходимо меньшинству для того, чтобы адаптироваться и реализовать себя в обществе, бесспорно. В то же время большинство не испытывают такой очевидной необходимости познавать язык, культуру и историю меньшинств. Но, тем не менее, именно поликультурные программы для всех учащихся, включая как меньшинство, так и большинство, являются одним из важнейших условий воспитания толерантности, консолидации и интеграции общества.

Такая система означает решительный отход от прошлого, когда общество в результате одной господствующей идеологии Коммунистической партии Советского Союза сглаживало языковое и культурное многообразие, определяло себя прежде всего с позиции концепции «советский народ» и представляло собой многонациональный коллектив тружеников города и деревни, объединенных общностью социалистического строя, марксистско-ленинской идеологией, коммунистическими идеалами рабочего класса, принципами интернационализма.

После распада СССР встает парадигма: выдвинуть на первый план языковую и культурную разнородность народов РФ и выработать известное латинское выражение: «E pluribus unum» – «из многих единое». Этот девиз символизирует не только политический союз народов РФ, но идея состоит в изменении роли национального государства, когда людей не лишают национальной принадлежности, а, напротив, даже увеличивают интерес к локальным явлениям.

Ощущаем ли мы себя гражданами глобального мира? Известно, что у тех обществ и людей, которые не ощущают себя входящими в глобальный мир, происходят ослабление их локальной (местной) идентичности, потеря самоуважения, рост разочарования в местных особенностях, потеря внутренней значимости их прежней локальной идентичности.

В XX в. многочисленные культуры в РФ не столько слились воедино, сколько выстроились в иерархию. Большие национальные образования в СССР, каким и был русский народ, воспринимались как «партия большинства». Людям иной национальности, очутившимся в иерархии ниже, было рекомендовано моделировать себя, подстраиваясь под «лучших представителей общества». На практике получалось принятие образа (включая язык, культуру) жизни русского народа. Поэтапная русификация образа жизни граждан СССР была принята в качестве идеала – предмета всеобщего восхищения и т.д.

Историю преподносили с точки зрения русских историков и других людей нерусской национальности, но предвосхищавших идеи первой группы, и мало внимания уделяли перспективам и достижениям других народов СССР на огромном пространстве (22,4 млн кв. км), где проживали 276,3 млн человек (1985) и более 100 наций и народностей. Многим людям и сегодня трудно отказаться от веры в то, что российская культура и сейчас не несет всему мировому сообществу самую передовую культуру.

На протяжении XX в. в национальных республиках СССР происходило явное сужение социальных функций титульных этносов, даже в семье функции родных языков начали сужаться. В то время появилась патриотично настроенная часть интеллигенции – националисты¹, которые были встревожены сложившейся языковой и культурной ситуациями.

Что такое национализм? Разновидность культур? Это когда культура одной группы не совпадает с культурой другой. На практике люди взаимодействуют, видят культурные отличия и хотят, чтобы эти отличия были признаны. Культурное признание фокусирует этничность. Для многих людей этническая принадлежность является центральной для идентификации индивида или группы. Человек думает о себе как о личности, деятеле, женщине, мужчине, муже, жене и т.д. Но как человек, говорит он, я не бескультурный: я – татарин, чеченец, осетин и т.д. Я хочу знать свой язык и сохранить его, а не только знать русский и иностранные языки. И для этого нужны какие-то политические решения. И если они будут приняты, все зависит от того, какую идеологию будет правительство проводить – формальную, т.е. для видимости, без выполнения соответствующих функций, или адресную, касающуюся конкретной этнической группы. Насколько Правительство РФ поддерживает реальное существование республиканских государственных языков этнических групп. Финансирует, разрабатывает учебные или иные программы через Министерство образования и науки РФ и через другие государственные программы, включая СМИ. Только тогда культурно-защитная идеология начнет функционировать, когда пройдет все этапы своего развития. Далее элита (управленческая, научная, культурная) должна задать тон, ибо она, как правило, формирует идеологию, находит здесь и свой интерес с целью продвижения себя в политику. Но в этой политике есть свои подводные течения. Элита может

¹ Здесь национализм трактуется как нечто позитивное, отождествляемое с национальным возрождением, национальной самобытностью и активным участием в развитии национального самосознания и национальной культуры, их защитой и поддержкой // Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 2. С.27.

какие-то идеи пропустить, чтобы массы ими овладели, только в том случае, если будет отклик на эти идеи. Она должна протолкнуть какую-то фактуру в сознание людей, на которую будет опираться. К примеру, возьмем проблему спорных территорий, скажем, Крым. Социологи провели опрос среди россиян, и на вопрос: «Считаете ли Вы, что Крым наш?» 80% россиян ответили «да». На следующий вопрос: «А готовы ли Вы, чтобы Ваши дети пошли воевать за Крым?», – из всех опрошенных «да, готовы» ответили 2,0–4,0%. Как видно, абсолютное большинство не готовы «воевать» за Крым. И здесь в нашем случае абсолютное большинство населения РСО–А, РТ, ЧР считает родным языком язык титульной национальности, и это как-то «греет душу», но без реальных шагов со стороны общества по его сохранению ситуация не будет меняться.

В обществе есть понимание того, что каждый человек является частью какой-либо социальной группы, а этнос – одной из разновидностей социальных групп. Этническая же идентичность может рассматриваться как разновидность идентичности социальной. Совмещенность социального положения и этничность – та конфликтная точка, на которую опираются элита, идеологи, партийные боссы.

Мы знаем, что есть государства (Канада, Бельгия, Швейцария), где демократия не только устоявшаяся, а народы взаимодействуют, но где могут быть и культурные интересы, претензии. А конфликты и новые претензии начинаются тогда, когда меняется их социальный статус. Франкоканадцы догоняют англоканадцев – взрыв. Валлоны чуть-чуть стали догонять фламандцев. И они стали требовать самостоятельности. То же баски, которые по социальному уровню выше каталонцев и других национальностей Испании. В итоге у граждан этих стран появляется ощущение нереализованного статуса. Все это – националистические вызовы. Культурные причины элиту интересуют, но социальная подоплека – одна из самых важных, и этого никак нельзя упускать.

Говоря о равенстве языков, надо помнить, что это прежде всего социальная проблема. Бедные и необразованные слои населения никогда не поднимут голос. Но социальное неравенство – это относительное понятие. Франкоканадцы сравнивают себя не с гражданами Никарагуа, они сравнивают себя с представителями этнических групп своей собственной страны, думая, что у них такой же статус, что они – на первых ролях, а мы – нет. Давайте у нас тоже будет своя территория, где мы будем первыми с вытекающими отсюда национально-культурными ценностями и установками. Согласно Конституции РФ (ст. 68, ч. 1) русский язык является государственным языком РФ на всей территории, выступая важным фактором единства и целостности Российского государства. Республики РФ обладают правом иметь свои государственные языки, которые наряду с русским употребляются в органах государственной власти, местного самоуправления, государственных учреждениях. Конституция РФ гарантирует также каждому народу и каждому человеку сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития (ст. 68, ч. 3). Пропаганда языкового превосходства запрещается Конституцией РФ (ст. 29, ч. 2).

Реальное состояние языков различных этнических групп в РФ таково, что некоторые современные аналитики предсказывают: если в РФ не из-

менится языковая политика, мы станем свидетелями того, что у многих народов РФ в ближайшие 50–100 лет исчезнут языки, давшие названия тем или иным локальным этническим образованиям. Чтобы не произошла потеря национальных языков, некоторые ученые предлагают ввести обучение на билингвальной основе как базовом компоненте в системе современного языкового образования, в чем усматривают путь к исправлению векового преуменьшения или игнорирования языков и культур бывших «нацменьшинств» СССР.

В последние годы поликультурная основа в системе современного языкового образования в РФ находит все больше сторонников, а некоторые оппоненты говорят, что данный подход поощряет раздробленность вместо единства, призывая людей отождествлять, распознавать соответствие со своей собственной категорией (группой объединенных общими признаками), а не со всей нацией. По мнению критиков, вместо того, чтобы признать наличие каких-либо общих культурных стандартов, провозглашаются предпочтения оценивать идеи, отталкиваясь от гендерной статусной принадлежности тех, кто преподносит эти идеи. В итоге национальные общества распадаются на приверженцев «русского» и «локального» (местного) языков. Здесь люди опираются на удобства, не ставя во главу угла интересы собственного народа.

Есть и такие критики, которые потерю языков той или иной этнической группы объясняют вестернизацией общества, т.е. заимствованием образа жизни западных стран.

Основной упрек, по словам критиков, состоит в том, что знание родного языка не помогает его представителям в карьерном росте и не востребован за пределами национального образования. Кроме того, в начальных классах, обучающих по региональным программам, дети лишаются многих важных познаний и навыков из-за того, что учебный материал подается с точки зрения определенной этнической группы.

Есть ли возможность прийти хоть к какому-то согласию в этом споре? Почти все признают (эксперты, респонденты), что гражданам РФ следует больше обращать внимание на культурное многообразие, хотя определение точки равновесия между «многими» и «единицами» остается пока весьма проблематичным.

Проблема поликультурного образования имеет для Российской Федерации не только образовательное измерение, но даже в большей степени определяет перспективы дальнейшего развития страны как единого социокультурного пространства.

Так как этнокультурная, историческая, социальная и экономическая специфика различных субъектов РФ в значительной степени влияет на степень актуализации проблем поликультурного образования и особенность ее репрезентации в общественном сознании регионального сообщества, для изучения современного состояния проблемы в рамках социологического исследования в качестве объекта исследования выступили граждане РСО–А, Татарстана и Чечни. Каждая из этих республик характеризуется специфическим этнокультурным и этнополитическим полем, что позволило выявить базовые и частные характеристики состояния поликультурного образования в национальных республиках РФ.

Исследование по проблеме «Мультикультурное пространство в Российской Федерации: реалии и перспективы» включало четыре этапа.

■ Исследование уровня правового, кадрового и учебно-методического обеспечения полилингвального образования.

■ Исследование состояния полилингвального образования в дошкольных образовательных учреждениях.

■ Исследование состояния полилингвального образования в средних образовательных учреждениях.

■ Исследование социума на предмет отношения к полилингвальному образованию.

В ходе исследования в каждой республике были опрошены: 250 воспитателей ДОУ, 250 учащихся 11 классов СОШ, 500 респондентов. Опрос был проведен среди городского населения Владикавказа, Казани и Грозного. Математическая ошибка такой выборки не превышает 3,1%, т.е. обеспечивает надежную репрезентативность для каждого обследуемого субъекта Российской Федерации. Предельная ошибка выборки для совокупного массива не превысила 1,4%. В ходе исследования также были опрошены 15 экспертов, т.е. в каждой республике по 5 человек: специалисты системы образования, журналисты, политологи, а также лидеры общественно-политических организаций. Подбор экспертов, основным критерием которого были компетентность и широкий кругозор, осуществлялся в соответствии с уровнем общего представления о проблеме, а также по принципу профессионального отношения к данной области знаний. На основе структуры анкеты для массового опроса был разработан специальный опросник (guide) эксперта.

Материалы исследования позволили сделать следующие выводы.

Опыт «суверенизации» последних двух десятилетий во многом был связан с восстановлением статусов национальных языков в культурном и политическом пространстве республик, поскольку именно язык является для большинства народов главным этноинтегрирующим компонентом. Наиболее активная работа по сохранению, изучению и развитию национального языка осуществляется в Татарстане. Уже в июле 1992 г. там был принят Закон «О языках народов Республики Татарстан», а в ноябре 1992 г. Конституция республики законодательно закрепила государственный статус татарского языка наряду с русским. Кроме того, в 1994 г. была принята «Государственная программа Республики Татарстан по сохранению, изучению и развитию языков народов Республики Татарстан», в которой особая роль отводилась развитию татарского языка. Наконец в 2004 г. начала реализовываться «Государственная программа РТ по сохранению, изучению и развитию государственных языков РТ и других языков в РТ на 2004–2013 гг.».

Аналогичные процессы происходили и в других республиках, но с меньшей интенсивностью. Все это обусловило тот факт, что формирование содержания образования (в рамках реализации Федерального закона от 1992 г. «Об образовании») было связано в первую очередь с изменением объема и содержания языковых дисциплин (прежде всего русского и национальных языков). В частности, было прописано, что 75% содержания учебного времени определяется на федеральном уровне, 15% – на

региональном, 10% – на школьном. Эти 25% и составляли национально-региональный компонент, в рамках которого республики имели возможность вести преподавание двух языков (русского и национального) в равных объемах. Подобная ситуация сохраняется до настоящего времени.

Новый этап в образовательной политике, обозначенный в «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 г.», предлагает принципиально иной подход к образованию в стране, декларируя, что «потенциал образования должен быть в полной мере использован для сохранения единого социокультурного пространства страны, преодоления этнонациональной напряженности и социальных конфликтов на началах приоритета прав личности, равноправия национальных культур и различных конфессий, ограничения социального неравенства. Многонациональной российской школе предстоит проявить свою значимость в деле сохранения и развития русского и родного языков, формирования российского самосознания и самоидентичности»¹.

Таким образом, образование должно стать основным инструментом формирования общероссийской, общегражданской идентичности, что формально не противоречит стратегической задаче развития национальных языков, но по сути принципиально меняет приоритеты в образовательном стандарте. Это, по мнению многих представителей общественности, негативно повлияет на дальнейшее развитие национального языка.

Кроме того, этносоциальная модель национальных республик складывается в большей степени из взаимодействия двух крупнейших этнических групп этих республик: титульных этносов и русских. И несмотря на то, что межэтнический фон в республиках (по крайней мере в РТ и РСО–А) традиционно стабилен, представители данных этнических общностей могут по-разному оценивать изменения в сфере образования. В частности, отмечается определенное беспокойство части русского населения, вызванное, по их мнению, негативной ситуацией в сфере использования русского языка, которое складывается в республиках в последние годы.

Помимо русского и титульных этносов в республиках существуют и другие. Например, самые крупные из них в Татарстане – чувашские, марийские, удмуртские, мордовские. Значимость языков народов национальных меньшинств так же высока, как и более многочисленных национальных групп.

Таким образом, проблема поликультурного образования имеет целый ряд принципиальных моментов, которые будут учтены нами в ходе анализа результатов проведенного исследования.

Для удобства анализа, а также выявления имеющихся корреляций обобщенные результаты социологического опроса были сгруппированы нами в три блока.

1. Этноязыковое поведение респондентов.
2. Этноязыковые предпочтения респондентов.
3. Этнокультурные ориентации респондентов.

Этноязыковое поведение респондентов выглядит следующим образом.

¹ Приказ Министерства образования Российской Федерации от 11 февраля 2002 г. №393 «О Концепции модернизации российского образования на период до 2010 г.».

Было ожидаемо, что представители той или иной нации называют родным свой национальный язык, однако материалы массовых опросов, проведенных в городах Владикавказ, Казань, Грозный, показали, что 42,7% респондентов, отнесших себя к татарам, 36,2% – к осетинам и 19,0% – к чеченцам, назвали в качестве родного языка русский. А как известно, всякий орган, в нашем случае язык, находящийся в состоянии бездействия, вскоре теряет свои функциональные способности.

Среди респондентов русской национальности, отметивших в качестве родного языка татарский, осетинский или чеченский, таковых оказалось около 5%. Примечательно, что среди опрошенных школьников РСО–А русской национальности число считающих своим родным языком осетинский значительно выше, чем в обобщенной выборочной совокупности и составляет 21,9%, в то время как среди сверстников осетин, а также татар, чеченцев, выбравших в качестве родного языка русский, показатели практически идентичны данным обобщенной выборочной совокупности и составляют 32,6, 44,5 и 22,8%, соответственно.

С указанными показателями вполне соотносятся данные вопросов об использовании того или иного языка в различных жизненных ситуациях. Так, в кругу семьи на русском языке разговаривают 77,2%, на татарском – 73,0% респондентов-татар; в осетинских семьях соотношение данных показателей составляет 61,2 и 82,8%, в чеченских – 30,7 и 96,1%.

С друзьями и знакомыми чаще разговаривают на русском 90,9% респондентов-татар, 79,1% осетин, 63,3% чеченцев. Только чеченцы говорят на родном языке чаще, чем на русском.

Школьники в еще большей степени предпочитают общаться на русском языке: 93,3% осетин, 96,0% татар и 70,3% чеченцев выбирают для общения русский язык, 33,9% осетин, 49,0% татар и 88,3% чеченцев – выбирают для общения родной язык.

Относительно степени владения языками были получены следующие результаты: около 90,0% респондентов титульных национальностей рассматриваемых республик отметили, что владеют русским языком хорошо. Около 70–80% этих же респондентов отметили, что так же хорошо владеют своим родным языком.

Показательно, что степень владения русскоязычными респондентами английским языком выше владения языком титульных этносов республик, в которых они проживают.

Таким образом, можно констатировать: несмотря на реализацию целого ряда республиканских программ по развитию национальных языков в последние десятилетия, в том числе в рамках школьной программы, общий уровень владения родным языком среди жителей достаточно низок.

Одной из причин такого положения может быть качество преподавания национального языка.

Из опрошенных респондентов обобщенной выборочной совокупности лишь каждый 5–7 респондент оценивает как отличное качество преподавания национальных языков в общеобразовательной школе, каждый 3–4 – хорошее, каждый 3 – удовлетворительное, каждый 2 – плохое, каждый 20 – очень плохое.

В то же время преподавание русского языка оценили как отличное 10–20% респондентов, около 50% – хорошее, около 20–30% – удовлетворительное, 5% – плохое и 1–2% – очень плохое.

В ответах респондентов школьников преподавание национального языка оценено позитивнее: отличное – 30–40%, такой же процент – хорошее, удовлетворительное – около 10–15 %, плохое и очень плохое – около 5% респондентов, очень плохое – 1,6%.

В этой категории опрашиваемых обнаруживается определенная зависимость позитивных оценок уровня преподавания национального языка с этнической принадлежностью респондентов: титульные национальности в целом положительнее оценивают уровень преподавания языков, чем нетитульные.

Итак, общий уровень преподавания национального языка с позиции респондентов можно в целом оценить как средний. Подобная ситуация с национальным языком, очевидно, вызывает отклик среди представителей титульных этносов – подавляющее большинство респондентов в той или иной степени интересуются судьбой родного языка. Около трети респондентов нетитульной национальности также в разной степени волнуют проблемы национальных языков.

Весьма показательны для анализа ситуации с этнолингвистическими предпочтениями респондентов ответы на вопрос о том, по какому языку необходимо усилить подготовку детей в школе. Чаще всего респонденты всех категорий отвечали, что надо все оставить, как есть. Необходимость увеличить объем часов занятий по русскому языку высказали 55–60% русскоязычных школьников, 40–50% школьников титульной национальности. Около трети респондентов (в РСО–А – почти половина) как титульной, так и нетитульных национальностей отмечают необходимость усилить подготовку по иностранным языкам.

Охотно изучают русский язык большинство школьников, как русскоязычных (около 80%), так и осетин (62,8%), татар (76,5%), чеченцев (78,4%). В то же время национальные языки изучаются с меньшей охотой даже теми, для кого они являются родными. Охотнее школьники познают не только русский, но и английский язык.

Различный уровень интереса к изучению того или иного языка вполне проясняют ответы респондентов на вопрос о том, знание какого языка пригодится детям, когда они вырастут. В качестве такого языка 84–94% респондентов в рассматриваемых республиках выбрали русский язык и 75–95% – английский, немецкий и другой иностранный. Русскоязычное население республик не видит особую необходимость в изучении национальных языков. Выделяется в этом вопросе только Татарстан – более четверти опрошенных русской и русскоязычной национальностей видят перспективы изучения татарского языка. В национальных группах респондентов доля таких составляет от 52,2 % в РСО–А до 60,2% в РТ.

Исходя из анализа приведенных данных, можно предположить, что возможность достичь успехов в жизни ассоциируется у большинства населения со знанием иностранных и русского языков, а знание национального не воспринимается в настоящее время в качестве конкурентного преимущества. При этом среди респондентов русской национальности эти

тенденции более выражены, чем среди респондентов титульных национальностей республик.

Таким образом, достаточно очевидны различия в позициях между респондентами русской и титульных национальностей относительно потенциальной значимости национального языка и необходимости его изучения, при том что позиции представителей данных групп в отношении иностранных языков и русского достаточно близки.

Можно констатировать, что в экспертном сообществе позиции относительно соотношения количества преподавания языков также различны.

Важно также выявить, сохраняются ли различия в позициях респондентов и в отношении других компонентов этнокультурного образования. Можно отметить: если среди представителей титульных национальностей отношение к увеличению часов для изучения национального языка и истории титульного этноса позитивное, то среди представителей русской национальности имеют место дифференцированное отношение с более позитивной оценкой увеличения количества часов для изучения истории титульного народа республики и значительно – менее позитивной или, скорее, негативной оценкой подобного увеличения часов для изучения языка этого народа. Мы полагаем, что в данном случае определяющим фактором для подобной позиции респондентов может быть методика преподавания, а не содержание самого учебного предмета. Языки, о которых идет речь – татарский, чеченский, осетинский, очень трудные для изучения. Другое дело – история народа. Она всегда интересна и доступна.

В свете полученных выше результатов интересным является отношение респондентов к полилингвальному образованию, а также их мнения относительно того, будет ли способствовать система полилингвального образования сохранению и развитию титульных языков. По первому вопросу в обобщенной выборочной совокупности были получены следующие результаты: 58,9% русских и русскоязычных РСО–А очень положительно относятся к системе полилингвального образования, такая же ситуация в Республике Татарстан (69,1%), среди титульных этносов РСО–А положительное отношение высказали 72,6%, в РТ – 78,4%, в ЧР – 78,4%.

С точки зрения этнической принадлежности опрошенных горожан можно сказать, что положительнее относятся к системе полилингвального образования респонденты титульных национальностей, чем респонденты русскоязычные. В группе школьников была отмечена более высокая, в сравнении с обобщенной выборочной совокупностью, доля тех, кто относится к системе полилингвального образования отрицательно и безразлично. По нашему мнению, это также связано с качеством преподавания, которое школьники, в отличие от респондентов обобщенной выборочной совокупности, ощущают на себе непосредственно.

Подобные различия в оценках полилингвальной системы образования у представителей этнических групп могут объясняться и различиями в общих этнокультурных ориентациях. В группе респондентов русской национальности наибольший интерес вызывают образцы своей и европейской танцевальной культуры, в то время как для респондентов титульных национальностей наибольший интерес представляет своя танцевальная культура, а русская и европейская вызывает меньший и примерно одинако-

вый интерес. Среди школьников в целом отмечается больший интерес к современной европейской танцевальной культуре. Среди представителей обеих этнических групп обобщенной выборочной совокупности предпочтение отдается песням на русском языке, но если в группе «русские» далее по привлекательности следуют песни на иностранных языках, то в группе «титulyные народы» с небольшим отставанием следуют песни на национальном языке, а песни на иностранных языках по вызываемому интересу значительно уступают русским и национальным. У школьников русской и титульных национальностей песни на родном языке уступают и песням на русском, и на иностранных языках. Материалы исследования показывают, что наиболее устоявшиеся характеристики и у осетин, и у татар, и у чеченцев – это культура. Но с социальной точки зрения этого недостаточно. Во время массового опроса мы внесли еще один компонент – интересы с позиции выгоды. Интересы могут быть не только экономическими. Наиболее рациональные слои общества – интеллектуалы, которые выше всего ставят идеальные интересы – престиж, статус, уважение. Так, по материалам массового опроса, проведенного среди горожан Владикавказа, Казани и Грозного, на вопрос: «Знание какого языка может пригодиться детям в жизни, когда они вырастут?», – русские и русскоязычные РСО–А на первое место поставили иностранные языки (95,3%), та же этническая группа РТ – иностранные языки (118,9%), осетины – иностранные языки (91,8%), татары – иностранные языки (108,4%), чеченцы – иностранные языки (74,9%). На втором месте у респондентов русских и русскоязычных РСО–А русский язык (89,4%), русских и русскоязычных Татарстана – русский язык (92,7%), осетин РСО–А – русский язык (91,0%), татар – русский язык (83,8%) и чеченцев – русский язык (94,4%). Третьим по значимости у русских и русскоязычных РСО–А является осетинский язык (16,6%), русских и русскоязычных в Татарстане – татарский язык (26,3%), осетин РСО–А – осетинский (52,2%), татар в Татарстане – 60,2%, чеченцев – чеченский (58,9%)¹.

Такой разрыв, практически в два раза в плане интереса к своему родному языку и к другим языкам титульных национальностей можно объяснить тем, что влияние общества на развитие национальной культуры в 90-е гг. XX в. было разрушено и не восстановлено до сих пор. Маргинализация, криминализация, рост дивиантного поведения молодежи и поражение интеллигенции на рынке культуры способствовали размыванию этнической идентичности и потери своего «я».

Граждане не ставят проблему о потере своей национальной культуры, языка не потому, что у них нет потребности в этом, оно связано с неосознанностью массами идентичности интересов. Некому их организовать и некому внести в сознание, т.е. они должны сами осознать саму проблему и здесь все упирается в создание организации по поддержке языка и культуры национальных меньшинств РФ. Единичными выступлениями на телевидении и страницах газет проблему не решить, хотя и это нужно. Ситуация меняется в обществе тогда, когда есть предводитель и он

¹ Учитывая, что ответ мог быть не единственным, итоговая цифра превышает 100%.

поддерживает ту или иную идею. И здесь в нашем вопросе организацию нужно будет создавать по поддержке национальной культуры и языка во главе с первыми лицами исполнительной власти республик при поддержке Президента и Правительства РФ. Граждане бывшего Советского Союза привыкли, чтобы ими руководили авторитетные люди, облеченные властью. Кто бы ни возглавил данную организацию, его имя останется и в Татарстане, и в Чечне, и народ его будет помнить. Как помнят в Северной Осетии Кубади Кулова (бывший 1-й секретарь Обкома КПСС в 40-е гг.), организатора экспедиции по сбору полевого материала о нартских сказаниях, потом вдохновителя этого бесценного издания, и Билара Кабалоева (бывший 1-й секретарь Обкома КПСС в 70–80-х гг. XX в.), организатора электронной промышленности в республике, в результате чего мы стали культурной, урбанизированной нацией, и Ахсарбека Галазова (первый президент РСО-А в 90-х гг. XX в.), который осознал, что после ингушко-осетинского конфликта молодежи Северной Осетии нужны национальные герои, и наша футбольная команда стала чемпионом страны в высшей лиге. Аналогичные примеры можно привести по Республике Татарстан и Чеченской Республике. Точно так же сейчас нужны государственные шаги со стороны первых лиц республик и страны по поддержке языка и культуры национальных меньшинств, и это тяжелая задача, потому что мы должны войти в современный глобальный мир и не потерять свое лицо. Некоторые государства, например Япония, подняли свою экономику до небывалой высоты на основе сохранения национальной культуры. Американский экономист, лауреат Нобелевской премии Норт Дуглас Сесил доказал, что культура больше влияет на экономические процессы, нежели налоговая система, таможенные правила и другие собственно экономические установки.

Влияние властей на ситуацию пока не приводит к желаемому результату. Есть надежда только на общество. Тогда и культура изменится, и все это может способствовать активизации трудовой деятельности, являющейся главной и определяющей в западной культуре, хотя некоторые считают, что основой вестернизации, т.е. образа жизни граждан Америки, Европы, является праздный образ жизни.

После 90-х гг. XX в. существующая тогда анархия не способствовала сохранению идентичности общества – главным была адаптация населения к существующим экономическим реалиям – выживанию или обогащению.

Укрепление власти сегодня и попытки демократического стиля управления не будут считаться эффективными до тех пор, пока не сложатся коллективные представления об общих ценностях, интересах. Это может быть идеология по созданию общих принципов поликультурной образовательной модели и формирования российской гражданской идентичности. Словом, любое коллективное смысложизненное содержание, препятствующее негативной автономизации, создавая на этой основе, на этой идеологии социально целое общество. Такая демократическая организация, как было сказано выше, может способствовать формированию многонационального государства в общество гражданское, принимающее во внимание культуру других людей и утверждая в реальной практике значимость каждой культуры в интересах общей культуры, создавая на этой основе социальный интерес к общей идентичности интересов граждан,

страны. Только на этой основе могут быть защищены национальные интересы граждан, обеспечена безопасность, создано современное демократическое государство.

Надо помнить, что реализация поликультурной модели как основы российской идентичности возможна при наличии интереса к этому проекту политической элиты и научного сообщества и при формировании гражданской культуры как баланса многообразия культур и участия самого населения в этом процессе.

Что же следует предпринять, по мнению респондентов, для расширения функций титульных языков на современном этапе? Из проведенного опроса следует, что осетины РСО–А (13,4%) считают, что необходимо ввести в практику проведение заседаний местных правительств и парламентов на языках титульных наций. 13,3% татар Татарстана такого же мнения. Их поддерживают 16,8% чеченцев ЧР. 20,9% респондентов-осетин РСО–А полагают, что необходимо ввести в практику обязательное знание языка титульной нации для членов правительства, парламента, администрации местного самоуправления, как это введено в развитых странах. За то, чтобы ввести такую практику у себя в республике – 32,0% татар РТ, 21,8% чеченцев ЧР. Вариант ответа: «Ввести с первого класса преподавание предмета о традициях и культуре титульных этносов» отметили 48,9% осетин РСО–А, 34,4% татар РТ, 26,3% чеченцев ЧР. 15,7% осетин за то, чтобы ввести зачет по родному языку в высших учебных заведениях республики. Только 9,5% татар и столько же чеченцев за этот вариант ответа. Каждый третий осетин РСО–А (26,1%) за то, чтобы ввести предмет родного языка (речевая практика) на всех факультетах средних и высших учебных заведений республики. Такой выход из сложившейся ситуации поддерживают почти каждый пятый татарин РТ (22,4%) и каждый шестой чеченец ЧР (15,1%). Систему полилингвального (русский, родной, английский языки) обучения поддерживают 19,8% осетин РСО–А, 36,9% татар РТ, 19,6% чеченцев ЧР. Большое значение теле- и радиопередачам на родном языке придают 37,3% осетин РСО–А, 33,2% татар РТ и 21,2% чеченцев ЧР. Каждый пятый осетин (20,5%) и татарин (22,0%) считает, что расширению функции родного языка на современном этапе поможет переиздание классиков национальной литературы. С ними согласны 6,1% чеченцев ЧР. Важное место в решении проблемы расширения функции родного языка занимает уровень подготовки преподавателей родного языка: за повышение этого уровня ратуют 35,8% осетин РСО–А, 41,1% татар РТ и 23,5% чеченцев ЧР. Не менее актуальным для респондентов является и улучшение качества учебных пособий по обучению родному языку. Так считают 28,7% осетин РСО–А, 32,4% татар РТ, 12,3% чеченцев ЧР. Более чем каждый пятый респондент осетин РСО–А (24,3%) и татарин РТ (26,1%) считает, что расширение функций родного языка связано с оснащением учебных классов оргтехникой. 21,3% осетин РСО–А, 31,1% татар РТ и 22,9% считают, что необходимо повысить заработную плату преподавателям родного языка, чтобы привлечь молодых специалистов для работы в средних учебных заведениях. Чтобы повысить социальные функции родного языка, необходимо больше проводить культурно-массовых мероприятий на родном языке. Единодушие по

этому вопросу высказали респонденты-осетины РСО–А и татары РТ (по 34,0%). С ними согласен каждый пятый респондент-чеченец. Но без финансирования такие мероприятия не обходятся, поэтому за то, чтобы соответственно увеличить финансирование культурно-массовых мероприятий на родном языке, высказались 23,1% осетин РСО–А, 30,3% татар РТ и 15,6% чеченцев ЧР. Большие надежды в расширении функций родного языка 28,4% осетин РСО–А, 28,2% татар РТ и 16,8% чеченцев ЧР возлагают на увеличение изданий учебной, учебно-методической и детской литературы на родном языке¹.

Анализ опроса показывает, что, по мнению респондентов титульных национальностей, для расширения функций родного языка на современном этапе хороши практически все методы, включая введение предмета по изучению традиций и культуры титульной нации, повышения уровня подготовки преподавателей родного языка, увеличения им зарплаты, увеличения объема эфирного времени на родном языке, больше культурно-массовых мероприятий на родном языке и т.п.

В обществе есть мнение: переход от традиционного или современного общества к постсовременному является преобразующим, но не осуществляющим радикальный отказ от культуры и идентичности. Он называется постмодернизацией – это развитие на базе собственных культурных оснований. Страна, республика могут достичь успеха не при условии отказа от своих особенностей, прежде являющихся исключительно препятствием к развитию, но, наоборот: на основе собственной культуры можно войти в современность. Сохранение идентичности позволяет людям сохранить достоинство, а достоинство – это упорный труд. Люди, сохранившие свою идентичность и свое достоинство, уверены в себе настолько, чтобы успешно и целенаправленно действовать. Человек, обладающий самоуважением, имеет и другую ценность – уважение к нему со стороны других лиц. Этой проблеме, вопросу «мультикультуризма», в США начали уделять большое внимание уже с 90-х гг. XX в. И никто не оспаривает необходимость терпимого отношения к людям, так или иначе отличающимся. Американцы уверены, что культурное многообразие способно принести реальную экономическую выгоду.

В российском обществе после 90-х гг. XX в. произошло специфическое насаждение либерализма без реализации каких-то социальных программ, тем самым вытеснив прежние формы коллективизма, в том числе социальной программы по развитию национальных культур.

Граждане бывшего СССР привыкли к коллективной форме поведения с верховенством государства, а в новейшей истории России индивидуум в силу определенной скромности своего участия в социокультурных вопросах доходит нередко до личной безответственности и господству над личностью абстрактных анонимных сил науки с ее организационными структурами и доминирующими воззрениями господствующих школ и направлений. Задача ученого состоит не только в производстве нового знания, добавляющего новые возможности, но и в разрушении фиктивных

¹ Учитывая, что ответ мог быть не единственным, итоговая цифра превышает 100%.

ожиданий, в обыденном сознании, сферы управления, политики, учитывая, что произошел откат в системе управления. Т.е. начинает доминировать архаика. Сложившаяся ситуация в области языка, культуры свидетельствует об отсталости и культурном разрыве между элитой и народом, во многом связанными с материальным положением в различных социальных группах.

Титульные этносы России, а в большей степени – в республиках СКФО, отличаются тем, что часто переживали драматические изменения и приспособились к существованию противоречий идентичности. Это во многом связано с отсутствием срединной культуры, т.е. с полным отсутствием гражданского общества, способного взять на себя ответственность по обеспечению национально-культурных самостоятельности народов РФ. Такое состояние позволяет говорить о глубоком внутреннем значении некоторых исходных уровней идентичности, связанных с национальной культурой, и одновременно об открытости к приобретению новых свойств идентичности с активным использованием титульного, русского и иностранных языков. В этой связи не объединение тех или иных областей и республик важно (Красноярский край и Ханты-Мансийский автономный округ), которое может вызвать новый виток противоречий в российском обществе, а сохранение национальных меньшинств, национальных культур и языков. От этого объединения народы Ханты-Мансийского автономного округа ничего не приобрели, оно произошло в угоду экономическим интересам определенных кругов. После того, как произошло сращение двух субъектов Федерации, никто и не думал о сохранении самобытности народов автономного округа. На севере Италии есть диалекты, носителями которых являются группы, насчитывающие не более 3000 человек, и чтобы сохранить их язык и культуру, Правительством Италии оказывается финансовая поддержка, что является достойным примером и для Российской Федерации.

Подводя общий итог рассмотренным проблемам, мы можем сделать следующие выводы, основываясь на полученных и приведенных выше результатах:

- этноязыковое поведение респондентов демонстрирует, что социальные функции национальных языков по-прежнему достаточно узки не только на уровне межэтнического, но и внутриэтнического взаимодействия;
- слабая динамика расширения социальных функций национального языка обусловлена представлениями большинства населения обеих этнических, а также социальных и возрастных групп о его невысокой востребованности для социальной самореализации индивида;
- низкий интерес к изучению национальных языков и культур со стороны русского населения и части самого титульного этноса связан не с количеством, а с качеством преподавания этих языков, что, в свою очередь, осложняет или снижает интерес и к «потреблению» предлагаемых образцов культуры титульных этносов.

Список литературы

1. Гирц К., Ковлер А.И., Смирнов В.В. Демократия и участие в политике. М., 1996.
2. Польза разнообразия // Теория и история экономических и социальных институтов и систем. «Мир человека». 1993, №3.
3. Доган М., Пелласи Д. Сравнительная политическая социология. М., 1994.
4. Орлова Э.А. Введение в социальную и культурную антропологию. М., 1994.
5. Соловьев О.М. Плюрализм в демократическом обществе // Социология и социальная антропология. СПб., 1997.
6. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М., 1977.
7. О языках народов Российской Федерации. Закон РФ от 25 октября 1991 г. // «Ведомости РСФСР». 1991, №50. Ст. 1740.
8. Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989.
9. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. Учебник для вузов. М., 1999.
10. Большой толковый социологический словарь. Коллинз. Т. 1–2. М., 1999.
11. Сусоколов А.А. Культура и обмен. М., 2006.
12. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.

© Дзуцев Х.В., 2010

ТЕОРИЯ

Ю.Ю.Синелина

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ РОССИЯН КАК ФАКТОР КОНСОЛИДАЦИИ ОБЩЕСТВА¹

СИНЕЛИНА Юлия Юрьевна – доктор социологических наук.

Аннотация. В статье предлагается к рассмотрению методика изучения ценностных ориентаций респондентов, дается сравнительный анализ ценностных ориентаций православных, мусульман и неверующих россиян на основе данных исследований религиозности населения, рассматриваются типологические группы респондентов, выделенные на базе предпочтений ценностей и жизненных целей из соответствующих блоков. Также в статье осуществляется анализ некоторых аспектов религиозной и этнической толерантности россиян.

Ключевые слова: православные, мусульмане, неверующие, ценностные ориентации конфессиональных групп, уровень религиозности, уровень религиозной толерантности, уровень этнической толерантности

Анализ ценностных установок, распространенных в современном российском обществе, представляется одной из важнейших задач отечественной социологии. Ответ на вопрос, существуют ли ценности, объединяющие население России и каковы они, способствует решению проблемы консолидации общества, стоящего сегодня перед вызовами центробежных тенденций. Зачастую одним из центробежных факторов называют религиозный, подразумевая, что разные религии способствуют формированию различных ценностных установок в обществе и ведут к его дезинтеграции. С нашей точки зрения, это утверждение требует эвристической проверки. В российском обществе наиболее многочисленными религиозными группами являются православные и мусульмане, и от их взаимопонимания и со-

¹ Данная статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда грант №10-03-00185а.

трудничества во многом зависят целостность и благополучие российского государства. В противовес вышеуказанному мнению о дезинтеграционном влиянии религии, можно в теоретическом плане указать на следующие факторы. Православие как ветвь христианства и ислам являются моно-теистическими религиями, христиане и мусульмане считаются «народами Книги», их религиозные представления и духовно-нравственные ценности основаны в определенной мере на одном и том же источнике. На протяжении столетий русское православие и российский традиционный ислам сосуществовали и развивались в рамках одного государства и, хотя нельзя утверждать, что их отношения всегда были безоблачными, все же этот опыт оказался скорее положительным, доказавшим свою жизнеспособность. Но все эти рассуждения относятся скорее к области религиоведения. Социологи анализируют реальную ситуацию, сложившуюся в обществе, проявления теоретических установок в социальной жизни. Поэтому целью нашего эмпирического исследования было выявление общих ценностных ориентаций населения, и в особенности их сравнительный анализ у православных и мусульман.

В рамках всероссийского исследования религиозности населения мы изучали *ценностные ориентации* россиян¹. Методика для изучения структуры ценностей респондентов была разработана на базе методики по изучению ценностей В.Ф.Чесноковой². Мы модифицировали существующие на эту тему разработки В.Ф.Чесноковой. Всего было выделено четыре блока ценностей.

1. Жизнелюбие (миролюбие, любовь к себе как земному существу).

2. Социальность (включенность в человеческие отношения, делание людям добра как главная задача в жизни).

3. Индивидуализм саморазвития (интеллектуальное саморазвитие).

4. Религиозность (любовь к Богу).

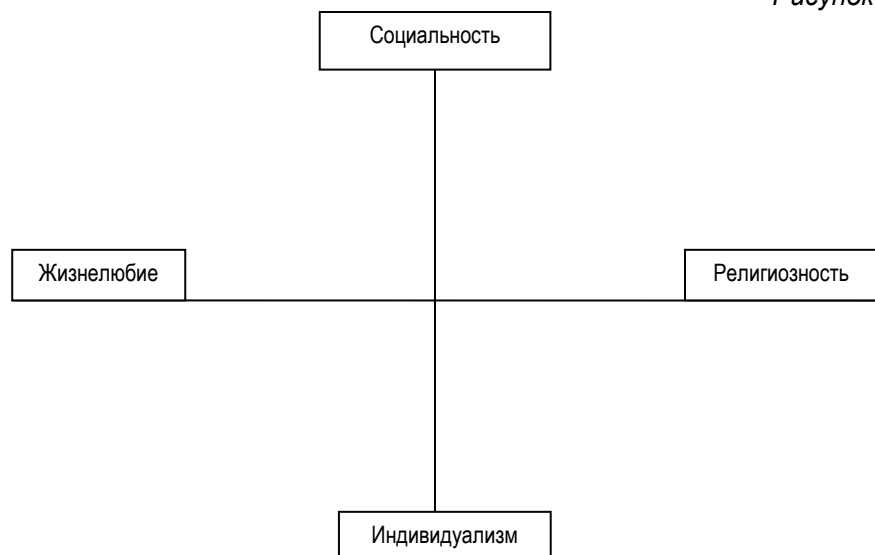
Выделение четвертого блока было вызвано необходимостью определения доли населения, руководствующейся в своем поведении религиозными ценностями. Каждый из блоков описывается четырьмя переменными. Первый блок – Жизнелюбие: ценность счастья; созидание благосостояния; стремление к удовольствиям; требование справедливости. Второй блок – Социальность: признание авторитета другого (ценность личности другого), стремление делать добро ближнему; ценность человеческих отношений самих по себе; признание ценности социальных отношений для достижения каких-либо целей. Третий блок – Индивидуализм саморазви-

¹ В апреле 2006 г. Отдел социологии политики и общественного мнения ИСПИ РАН провел всероссийское исследование религиозности населения. Исследование проходило в 14 субъектах РФ (в городах Москва, Петербург; в республиках Татарстан и Башкортостан; в Краснодарском крае, Хабаровском крае, в областях Архангельская, Воронежская, Екатеринбургская, Иркутская, Ростовская, Самарская, Томская, Ярославская), опрошено 1848 респондентов, проживающих в городах и сельской местности. Опрос проводился по квотно-пропорциональной выборке, составленной на основании последней переписи населения. Исследование проводилось по методике В.Ф.Чесноковой. Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда грант 04-03-00364а.

² Чеснокова В.Ф. Воцерковление // ФОМ, М., 2000.

тия: защита личной свободы; безграничное саморазвитие личности; творчество; стремление к великим свершениям (к славе). Четвертый блок – Религиозность: ценность терпения скорбей; аскеза; стремление к Богу; смирение. В методике В.Ф.Чесноковой блок Религиозность сформирован на христианских ценностях. На основе указанных блоков мы можем построить две оси. Первая отражает движение от ценностей материального мира (богатство, наслаждение жизнью, почет) к христианским ценностям, которое уводит человека из этого мира, предлагая ему способы противостояния различным идеологиям и собственному эгоизму. Эти способы противостояния миру и всему, что в нем, облачаются христианством в ценностную форму и выражаются следующим образом. Стремлению к богатству христианство противопоставляет бескорыстие, стремлению к удовольствию – аскезу, стремлению к почету и власти – смирение, и в целом высокой ценности счастья (в простом человеческом смысле) противостоит высокая ценность терпения скорбей. Вторая ось основана на любви к ближнему. Эта ось, пересекающая основную, состоит из двух отрезков, тяготеющих к разным полюсам оси: один полюс – это углубленность в собственную внутреннюю жизнь и защита ее от всякого посягательства извне – ярко выраженный индивидуализм; второй полюс – это делание людям добра как главная задача и цель жизни. Таким образом, вспомогательная ось выстраивается как континуум от полюса индивидуализма, погружения в себя – к полюсу Социальность, погружения в другого.

Рисунок 1

Несмотря на то, что в методике Чесноковой блок религиозности был разработан на основе христианских ценностей, мы сочли, что в том виде, в каком они сформулированы в анкете, они смогут работать и для мусульман. И как показывают результаты, приведенные ниже, это решение было оправдано. Принятие религиозных ценностей – трудная задача, хо-

тя признание их как цели и стремление к ним уже является достижением в жизни верующего. Поэтому если человек признает и выбирает в конкретных ситуациях, пусть даже непоследовательно, терпение скорбей, аскезу и смирение, мы имеем перед собой ориентацию на религиозные ценности, описываемые переменными включенными нами в блок.

Анализ данных, касающихся исследования ценностей, выбранных респондентами, привел нас к выводу о том, что значительное большинство респондентов по массиву в целом выбирают ценности, связанные с включенностью в человеческие отношения: признают, что главное в жизни – отношения между людьми – 76,5% всех опрошенных; считают, что человек должен сделать что-то хорошее для других – 60%. Более 50% респондентов выбрали ценности, связанные с «жизнелюбием»: справедливость – высший принцип человеческих отношений – 54%; согласны, что материальное благосостояние человека – основа его независимости – 50%. Чуть менее 50% опрошенных считают, что свобода – великий дар человеку, и ее нужно отстаивать, таким образом выявляя приверженность к блоку ценностей индивидуализма (см. табл.1)

Таблица 1

Ценности и жизненные цели

РФ, апрель 2006 г., % от числа опрошенных в группах

Ценности, жизненные цели	Массив в целом	Православные	Мусульмане	Неверующие
Главное в жизни – отношения между людьми	76,5	77	74	78
Человек должен в жизни сделать что-то хорошее для других	60	62	63	58
Справедливость высший принцип человеческих отношений	54	53	47	60
Материальное благосостояние человека – основа его независимости	50	48,5	51	57
Свобода – великий дар человеку и ее нужно отстаивать	45,5	45	42	48
Человек создан для счастья, стремление к нему заложено от природы	44	42	46	52
Каждый человек это целый мир, который можно познавать всю жизнь	33	32	29	32
Страдания нужно переносить терпеливо	31,5	34	36	23
Только когда люди объединятся, они многое смогут сделать	31	32	23	36
Необходимо выработать в себе смирение, умение прощать врагов	30	34	34	18
Жизнь коротка нужно успеть насладиться ею	27	25,5	37	29
Главное в жизни для меня учиться и познавать новое	25	24	21	24
Надо стремиться совершить в своей жизни что-то выдающееся	20	18	24	22
Больше всего я ценю возможность творчества	14	13	13	18
Чем меньше нужно человеку благ в этом мире, тем он свободнее	14	14	16	12
Ходить перед Богом, чувствовать его рядом с собой – все остальное не имеет значения	11	13	16	1

Источник: Сектор социологии религии ИСПИ РАН.

Таким образом, респонденты выбрали, прежде всего, ценности из блоков Социальность и Жизнелюбие. Ценности, которые у православных стоят на первых четырех местах, совпадают с ценностями, выбранными респондентами по массиву в целом, что объяснимо, поскольку православные составляют 64,5% опрошенных. Интересно, что среди мусульман¹ больше всего опрошенных выбрали те же четыре ценности, при этом на первых двух местах те же две ценности из блока Социальность. Разница состоит в том, что на третьем месте не справедливость, а признание того, что материальное благосостояние человека – основа его независимости. Расхождение наблюдается по ценностям, поставленным православными и мусульманами на пятое место. Православные выбрали признание свободы как великого дара человеку и необходимость ее отстаивать (45%). Это ценность из третьего блока Индивидуализм саморазвития. Мусульмане на пятое место (46%) поставили стремление к счастью, которое относится к первому блоку – жизнелюбие, материальное благополучие. Православные несколько чаще выбирали ценности из блока Социальность, а мусульмане из блока Жизнелюбие. Наибольшее расхождение наблюдается среди выбравших ценность «Жизнь коротка, нужно успеть насладиться ею» (блок Жизнелюбие) – православные – 25,5%, мусульмане – 36,6%, а также «Только когда люди объединятся, они многое смогут сделать» (блок Социальность) – православные – 32%, мусульмане – 23%. Мусульмане в меньшей степени, чем православные, склонны считать, что «Справедливость – высший принцип человеческих отношений» (47% и 53%, соответственно).

Следует отметить, что доля респондентов, выбравших религиозные ценности, среди мусульман оказалась несколько выше, чем среди православных. Это наблюдается в трех из четырех, предложенных в анкете религиозных ценностях. Хотя, как уже упоминалось выше, мы использовали методику разработанную, прежде всего, для изучения христианских религиозных ценностей. Таким образом, на этом уровне анализа можно предположить, что религиозные ценности православных не только не противостоят религиозным ценностям мусульман, но и во многом совпадают.

У группы неверующие больше всего респондентов выбрали следующие ценности: самое главное в жизни – отношения между людьми (78%); справедливость – высший принцип человеческих отношений (60%); человек должен в жизни сделать что-то хорошее для других (58%); материальное благосостояние человека – основа его независимости (57%); человек создан для счастья, стремление к нему заложено от природы (51%). Таким образом, среди неверующих на первых четырех местах те же ценности, что и по массиву в целом, а также у православных и мусульман, только на втором месте ценность справедливости из блока Жизнелюбия.

Религиозные ценности вошли в первую четверку только в группе воцерковленные православные. Помимо первых двух ценностей из блока Социальность, которые выбрали наибольшее количество респондентов по всему массиву, группа «воцерковленные» выбрала также «Необходимость выработать в себе смирение, умение прощать» (56%), а также «Страдания нужно переносить терпеливо» (43,5%).

¹ В нашем исследовании речь идет о мусульманах Поволжья.

Мы сформировали четыре типологических группы в зависимости от выбранных респондентами ценностей. Условием прохождения в группу был выбор респондентом трех типобразующих переменных из четырех. Из всего массива этим условиям соответствовали 58% респондентов.

Самой большой группой оказалась группа, выбравшая социальные ценности – 27% всех опрошенных («общинники»). На втором месте – группа, выбравшая материальные ценности – 19% всех опрошенных («жизнелюбы»), затем следуют респонденты, выбравшие блок индивидуального саморазвития («индивидуалисты») – 6% и с мизерным отрывом респонденты, выбравшие религиозный блок («религиозные») – около 6% опрошенных.

Рассмотрим социально-демографические характеристики четырех типологических групп с различными ценностными ориентациями.

Группа «Общинники». В данной группе следующие ценности находятся на первых пяти местах: «Главное в жизни – отношение между людьми» (95%), «Человек должен в жизни сделать что-то хорошее для других» (88,7%), «Только когда люди объединятся, они могут многое сделать» (67,8%), «Каждый человек – это целый мир, который можно познавать всю жизнь» (61,4%), «Справедливость – высший принцип человеческих отношений» (52,9%). В ней гендерное распределение практически соответствует среднему по массиву (44% мужчин). Распределение по возрастным группам в целом близко к среднему по массиву, только доля самой молодой возрастной группы несколько снижена – 12% (по массиву – 15%). Уровень образования также соответствует средним данным по массиву. Доля сельского населения составляет 22%. Доля «малообеспеченных» составляет около 50%. В структуре занятости лидируют пенсионеры 25%, рабочие 19%, служащие 17%, ИТР – 8%. Говоря образным языком, эта группа «тащит воз» нашей культуры.

Группа «Жизнелюбы». В этой группе наибольшая доля респондентов выбрала следующие ценности: «Материальное благосостояние человека – основа его независимости» (88,7%), «Человек создан для счастья, стремление к нему заложено от природы» (80,6%), «Справедливость – высший принцип человеческих отношений» (78%), «Главное в жизни – отношения между людьми» (66,5%), «Жизнь коротка – нужно успеть насладиться ею» (65,6%). В группе респондентов, ориентированных на материальные ценности преобладают мужчины (54%), несколько выше средней доля молодых возрастов – 17% (18–24 года), 11,5% (25–29 лет) и возрастной группы 30–39 лет – 21% (по массиву 18%). Доля самой старшей возрастной группы существенно снижена – 14%. Уровень образования в этой группе несколько выше среднего по массиву: снижена доля респондентов с неполным средним образованием (5%) и несколько выше доля респондентов с высшим образованием. Эта группа на втором месте по благосостоянию. Доля сельского населения составляет 26%. В структуре занятости лидируют рабочие – 20% и служащие – 17%. В группе относительно высока доля предпринимателей – 5%. Интересно, что в этой группе самая высокая доля татар (12%) из всех типологических мировоззренческих групп.

Группа «Индивидуалисты». В данной группе лидируют по уровню поддержки следующие ценности: «Свобода – великий дар человеку и ее нужно отстаивать» (86%), «Главное в жизни для меня – учиться и позна-

вать новое» (82,5%), «Надо стремиться совершить в своей жизни что-то выдающееся» (80,7%), «Больше всего я ценю возможность творчества» (55,3%), «Главное в жизни – отношения между людьми» (51,8%). В этой группе также преобладают мужчины – 54%. Здесь треть респондентов составляет самая молодая возрастная группа, доля возрастной группы 25–29 лет также несколько превышает среднюю. Доля старших возрастов существенно ниже средних данных по массиву. Это самая образованная группа – 44% респондентов с высшим образованием, и в ней самый низкий уровень респондентов с неполным средним. В этой группе самый высокий уровень доходов – самый высокий удельный вес «богатых» и «обеспеченных» респондентов. Группа индивидуалистов – самая городская среди всех типологических групп (87% городского населения). В структуре занятости лидируют студенты – 18%, служащие – 17%. В этой группе самая высокая доля предпринимателей – 7% и руководителей госорганизаций и предприятий. Таким образом, эта группа в значительной степени состоит из учащейся молодежи и, как нам представляется, представителей нового российского среднего класса, ориентированных на интеллектуальное развитие и выполнение творческих задач. Выстраивая эту группу, мы изначально предполагали, что в нее попадет много молодежи. Вполне возможно, что с возрастом значительная часть попавшей сюда молодежи изменит жизненные приоритеты и перейдет в другие мировоззренческие группы.

Группа «Религиозные». На первых пяти местах в этой группе следующие ценности: 1) «Необходимо вырабатывать в себе смирение, умение прощать врагов» (9,5%); 2) «Страдания нужно переносить терпеливо» (89,6%); 3) «Ходить перед Богом, чувствовать его рядом с собой» – все остальное не имеет значения (75,5%); 4) «Человек должен в жизни сделать что-то хорошее для других» (71,7%); 5) «Главное в жизни – отношения между людьми» (62,3%). Это самая женская группа в массиве (69% женщин). Обратим внимание, что гендерное распределение такое же, как в двух самых воцерковленных группах. Группа наполовину состоит из респондентов старше 60 лет, в ней существенно (более чем в 2 раза) снижена доля молодых и средних возрастов. Это наименее образованная группа – самый высокий удельный вес респондентов с неполным средним образованием и самый низкий с высшим. Это самая бедная по благосостоянию группа и самая сельская. В этой группе самая высокая среди всех мировоззренческих типологических групп доля респондентов определивших себя как православные – 81%, мусульмане составляют 8%, неверующие – 5%. Можно предположить, что неверующие, попавшие в эту группу, выбрали ценности аскезы, смирения и терпения. Малочисленность этой группы свидетельствует о том, что процесс воцерковления в нашем обществе идет медленно.

С нашей точки зрения, представляет интерес группа респондентов, выбравших 2 из 4 типобразующих переменных блока Религиозность, которая по объему превысила группу Религиозность, составив 17,3% всех опрошенных, и заняла третье место по количеству респондентов. Рассмотрим более подробно те ценностные ориентации, которые выбрали респонденты из группы Религиозность по двум признакам. У респондентов из этой группы: 1) «Страдания нужно переносить терпеливо» (79%); 2) «Глав-

ное в жизни – отношения между людьми» (76,8%); и с минимальным отрывом: 3) «Необходимо вырабатывать в себе смирение, умение прощать врагов» (75,6%); 4) «Человек должен в жизни сделать что-то хорошее для других» (66%); 5) «Справедливость – высший принцип человеческих отношений» (44%). Респонденты из данной группы выбрали две ценности из блока Религиозность и две ценности из блока Социальность, поэтому мы предложили бы назвать эту группу «общиннорелигиозной». Эта группа также является основным носителем традиционных ценностей русской культуры наряду с группой Социальность. В социорелигиозной группе 2/3 респондентов составляют женщины (67,8%) – почти столько же, сколько в группе религиозность, однако доля старших возрастов в ней гораздо ниже, чем у религиозных респондентов – старше 60 лет – 34,4% (по массиву – 22,6%), 50–59 лет – 15% (по массиву – 13,6%), 40–49 лет – 21,3% (по массиву – 21,8%), 30–39 лет – 12,5% (по массиву – 17,6%), 25–29 лет – 6,9% (по массиву – 9%), 18–24 года – 10% (по массиву – 15,3%). И хотя доля молодых возрастов несколько снижена, возрастное распределение в этой группе близко к среднему (особенно в возрастных группах 40–59 лет). Следует также отметить, что доля мусульман в этой группе самая высокая среди всех типологических групп и выше, чем в среднем по массиву, – 11,3% и 7% соответственно, что вновь свидетельствует о том, что мусульмане выбирают те же религиозные ценности, что и православные. Следует отметить, что в этой группе объединены очень важные и характерные для русской культуры ценности.

Проведенное в 2010 г. социологическое исследование в г. Белгороде показывает, что по массиву в целом приоритетными остаются те же пять ценностей, что и во всероссийском исследовании 2006 г. Однако изменился порядок этих ценностей¹. На второе место – 57% опрошенных – вышло «Материальное благосостояние человека, как основа его независимости». Эта ценностная ориентация из блока Жизнелюбия. В 2006 г. она стояла на четвертом месте, после ценностей из блока Социальность («Человек должен в жизни сделать что-то хорошее для других») и Жизнелюбия (Социальная справедливость). Свидетельствует ли это о том, что за последние 5 лет произошли существенные подвижки в ценностной структуре россиян от коллективизма к материальным ценностям? С какой-то долей определенности можно будет говорить об этом после проведения всероссийского исследования по данной методике, которое запланировано в 2011 г.

¹ Следует принять во внимание, что размер выборки (N=601) не позволяет делать уверенных выводов относительно изменения ценностных ориентаций, тем более, что здесь может играть определенную роль региональный аспект. Однако мы можем принять во внимание возможность такой тенденции.

Таблица 2

Ценностные ориентации жителей г. Белгорода¹
г. Белгород, ноябрь 2010 г., % от числа опрошенных в группах

Главное в жизни – отношения между людьми	69,0
Материальное благосостояние человека – основа его независимости	57,1
Человек должен в жизни сделать что-то хорошее для других	52,1
Справедливость – высший принцип человеческих отношений	47,1
Свобода – великий дар человеку и ее нужно отстаивать	45,4
Человек создан для счастья, стремление к нему заложено от природы	44,4
Необходимо вырабатывать в себе смирение, умение прощать врагов	38,0
Каждый человек – это целый мир, который можно познавать...	35,0
Страдания нужно переносить терпеливо	34,2
Жизнь коротка, нужно успеть насладиться ею	34,0
Только когда люди объединятся, они многое смогут сделать	26,5
Главное в жизни для меня – учиться и познавать новое	23,1
Надо стремиться совершить в своей жизни что-то выдающееся	21,8
Больше всего я ценю возможность творчества	19,8
Ходить перед Богом, чувствовать его рядом с собой...	18,4
Чем меньше нужно человеку благ в этом мире, тем он свободнее	17,4

Источник: Отдел социологии религии ИСПИ РАН.

Другая проблема, которую мы пытались проанализировать в нашем исследовании – отношение к людям другой веры, другой национальности. Мы сформировали три блока вопросов: От национальности человека зависят его моральные качества; От отношения человека к религии (верующий человек или нет) зависят его моральные качества; От вероисповедания человека зависят его моральные качества. На эти вопросы были предложены два варианта ответа: в основном согласен; в основном не согласен. Были получены следующие результаты (см. табл. 2–4).

Таблица 3

От национальности человека зависят его моральные качества
РФ, 2006 г., в % от числа опрошенных

	В основном согласен	В основном не согласен	Затрудняюсь ответить
Массив в целом	32	56	12
Православные	33	54	13
Мусульмане	28	60	12
Неверующие	30	59	10

Источник: Сектор социологии религии ИСПИ РАН.

¹ Исследование проведено в г. Белгороде по квотно-пропорциональной выборке, N=601, в ноябре 2010 г. Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда грант №10-03-00185а.

Таблица 4

От отношения человека к религии зависят его моральные качества
РФ, 2006 г., в % от числа опрошенных

	В основном согласен	В основном не согласен	Затрудняюсь ответить
Массив в целом	44	41	15
Православные	50	37	13
Мусульмане	45,5	42	12,5
Неверующие	26,5	54	19

Источник: Сектор социологии религии ИСПИ РАН.

Таблица 5

От вероисповедания человека зависят его моральные качества
РФ, 2006 г., в % от числа опрошенных

	В основном согласен	В основном не согласен	Затрудняюсь ответить
Массив в целом	35	48	17
Православные	38	46	16
Мусульмане	38	47	15
Неверующие	21	58	21

Источник: Сектор социологии религии ИСПИ РАН.

Таким образом, мы видим, что наибольшей поддержкой пользуется утверждение о том, что моральные качества человека зависят от того, верующий он или нет. Причем, как и следовало ожидать, это мнение разделяют большая часть православных и почти половина мусульман. Причем, самая высокая доля респондентов, разделяющих это утверждение у воцерковленных и полувоцерковленных православных (64% и 57%). В меньшей степени респонденты согласны с тем, что моральные качества человека зависят от его вероисповедания – по 38% православных и мусульман. Что касается неверующих, то, как и предполагалось, они менее всех остальных типологических групп разделяют утверждения о связи моральных качеств человека и религиозных убеждений. С другой стороны, доля неверующих, согласных с тем, что моральные качества человека зависят от его национальности, практически совпадает со средними показателями по массиву. Наименьшей поддержкой пользуются утверждение о том, что моральные качества человека зависят от национальности, но все же доля респондентов, согласившихся с этим утверждением довольно высока (треть опрошенных).

Таким образом, мы пришли к следующим выводам.

– Ценностные ориентации у православных и традиционных мусульман очень близки. На первом-втором месте ценности из блока Социальность: ценность человеческих отношений самих по себе; стремление делать добро ближнему. В четверку общих ценностей, которые выбрали наибольшее количество респондентов, вошли также стремление к справедливости и признание того, что материальное благосостояние человека – основа его независимости.

– Фактор религии играет довольно заметную роль в общественной жизни россиян и влияет на оценку моральных качеств человека. При этом большее значение имеет отношение человека к религии, чем то, к какой

конфессии он относится. С другой стороны, доля согласных с тем, что моральные качества человека зависят от его вероисповедания, все же довольно значительна, что является, с нашей точки зрения тревожным симптомом и означает возможное обострение межконфессиональных отношений в будущем.

– Доля опрошенных, согласных с утверждением, что моральные качества человека зависят от его национальности, составляет около трети респондентов во всех типологических группах. На наш взгляд, это свидетельствует о довольно напряженной ситуации в области межнациональных отношений.

Представляется чрезвычайно важным сохранить мировоззренческое единство православных и традиционных мусульман на современном этапе. Практически на протяжении всей истории Российского государства православным и мусульманам удавалось жить в мире в едином государстве и сообща решать насущные проблемы, что имело влияние на формирование общей системы ценностей. Знаменательно, что религиозные мусульмане выбирают те же религиозные ценности аскезы, терпения скорбей и смирения, что и православные. Поддерживая традиционные для России формы ислама, нам удастся избежать тех разрушительных цивилизационных конфликтов, которые мы видим сегодня в Европе.

Г.Водолазов

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ШАНСЫ НА ИЗМЕНЕНИЯ

ВОДОЛАЗОВ Григорий – доктор философских наук, профессор.

Аннотация. Статья посвящена проблемам модернизации социально-политической системы современной России. Рассматриваются причины нарастающих застойных явлений в политической жизни и способы их преодоления. Обращается, в частности, внимание на зависимость снижения уровня демократии от роста материального и социального неравенства граждан. Совершенствование политической системы автор связывает с перспективой превращения политики в «нравственную политику», со все большим проникновением морали в политическую деятельность. Рассматривается необходимость нового типа взаимоотношений между политикой и социально-политической наукой.

Ключевые слова: социально-политическая модернизация, децильный коэффициент, нравственная политика, гражданское общество, политическая наука.

Модернизация политической системы: с чего начать?

Сегодня с самых высоких трибун – все более открыто и все более громко – констатируется накопление признаков политического застоя в нашем обществе.

Это – знаменательный факт. Правда, о движении к застою неангажированная научная общественность говорила и писала уже не один год. И для этой научной общественности названная констатация не содержит, естественно, никакой прелести новизны. Новизна состоит, пожалуй, только в том, что теперь это озвучено с высоких трибун. И это обстоятельство дает возможность более масштабно, более основательно и более открыто рассматривать эти вопросы в СМИ, на телевидении, в научных публикациях.

Рассмотрение эти вопросов особенно важно в контексте активно ведущихся сегодня разговоров о технологических инновациях и модернизациях. Дело в том, что совершенно невозможно себе представить развертывания инновационных технологических процессов в атмосфере нарастающего политического застоя и общественной апатии. Наивно ждать от

впадающего в спячку общества чудес активности, инициативности, изобретательности в технологических сферах.

Иначе говоря: преодоление политического застоя и социальной апатии – есть необходимая **предпосылка** возможных в дальнейшем инновационных прорывов во всех прочих областях социальной деятельности общества. И, следовательно, если желать быть реалистичным, конструктивным и последовательным, то надо **вначале** преодолеть застой, общественную апатию и лишь потом приступать к инновационным и модернизационным программам.

Нужна, стало быть, прежде всего, выработка стратегии преодоления застойных явлений в политической системе. Что означает: понимание причин застойных явлений, выявление тех шагов, что вели к застою, разработка способов устранения тех причин, характеристика форм преодоления застоя.

Часть этих причин и этих шагов видна, что называется, невооруженным глазом, лежит на поверхности. С высоких трибун, о них, правда, не говорят (а если иногда и говорят, то как-то вскользь, неполно и смутно), но научная общественность давно на них указала. Это – инерция действия ряда законов, указов, предписаний, принимавшихся где-то начиная с 2002–2004 г. Все эти политические новации, которые, может быть, и имели поначалу какую-то оправданность как способы ограничения политической анархии конца 90-х гг., но которые, набрав инерцию и расширяясь, так «стабилизировали» ситуацию, что «стабильность» превратилась в барьер на пути общественного развития. Это – закон о партиях, делающий крайне затруднительным создание новых партий и не дающий возможность развиваться партиям, только-только начинающим свою жизнь. Это – многочисленные поправки в избирательную систему: введение 7-процентного барьера, отсекающего молодые партии от участия в парламентской деятельности, устранение из бюллетеней графы «против всех», ликвидация процента, необходимого для того, чтобы выборы считать состоявшимися, ликвидация одномандатных выборов (дававших шанс беспартийным гражданам становиться депутатами), переход от выборов региональных руководителей к их, по сути, назначению. В результате происходит превращение правящей партии в монопольного правителя, ее, по сути, слияние с государственными структурами (по образцу КПСС), превращение молодежной организации «Наши» тоже в монопольную государственную молодежную структуру, где их бывший лидер становится молодежным министром – нечто напоминающее комсомол брежневских времен (только в многократно ухудшенном варианте), увеличение сроков президентского и думского правления и т.д., и т.д.

По-видимому, надо, прежде всего, немного податься назад от этих «вертикально-стабилизационных» мер. И, в общем-то, в этом направлении работает мысль в верхних эшелонах власти. Вот уже звучали идеи немного ослабить пути 7-процентного барьера: партиям, получившим свыше 5% голосов на выборах, давать 1–2 депутатских мандата. Но, конечно, это очень робкие и мало что дающие предложения: что значат 1–2 мандата на фоне подавляющего большинства правящей партии (там, ведь, даже нынешние фракции по 30 депутатов мало что значат)?

Можно еще указать на ряд явлений застоя – из разряда «видимых невооруженным глазом» и едва ли не очевидным для всех добросовестных людей. Это – стреноженные чиновничьи структурами и олигархическом капиталом СМИ – то, о чем сказал недавно Леонид Парфенов и о чем, конечно, практически все знают. И здесь хорошо известны лекарства от этой застойной болезни: создание СМИ, которые были бы органами, рупорами организаций гражданского общества (которые вправе требовать выделения на их деятельность средств из бюджета, наполняемого, между прочим, этим самым гражданским обществом).

И еще об одной, тоже практически очевидной, вещи. О ней, кстати, тоже иногда (и тоже мельком) говорится в высоких речах, но для реализации которой мало что реально делается. Это – споспешествование формированию институтов и структур гражданского общества. Только – реальных, а не имитационных, вроде – Общественной палаты, структуры, может быть, и небесполезной в функционировании политической власти, но органом гражданского общества (как заявлялось в намерениях) не являющейся. Речь идет не о структурах «при»: при президенте, при губернаторе, при том или ином руководителе. В общем – без всяких «при». Разве что – **при** «гражданском обществе». И субсидирование деятельности которых должно осуществляться тоже собираемого этим «гражданским обществом» бюджета.

Это я – о вещах очевиднейших, о самых первых шагах наступления на ситуацию застоя. О вещах, в общем-то, при желании и наличии политической воли, достаточно легко осуществимых. Но есть факторы, детерминирующие движение к застою, гораздо менее очевидные, но гораздо более важные, чем перечисленные выше, и устранение которых связано с исключительными трудностями. Таких факторов немало, и это тема особого и подробного разговора. Обозначу – для более ясного представления, о чем идет речь – только два из них.

Первое. Действительная демократия, действительное народоправство (этот антипод авторитарного застоя) возможны только там, где существует приблизительное социальное и материальное равенство людей, там, где нет всевластия, самодержавия крупного олигархического капитала и мощного административного ресурса неподконтрольной обществу бюрократии. И здесь чрезвычайно важное, если не решающее, значение имеет резкое сокращение существующего сегодня в России так называемого «децильного коэффициента», т.е. отношение дохода 10% самых богатых людей к 10% самых бедных. Общеизвестно, что нормальное развитие общества происходит тогда, когда этот коэффициент не превышает 6–7 раз. У нас же, даже при чудовищно заниженных полуофициальных данных, он составляет 14–16 (по другим, более близким к реальности подсчетам, он приближается к 40–50, а то и больше). В любом случае – это катастрофический разрыв, это – преддверие большой социальной беды. Я не могу здесь и сейчас касаться того, как начать сокращение этого разрыва, этого коэффициента. Я пока только выдвигаю эту задачу. Я пока говорю только: без ее решения невозможны ни преодоление застоя, ни избавление от общественной апатии, ни успешная борьба с коррупцией и криминализацией государственного аппарата. А без решения этих задач, в свою

очередь, невозможны ни инновации, ни модернизации. Без всего этого разговор об этих прекрасных и возвышенных вещах – о модернизационных скачках – есть не более, чем (вспомним Гамлета!) «слова, слова, слова...».

И второе. В пространстве обсуждаемой тематики существует еще одна громадная задача. Она звучит не столь возвышенно, как разговор о «технологических инновациях». Но она несравненно важнее. Я имею в виду задачу сосредоточения максимального объема сил, усилий, финансов – на решении (и в кратчайшие сроки!) **жилищного вопроса** граждан России. Сегодня занять крышу над головой для многих семей, особенно молодых, есть абсолютно не решаемая проблема. Лужковская администрация регулярно, с пафосом, рапортовала общественности о ежегодном введении в строй многих миллионов метров жилья. Только основная часть этих метров – по 4 тыс. долл. за метр. Эти метры по карману разве что миллиардерше Батуриной...

Над «хрущобами» принято сегодня посмеиваться: потолки низкие, удобства малые, архитектура примитивная, стены панельные. А Хрущев построил миллионы действительно народных (т.е. – бесплатных) квартир, вытаскив огромное число людей из подвалов, бараков, коммуналок. Он *туда* бросил громадные средства. Не на 200-метровые яхты для наслаждения «избранных» семейств, не на покупку зарубежных футбольно-баскетбольных клубов, не на строительство полей для гольфа, не на возведение горнолыжных курортов в сказочных субтропических местах. Он думал о простых людях, о бедных и несчастных своих согражданах. И – хвала ему за это. Вот я сегодня и думаю: отставить бы на какое-то время в сторону все великие, амбициозные многомиллиардные проекты и вложить максимальный объем средств в жилищное строительство для народа. Ведь право на жилье – это, по сути, право на жизнь. И пусть даже будут квартиры «по-хрущевски» не слишком шикарные, но, как когда-то – бесплатны (или по доступным ценам для людей, получающих 15–30 тыс. руб. в месяц). И тогда не нужны будут бесконечные (и пустые сегодня) разговоры о демографических проблемах, а талантливым людям (будущим субъектам модернизации) не надо будет убивать все свои силы или на то, чтобы накопить на квартиру, или – бежать на Запад, в надежде там получить крышу над головой и возможности для творческой деятельности.

И еще одно направление модернизации политической деятельности: органическое вхождение в политику принципов морали, нравственности, превращение политики в «нравственную политику». Но что это значит и вообще возможно ли это? Вопрос непростой, требует тонкого и внимательного анализа. Попробуем же ответить на него.

Нравственная политика – утопия или реальная возможность?

Проблемы тут и вопросы начинаются с первых же прикосновений к теме.

Так, проблема – уже в самом этом наименовании: «нравственная политика». В этом названии как бы соединяется несоединимое, сочетается несочетаемое. Понятия в нем как будто бы не сочетаемы по определе-

нию. Мы знаем (уже со времен Платона и Аристотеля) – что политика есть способ согласования интересов людей в обществе при опоре на государство, политическую власть, на то, что Макс Вебер впоследствии назовет легитимным насилием. То есть в политике насилие есть ее существенный атрибут (насилие здесь может быть прямым, непосредственным, или выступать в качестве угрозы).

Нравственность или мораль есть тоже способ согласования интересов людей в обществе, но на основе ненасилия. Поэтому само название «нравственная политика» кажется оксюмороном, бессмыслицей. Потому что получается что-то вроде: «насильственное ненасилие», или «ненасильственное насилие», вроде как «жидкая нежидкость» или не «железное железо».

Вот эту кажущуюся несовместность, несочетаемость в свое время четко и громко зафиксировал знаменитый флорентийский мыслитель Никколо Макиавелли в своей работе «Государь», где он предопределил на столетия тип размышления над этой проблемой. Он зафиксировал, что есть политика со своими законами, пространство политики и есть нравственность со своими законами. Эти «пространства», эти «законы» не пересекаются, не взаимодействуют. Согласно Макиавелли и многим его последователям (а он сейчас становится все более популярным и многие мои студенты, будущие политики, просто обожают Макиавелли и восхищаются его формулами), политик не должен сверяться с нравственными императивами. Он не должен думать – щедр он или скуп, зол или добр, лжив или правдив. Это – все для ситуаций из частной жизни, а для политика важна политическая эффективность, «эффективное» решение политических и социальных проблем. По Макиавелли, политика не должна быть ни нравственной, ни безнравственной. Она просто не нравственная. Политика просто должна быть эффективной: достигать поставленной цели любыми – нравственными или не-нравственными – средствами («цель оправдывает средства»!).

Эти построения поначалу кажутся впечатляющими и убедительными для моих студентов. Но когда Макиавелли начинает приводить *примеры* такого рода политики, примеры, связанные с массой злодейства, лжи, убийств, с помощью которых политики достигают этих целей, когда он формулирует суть политика, говоря, что он «полузверь-получеловек», то здесь интуиция, душа и сердце моих юных слушателей, которым нравятся Макиавелли, отвергают его утверждения, что-то мешает им их принять. В общелогическом виде тезисы флорентийского мыслителя принимаются, а вот примеры (т.е. реальность, конкретика политического действия в духе Макиавелли) – нет. И в своих эссе мои будущие политики, взволнованно, откровенно и немного растерянно об этом пишут. Вот, например, Ангелина Б.: «Есть ли поистине моральному человеку, человеку правильнее будет сказать совестливому, место в политическом мире? Смогу ли я совместить политику и мораль? Смогу ли я выжить в жестокой политической реальности, не отступив ни на шаг от своих моральных принципов и убеждений? Возможно ли это вообще? Я абсолютно уверена, что человек-политик обязан блюсти моральные нормы и ценности, даже если это усложняет его путь к достижению цели, прекрасно понимая, что в со-

временной политической реальности выживать таким людям гораздо сложнее». Видно, она кое-что знает об иных депутатах Госдумы, Украинской Рады, коррумпированных чиновниках, рассказами о которых переполнены страницы газет и телеэкраны.

И другая замечательная студентка Катя Н. тоже пишет нечто подобное: «Сможем ли мы остаться в политике людьми? Конечно, хотелось бы. Наверное, это мечта практически каждого, кто идет в политику. Но все мы знаем, насколько грязен тот мир, на жизнь в котором мы себя обрекаем. И мало кто, скорее в известной мере, никто не смог не измараться. Но нам кажется, что вот придем мы и всё изменим, такие честные, чистые. И чему тут верить? Статистике или собственным эмоциям? Разум говорит, что невозможно достичь власти без грязи. И это легко объяснить. Начиная заниматься политикой, мы вступаем в мир, который давно существует без нас. Естественно, там есть свои нормы, и мы объективно не имеем никакого права их ломать. Мы вступаем в игру. Мы должны играть по правилам, и причем неважно, если эти правила расходятся с теми моральными принципами, которые мы впитали с молоком матери. Играть – так играть. Но оправдывает ли эта цель средства? Можно ли заплатить хотя бы одной слезой ребенка за благополучие миллионов? Нет, нельзя переступить через окружающих на пути к цели, какая бы она ни была. Не знаю, насколько я сама смогу придерживаться этого принципа, хотелось бы верить, что смогу». Мы видим всё это вопросы не просто абстрактной теории, это вопросы выбора жизненного пути будущими молодыми политиками.

Вот какие проблемы ставят, вот над чем задумываются мои юные друзья. Они пишут мне эссе, присылают по e-mail, я переписываюсь с ними, отвечаю. Я слышу тут немую мольбу, обращенную ко мне как к преподавателю: ну скажите же нам, неужели это действительно так? Неужели мы обречены? Неужели невозможно в политике оставаться нравственным человеком?

Нравственная политика как реальная возможность

Начнем свой ответ с того, что политика и мораль, политика и нравственность – это не разные сущности, а это атрибуты, стороны некой единой сущности. Какой? Деятельности социального человека, это – пространства его деятельности, пространства, переходящие друг в друга. Именно в деятельности социального человека они соприкасаются, сопрягаются, соединяются. Это не разные, это – сообщающиеся сосуды, это пространства в истории, теснящие друг друга, истории, в которой, по мере ее развития, в порядке общего правила (хотя и не без некоторых исключений) расширяется пространство ненасилия и сужается пространство насилия. **Нравственная политика – это политика, ограниченная нравственностью.** То есть нравственной можно назвать ту политику, которая стремится **максимально для данных исторических условий минимизировать насилие.** Нравственный политик – это тот, кто прекрасно понимает, что в современном обществе, где есть различие интересов, их антагонизм, без насилия, без политического не обойтись, иначе он не политик. Но вместе с тем нравственный императив требует от этого полити-

ка: ты должен максимально минимизировать насилие применительно к данным условиям; следуй девизу: ненасилие насколько возможно, насилие насколько необходимо. Да и насилие – в максимально мягких и гуманных для данного времени формах.

Нравственный политик, тот, кто постоянно думает о границах и мере насилия, о его максимальном снижении и сужении, о цене прогресса, о человеческой составляющей в развитии. Ненравственный политик – политик, максимизирующий насилие, возводящий его едва ли не в абсолют (в духе принципа: «Лес рубят, щепки летят!»). Ненравственный политик вообще исключает из сферы своего рассмотрения моральный аспект, проблемы цены прогресса – ну, как у Макиавелли. Для такого политика человек – винтик, человек – деталь социальной машины, «незаменимых человекодеталей у нас нет», человек не *цель*, а *средство* общественного развития. Вот максимы, вот установки такого политика.

Нравственная политика – та, которая способствует развитию максимально возможной для данных условий самости человека, его всестороннему универсальному развитию, развития не в качестве детали, винтика социальной машины, а в качестве главного субъекта исторической практики. Нравственная политика – та, что видит в человеке не подданного, а гражданина, та, которая обеспечивает культурное, социальное, политическое развитие людей, что является условием действительной свободы. Иначе говоря, нравственная политика есть, по сути, синоним демократической и гуманистической политики.

И вот, слыша такое, иные политики заявляют, что эти призывы к максимальной минимизации насилия, к размышлениям о мере насилия, цене прогресса приведут лишь к снижению эффективности и результативности политики. Главное-де это «интересы государства», а не судьбы отдельных индивидов. Это – *ненравственные политики*.

Другая крайность – *нравственные не-политики*, которые ставят вопрос так: пусть будет менее эффективно, пусть мы будем развиваться медленнее, но пусть будет больше гуманизма, человечности. Не за пять лет, так за десять-пятнадцать. Это другая крайность, но, я думаю, позиция опасная и ошибочная. Я думаю, что говорить о том, что моральная политика пусть будет, но будет менее эффективной, неверно. Моральная, нравственная политика, на мой взгляд, это самая эффективная политика. Когда мне, возражая на это, говорят: вот если бы мы коллективизировали крестьянство, проводили бы обобществление по нравственным принципам, следуя ленинским заветам – коллективизировать на базе примеров, пропаганды, убеждения – мы бы 20 лет коллективизировали, и еще бы половина крестьян не пошла бы в колхозы. А так за 2–3 года провели сплошную коллективизацию. Вот эффективность политики! Ненравственной политики!». Но на это я хотел бы возразить: это – псевдоэффективность, потому что именно безнравственность этой политики и привела к тому, что рухнуло впоследствии наше сельское хозяйство. Объединенные палкой, дубиной, не ставшие реальными хозяевами колхозов, колхозники утрачивали заинтересованность в развитии сельского хозяйства. Соблюдение же ленинского завета с его ориентацией на нравственный пример, на убеждение дало бы гораздо больший эффект.

И еще в связи с этим. Один известный генерал на обсуждении этой странной телевизионной затеи – назвать имя, символизирующее лик России, защищал Джугашвили. И когда ему возражали, что перед войной была уничтожена значительная часть командного состава армии, он сказал: «Товарищи, да, это было безнравственно, часто неправильно, но зато у нас не было пятой колонны». Понимаете, да? Уничтожили тысячи безвинных, но зато не было пятой колонны. Это очень опасный принцип. Ни одна пятая колонна предателей-изменников не нанесла бы такого ущерба обороноспособности нашей страны, как лишение армии перед войной значительной части высшего и среднего командного состава.

Я хочу повторить: **нравственная политика есть самая эффективная политика.**

И теперь о том самом нравственном не-политике. Я думаю, что подлинная реальная, гуманистическая нравственность с необходимостью перерастает в политическое действие. Нравственный императив в современном обществе, нередко антагонистическом, расколотом на классы, сословия, интересы, не может не дорасти до политического выражения, иначе он становится абстрактным, дряблым, нереальным. И я в качестве примера хочу вам напомнить сцену разговора двух братьев Карамазовых, сторонника абсолютного ненасилия, наследника Нагорной проповеди Христа, Алеши и циничного Ивана. Когда Иван Карамазов рассказывает историю, как помещик затравил восьмилетнего ребенка собаками, Алеша вдруг побелевшими губами говорит: «Расстрелять!». Это что такое? Насилие? Политическое действие? Если вы, нравственные люди, хотите быть реальными гуманистами, быть реальными политиками, ваша нравственность должна *дорасти до политического действия.*

Еще раз: наиболее эффективная политика – та, которая ограничена нравственностью. Вы скажете: ну, хорошо, вы выдвигаете тезис, что политика, ограниченная нравственностью, исповедует следующую идею – максимальная минимизация насилия, но что это значит реально? Как определить это максимальное или минимальное? Понимаете, машинного определения нет, определяют в каждой конкретной ситуации люди. И для того, чтобы они наиболее точно определили, нужны социальные условия, которые давали бы возможность участвовать в этом процессе нахождения наиболее эффективных решений многим заинтересованным в этом людям. Нужна подлинная демократия, которая обеспечивает большинству граждан возможность активного участия в этих процессах. Они могут ошибиться, но они же и поправят потом.

Принимая решение, нравственный, демократический политик будет размышлять над тем, как снизить цену, уплачиваемую за прогресс, как минимизировать ущерб для людей в ходе реализации принимаемых решений. У художника Белова есть портрет генералиссимуса в белом кителе с трубкой, на столе у него маленькие фигурки человечков, а около стола мусорная корзина, и он их небрежно смахивает со стола, и они кувырком летят в эту корзину. Когда простой человек изначально выступает в качестве вот такой ничтожной величины («незаменимых у нас нет») – это одна постановка вопроса. И другая постановка – думать, как минимизировать жертвы, как добиться победы с минимальными потерями.

«Вот почему, – говорю я моим юным друзьям, – нравственная политика не фантом, не утопия, не бессмыслица, но вполне реалистическое, возможное и желанное дело, хотя в нашу эпоху весьма трудноосуществимое. Но будьте политиками-реалистами, и одновременно высоконравственными людьми. Это трудноосуществимое сочетание, иногда почти невозможное. Но это не принципиально невозможно, это иногда может быть почти невозможно сегодня, но которое, благодаря вашей отчаянной смелости и самоотверженности, вашему таланту и умению сочетать политические и нравственные начала, станет возможным завтра. Не паникуйте, идите в политику! Делайте ее нравственной, насколько это возможно в нынешних условиях».

Попробуем же сформулировать основные формулы нравственной, гуманистической политики.

Гуманистическая политика – это **политика «с человеческим лицом»**.

Политический гуманизм – это не совокупность всем известных абстрактных «человеколюбивых» пожеланий. Это – стратегия социально-политической **деятельности**, которую можно (и нужно) назвать реальным **гуманизмом**. Это – не фразы, это, повторяю, деятельность, стратегия, направленная, в каждом своем шаге, на расширение пространства **свободы** человека, на расширение социального **равенства** людей, на их материальное благополучие, на их культурное развитие.

Гуманистическая политика – это политика подключенности **каждого** человека к участию в решении вопросов развития своей страны, своего общества. Это – то, что может быть названо политической **«стратегией горизонтали»**. «Стратегия горизонтали» является стратегией, способствующей становлению и развитию институтов и структур гражданского общества. Это – стратегия мобилизации усилий не только чиновничьего мира, но – всего общества (на всех уровнях). Гуманизм этой стратегии раскрывается в полной мере в том, что люди перестают быть бессловесными и мало что значащими винтиками в социальной машине, управляемой бюрократией, перестают быть только исполнителями начальственной воли, они становятся **деятелями и творцами**. И тем самым реализуется то, что составляет важную составляющую человеческой сущности. Следует только добавить, что стратегия горизонтали вовсе не должна *противостоять* «стратегии вертикали». Она должна *дополнять* ее: Вертикаль способна обеспечить «диктатуру закона», а Горизонталь – участие граждан в выработке этих законов и в массовом контроле за их исполнением.

Гуманистическая политика – это политика сокращения рабочего времени и роста свободного времени, и на основе этого – расширения пространства Свободы для каждого индивидуума. Рост свободного времени людей и наполнение его богатым культурным содержанием – вот одна из главных черт политики Реального Гуманизма.

Гуманистическая политика – это политика, обеспечивающая все основные свободы человека, политика идеологического плюрализма и самой широкой демократии.

Гуманистическая политика – это политика нового, глобального, мышления, заменяющая классовые критерии общечеловеческими, политика,

которая направлена на кооперацию, объединение Человечества при сохранении национальной идентичности и уважения к истории и культуры каждой страны, каждого народа. Гуманистическая политика на международной арене это – обеспечение единства разнообразного, это – многополюсный мир.

Гуманистическая политика – это политика, заботящаяся, в первую очередь, не о «будущих поколениях» (как о том лицемерно говорилось во времена «реального социализма», который на деле социализмом и не был), а о ныне живущих поколениях. И только свободно живущие и экономически процветающие нынешние поколения способны обеспечить благоприятную преемственность для поколений будущих. Ни одно поколение не может быть «навозом», удобряющим историческую почву для неких будущих поколений.

И еще один важный аспект анализируемой проблемы: *политика* только тогда имеет шанс стать *гуманистической, нравственной политикой*, когда она налаживает равноправное сотрудничество с социально-политической Наукой. Этот аспект столь важен, что требует особого, несколько более подробного разговора.

Политическая наука, государство и гражданское общество

Существует один стереотип, касающийся понимания взаимоотношения политической власти и политической науки. Стереотип этот сложился в те времена, когда у нас была одна партия, одна (на всех) идеология и одно, «единственно верное», учение. Суть его: политическая наука – нечто такое, что призвано *обслуживать* политика, а политические ученые – нечто вроде интеллектуальной челяди политика, его обслуживающего персонала. На официальном языке это называлось – быть «приводным ремнем», или еще красивей: «быть боевым помощником» партии. Высокопоставленные политики из ЦК и Политбюро постоянно «озадачивали» ученых – что именно им нужно исследовать и как нужно это делать. Они собирали их на «загородных дачах», на «совещаниях» и всяких там «пленумах», где журили их и корили, если ученая челядь «отставала от жизни», «не отвечала на запросы политической практики», не слишком энтузиастично выполняла повеления «родной партии» и не менее «родного» правительства. Впрочем, особо усердных похваливали и даже материально и премиально (порой – весьма недурно) поощряли. Ученые слушали своих политических учителей «с чувством глубокой благодарности», обещали исправиться и поднажать: «Обещаем Вам, дорогой Никита Сергеевич (Леонид Ильич, Юрий Владимирович, Константин Устинович)...».

Сегодня вроде бы социально-политическая ситуация изменилась: плюрализм, многопартийность, свободы, государство не заправляет всем и всеми... А вот поди ж ты, трепет перед политиком, желание послужить и прислужить ему во многих научных сердцах и душах остались. Так и ищут, так и оглядываются по сторонам, к какому бы политику притулиться сегодня, какому бы политику прислужить. Вообще сегодня довольно распространен образ политического ученого как существа низкооплачиваемого, маловлиятельного, к которому крупные действующие политики от-

носятся с нескрываемым пренебрежением. И поделом! А как еще прикажете относиться к человеку, согласному на место и роль челяди?

И если это так (а я думаю, что – именно так!), то значит все мы еще ТАМ – в той системе, которую мы так энтузиастически и так беспомощно хотели перестроить. Значит, мы – общество, по-прежнему, по сути, лишённое политической Науки (которая заменена у нас своими суррогатами – политическими идеологиями и политическими технологиями). Если же желать всерьёз и надолго строить демократическое (а значит – **гуманное**) общество, то взаимоотношение Политики и Науки, Политика и Ученого должно быть принципиально иным. Каким? Выяснение этого тем более необходимо, что место, роль и значение политической науки в жизни конкретного общества особенно наглядно характеризует его социальный строй. В общем: скажи мне, какое место занимает наука в социально-политическом процессе твоей страны, и я скажу, какой общественный строй в твоей стране.

Начнем ответ на поставленный выше вопрос с констатации того, о чем политические теоретики говорили еще со времен Платона и до наших дней – что политика есть процесс согласования интересов социальных групп, слоев, классов в социуме при посредстве такого инструмента, как государство, обладающего правом легитимного насилия... Но пространство, где рождаются эти интересы, где они сопрягаются или сталкиваются, – это, как известно, пространство так называемого гражданского общества. Согласовывать же эти интересы граждан, вырабатывая приемлемую для большинства программу социальной деятельности и передавая проблематику этих сталкивающихся интересов в политические сферы, можно двумя разными способами (и с разными, в итоге, результатами).

Первый – это когда каждая социальная (большая или малая) группа, вступая на путь такого согласования, стремится добиться такого общего решения, в котором бы ее групповые, корпоративные интересы получили приоритетное, преобладающее значение. И это нормально. Нормально и то, что ее групповые интересы артикулируются, аргументируются и пропагандируются в программных документах организаций, именуемых политическими партиями. Такого рода теоретические построения, отражающие интересы отдельных социальных групп, называются политическими *идеологиями*. Они могут быть «буржуазными», «пролетарскими», «крестьянскими» и т.п.

И есть другая сфера интересов. Ее обозначил один знаменитый политик, которого принято считать «идеологом пролетариата». Так вот этот политик сказал однажды фразу, просто потрясшую его твердокаменных (и весьма дубоватых) «верных учеников», фразу, от которой они постоянно приходили в растерянность и которую, будь их воля, они бы каленым железом выжгли из наследия своего Учителя. Но слово было сказано, и слово удивительной глубины и теоретической смелости (учитывая жесткую, постоянно подчеркиваемую, классовую определенность политика): «Интересы общественного развития выше интересов пролетариата!» Это – Ленин. И эта констатация дорогого стоит! Да, есть интересы пролетариата, да, есть интересы буржуазии. Но есть и еще нечто, что выше их, – это интересы всего общества, интересы общественного развития в целом,

интересы не просто пролетария, интеллигента, крестьянина, мелкого буржуа, но интересы **Человека вообще** – здесь, в такой постановке вопроса находятся подлинные корни **Гуманизма**.

И если это верно (а я думаю, что это абсолютно верно), то, наряду с идеологическими построениями, должна существовать теория, которая бы и определяла эти интересы «общественного развития в целом». Определяла бы тем самым, говоря высоким (но очень точным) гегелевским языком, Истину социального бытия, его Законы.

Владыки, вам венец и трон
 Дает закон, а не природа.
 Стоите выше вы народа
 Но, вечный, выше вас ЗАКОН!

Вот эта теория и должна выразить тот ЗАКОН, который выше государей, социальных классов и политических партий. А теория, устанавливающая подобные ЗАКОНЫ, называется, как тоже известно, НАУКОЙ.

Таковы первые, методологические, предпосылки моего анализа.

Первая: политическая наука, призванная, прежде всего, осмысливать интересы *гражданского общества*, является, в первую очередь, инструментом *гражданского общества*.

И – вторая: политическая наука, имеющая задачу выразить интересы общественного развития в целом, открыть законы социального бытия, – внепартийна и надпартийна. «Партийная», «классовая», «сословная» наука – не наука!

То, что политическая наука – ИНСТРУМЕНТ **гражданского общества** должно быть в полной мере осознано как самой политической наукой, так, в особенности, и гражданским обществом. Ибо из этого осознания следуют весьма существенные и далеко идущие выводы.

Так, если политическая наука – инструмент гражданского общества, то общество и доминирующие в нем политики должны озаботиться тем, чтобы инструмент этот находился в отлаженном состоянии, должны озаботиться оказанием ему всемерной поддержки – моральной, материальной, организационной.

Уже и сегодня в рамках гражданского общества общественно-инициативным путем создаются самоуправленческие научно-общественные организации. И гражданское общество заинтересовано в том, чтобы деятельность этих организаций строилась не только на энтузиазме их членов. На энтузиазме можно *начать* действовать, можно сделать первые шаги, но успешно и стабильно развиваться можно лишь при условии *материальной и финансовой поддержки*. Это – особый и долгий разговор. Затрону лишь некоторые аспекты проблемы.

Ну, предложение о необходимости увеличения в бюджете статей расходов на науку лежит, что называется, на поверхности стола. И оно, конечно, оправданное: нынешние отчисления во многих странах СНГ, как правило, – невероятно малы. Но сегодня я хотел бы обратить внимание вот на какую сторону проблемы. Сколько бы – много ли, мало ли – ни планировалось выделить средств на науку, их следовало бы распределять вот каким образом: половину выделенных на науку бюджетных средств

передавать государственным структурам, другую половину – **общественным структурам, научным организациям гражданского общества, возглавляемым самоуправленческими институтами.**

Меня могут спросить, с подозрительным прищуром: вы что же, предлагаете отделить Науку от Государства? Отвечаю: в определенной степени – да! А почему это должно смущать? Нас же, слава богу, уже не смущает, что значительные сектора экономической деятельности отделены от государства и регулируются механизмом рыночных отношений. Так пусть же гражданское общество потребует, чтобы часть бюджетных средств, выделяемых на науку, не проходила через руки государственной бюрократии, а поступала непосредственно в распоряжение общественных организаций. Ну, пусть это будет, например, какая-нибудь Кооперация ученых, чье демократически избранное руководство (под контролем общественных советов) сможет, конечно же, использовать выделенные средства с несравненно большей эффективностью, нежели государственно-бюрократическое ведомство.

И еще одна идея – связанная с осознанием того, что все существующие научные институты, вузы и школы – это собственность гражданского общества, доверившего государственным структурам распоряжаться этим богатством. Живя многие десятилетия в тоталитарном государстве, мы привыкли к тому, что вся научная и учебно-образовательная деятельность целиком и полностью направляется и контролируется государственными структурами. Мы привыкли считать, что вся материально-финансовая база НИИ, вузов и школ, их аудитории, кабинеты, оборудование и т.п. – есть безраздельная собственность государства и что только государственная бюрократия имеет право распоряжаться всем этим богатством, что только она имеет право определять учебно-образовательные стандарты, вырабатывать планы и определять перспективы научного развития страны. И забывается при этом, что вся эта материальная база изначально и по сути своей – собственность гражданского общества, коллективная собственность граждан (созданная их деятельностью, поддерживаемая и развиваемая их налоговыми отчислениями) и лишь переданная в управления государственным структурам. Конечно, сегодня без государственного управления здесь не обойтись. Но оно не должно быть тотальным. Не наступило ли время, когда государство должно «поделиться» с гражданским обществом, когда государство должно вернуть гражданскому обществу часть этого богатства, и передать ее в непосредственное распоряжение гражданского общества? Пусть будет, так сказать, «обязательная», государственная, программа, но пусть, наряду с ней, будет и «произвольная» (определяемая научным сообществом, той самой Кооперацией ученых). Конечно, и сегодня многие, наиболее, так сказать, продвинутые и возглавляемые толковыми и дальновидными руководителями научные и учебно-образовательные структуры понимают эту задачу и предоставляют свои материально-организационные возможности в распоряжение организаций и объединений гражданского общества. Но важно такого рода деятельность перевести из сферы благотворительности, из сферы доброй воли в сферу Закона. И тогда, получив хоть какую-то материальную основу для своей деятельности, другим, более свободным и более самостоятельным голосом заговорит Наука.

В общем, основная мысль моя состоит в том, что Политическая Наука, осознав себя институтом *гражданского общества* и в *этом качестве* получив определенную материально-финансовую базу для своей деятельности, сможет выступить на общественной арене уже не в качестве обслуживающего персонала политиков и государственных чиновников, а **в качестве равноправного им соавтора по формированию и развитию социально-политической системы, системы демократической и гуманистической.**

Каковы, спросим в заключение, шансы на понимание, принятие и реализацию высшим политическим руководством такого типа идей и программ? «Понимание» – весьма возможно. Что же касается реализации... То ведь это предмет серьезной общественной борьбы. В известной (даже – программной) статье «Россия, вперед!» Д.А.Медведева есть по поводу возможностей осуществления подобных мер одна знаковая фраза (весьма точно характеризующая нынешнюю ситуацию): «Нашей работе будут пытаться мешать. Влиятельные группы продажных чиновников и ничего не предпринимающих «предпринимателей». Они хорошо устроились. У них «всё есть». Их всё устраивает. Они собираются до скончания века выжимать доходы из остатков советской промышленности и разбазаривать природные богатства, принадлежащие всем нам. Они не создают ничего нового, не хотят развития и боятся его». Так вот, эти «влиятельные группы» не какие-то незначительные маргинальные образования. Это, действительно, «влиятельные» группы, хорошо сплоченные вокруг своего общего сословного интереса. Без борьбы, и борьбы жесткой, они своих позиций не уступят. Чтобы сломить их сопротивление, у политических руководителей, претендующих на миссию реформаторов, должна быть мощная, сочувствующая им и объединенная ими социальная база, весомые организации партийно-политических единомышленников и серьезные, вполне подвластные им административные рычаги. Я думаю, что все это не под силу нынешней власти (даже если там возобладают серьезные «реформаторские идеи»). Поэтому реализация подобных программ в обозримом будущем для меня, к сожалению, крайне сомнительна.

Но тогда зачем, спросит читатель, вы формулируете свои идеи, выдвигаете свои программы, если не слишком верите в возможность их реализации нынешней властью?

Отвечаю: я выдвигаю их потому, что помимо власти, есть еще народ, есть народное сознание, есть гражданское общество, на которое не грех как следует поработать. В нем, и через него наша главная надежда на всевозможные типы модернизации.

А.В.Веретевская

ДВА МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА. ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В КАНАДЕ И США

ВЕРЕТЕВСКАЯ А.В. – аспирантка кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД РФ.
anna.veretevskaya@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена особенностям становления американской и канадской моделей мультикультурализма. Автор прослеживает историческую эволюцию каждой из моделей в попытке определить в чем причина столь различного воплощения принципов мультикультурализма. Проблемы взаимоотношения разных этносов, национальных культур и традиций, иммигрантов и коренного населения сегодня во весь рост встали перед Россией. Опыт (как позитивный, так и негативный) решения этих проблем в других странах и регионах современного мира будет очень полезен для российского общества.

Ключевые слова: мультикультурализм, Северная Америка, политическая история, политология.

Проблемы, связанные с национальной, религиозной, идеологической и культурной терпимостью возникали, наверно, на протяжении всей истории человечества, однако такое специфическое явление, как мультикультурализм¹ (как мировоззрение и как государственная политика) – про-

¹ Известный английский теоретик мультикультурализма Бикху Парекх определил мультикультурализм как нормативную реакцию на культурное разнообразие общества, или мультикультурность. См. *Parekh B. Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory.* N.Y., 2006. P.6. Джон Страттон и Йен Энг определили мультикультурализм как следствие невозможности нации-государства до конца воплотить в жизнь принцип единообразия. Как политическая практика мультикультурализм представляет собой специфические политические решения и меры, которые органы государственной власти предпринимают, пытаясь регулировать проблемы, возникающие в обществе из-за отсутствия такого единообразия. См. *Stratton J. and Ang I. 1998. Multicultural Imagines Communities. Cultural Difference and National Identity in the USA and Australia.* P.135–162 in David Bennette (ed.), *Multicultural States: Rethinking Difference and Identity.* L., 1998. В самом общем виде мультикультурализм можно рассматривать как политическую идеологию и практику, обеспечивающую поддержку и регулирование общего для национального государства пространства социальной и политической коммуникации посредством признания как прав личности, так и групповых прав культурных сообществ на поддержание собственной идентичности и на толерантность в публичной сфере.

дукт современности. Большинству социальных ученых мультикультурализм известен, как «американский», хотя местом его «рождения» правильнее было бы назвать Канаду. Ведь именно там в начале 1970-х гг. он впервые получил широкое политическое признание, официально став главным принципом социальной политики. В США же и по сей день мультикультурализм – маргинальное явление политического дискурса, чего, впрочем, не скажешь о дискурсе политологическом. Научные дискуссии о возможной полезности мультикультурализма для Америки продолжают. Чем объясняется такое разное отношение к мультикультурализму в Канаде и Австралии с одной стороны и в США – с другой? Казалось бы, эти государства так похожи. Оба были основаны иммигрантами-европейцами на новых землях, захваченных у местного населения, оба некогда были британскими колониями и переняли, во многом, британские политические традиции, оба являются на сегодняшний день преуспевающими в экономическом и политическом плане государствами. Почему же канадские и австралийские правительства уже около 30 лет проводят политику мультикультурализма, считая ее эффективной и собираясь активно продолжать, а американцы до сих пор «не уверены», «не готовы» и даже «не намерены»? Возможно, разгадка коренится в истории. Возможно, эти три государства не так похожи, как это кажется на первый взгляд.

Канада.

Мультикультурализм как принцип государственной политики

Когда в будущей Канаде появились первые европейцы, ничто не предвещало того, что однажды на этих землях будет огромное многонациональное государство.

Первыми европейцами, появившимися здесь, были викинги. Несмотря на то, что археологи обнаружили их стоянки, датированные началом XIX века, довольно далеко в глубине континента, присутствие их не оставило никаких следов в культурном, политическом или экономическом плане. Политическая история современного канадского государства начинается лишь в 1534 г., когда французский путешественник Жак Картье объявил землю, по которой протекала река Св.Лаврентия, принадлежащей Королю Франции. Примерно в то же время на эти территории заявили свои претензии и англичане. Некоторые земли, например Земля Руперта, окаймляющая Гудзонов залив, оказалась одновременно в юрисдикции обоих государств. В период с 1689 по 1815 гг. Франция и Англия (после Унии Англии и Шотландии 1707 г. – Великобритания) четырежды вступали в войну друг с другом. В конечном итоге британцы все же одержали верх. Переломный момент в этой борьбе произошел в 1763 г., через четыре года после взятия англичанами Квебека. В этом году был подписан Парижский мирный договор, по которому французы отказались от Канады, пытаясь откупиться ею для сохранения другой колонии. Французские колонисты оказались под властью английской короны. После победы англичан некоторые французы уехали обратно во Францию, однако большинство (в основном – крестьяне) средств для этого не имели, да и не желали переезжать, потому что во Франции у них ничего не было.

Практически сразу же англичане стали доминирующей экономической силой (даже в Квебеке, где численно французов было больше). Важно отметить, что в свое время основав колонию, французы перевезли туда феодальные порядки тогда распространенные на их родине. Так, кроме небольшого военного отряда, находившегося под командованием коменданта, присланного из Парижа, среди французских колонистов было всего несколько купцов, занимавшихся скупкой мехов у индейцев, да небольшое количество находившихся в феодальной зависимости у французских землевладельцев и прикрепленных к их земле крестьян, в большинстве своем неграмотных. Свободное перемещение было запрещено. При французах колония была малочисленной и экономически сильно отставала от своих южных соседей. После появления англичан, французские переселенцы продолжали жить, в основном, в сельской местности и значительного экономического влияния иметь не могли, что в будущем негативно сказалось на их уровне жизни. Англичане же быстро наладили транспортное сообщение с метрополией, создав тем самым возможности для торговли. Колония начала активно развиваться экономически.

Для развития требовались новые переселенцы – рабочих рук не хватало. Больше всего здесь были рады представителям Западной Европы (особенно соответствующая диаспора приветствовала англичан и французов), хотя и к переселенцам из Восточной Европы колонисты относились терпимо. Идеи плавильного котла, как в США, в Канаде не возникло. С самого своего зарождения канадского общества в большей степени представляло себя скорее как некую мозаику. В 1965 г. Джон Портер введет этот термин в оборот в работе «Вертикальная мозаика»¹, в которой представит этническую и классовую структуру общества в виде иерархии.

Как уже было сказано выше, численно в Квебеке французы англичан превышали. Поэтому в 1774 г. был принят Квебекский акт, дающий право этническим французам на защиту своего языка и религии, а также право на использование французского гражданского права на территории их проживания (причем допускалось, что эта территория может незначительно увеличиваться). Идея проведения подобной политики заключалась в том, чтобы повысить лояльность этнических французов к британскому правлению. Ведь французы могли взбунтоваться и начать войну за независимость. Учитывая обостряющуюся ситуацию в южных колониях, британцы решили «обезоружить» французов, предоставив им подобие автономии. В 1792 г. британский парламент принял Конституционный акт, разделивший Канаду на Верхние и Нижние Земли, что практически дало французам возможность попробовать, каково было бы жить в независимом государстве.

За первые три четверти XIX века объединенное национальное государство в Канаде так и не возникло. Британцы, тем не менее, боясь расширения независимых и крепнущих США на север, стремились все-таки создать хотя бы конфедерацию. В 1867 г. британский парламент принял Акт о Британской Северной Америке, по которому Канада признавалась доминионом Великобритании и разделялась на 4 провинции. Для усиле-

¹ Porter J. 1965. The Vertical Mosaic: An Analysis of Social Class and Power in Canada. Toronto: University of Toronto Press.

ния связи с метрополией канадским флагом было предложено сделать некую импровизацию на тему флага британского. Французским канадцам это, конечно, не понравилось.

Французы, большинство из которых, как уже известно, были деревенскими жителями, сплотились вокруг своей католической церкви, приобретшей очень значительное среди них влияние. Церковь, в частности, занималась образованием. С точки зрения мировоззрения, французские переселенцы продолжали придерживаться консервативно-традиционалистских взглядов. Традиционализм и закрытость их сообщества (т.е. отсутствие социальных связей во вне и низкая социальная мобильность) сделали их неготовыми к наступающей индустриализации и урбанизации, что, как уже было сказано выше, впоследствии послужило причиной их экономической отсталости по сравнению с представителями британской диаспоры.

Интересно, что по отношению к местным племенам, на исторических территориях которых они проживали, обе общины вели себя сдержанно. Считается, что хуже всех других колонистов к местному населению относились австралийцы, а лучше всех – новозеландцы. Так вот, американцы в этом спектре оказываются ближе к австралийцам, а канадцы – все-таки ближе к новозеландцам. И все же до середины XX века у канадских индейцев не было права голоса.

Массовая иммиграция в Канаду началась только во второй половине XIX века. До этого времени в Канаде проживали представители двух основных групп, местные племена и очень небольшая группа китайских иммигрантов. С 1890-х по 1920-е гг. канадское правительство занялось активно иммиграционной политикой. Контроль был поручен министру внутренних дел Клиффорду Сифтону.

Закон об иммиграции 1910 г. (в 1919 г. в него были внесены не меняющие сути поправки) отразил в себе распространенную тогда концепцию «белой Канады», в соответствии с которой только белые переселенцы могли стать полноценными членами канадского общества. Азиаты же представлялись иммигрантами нежелательными. Первый антикитайский закон был принят в 1885 г. Он не только запрещал въезд китайцев в Канаду, но и лишал тех, кто уже проживал на ее территории права голосовать. В 1900, 1903 и 1923 гг. были приняты еще законы, делающие въезд китайцев очень сложным или вовсе невозможным. Канадская иммиграционная политика в отношении не только китайцев, но и азиатов вообще (включая представителей Истиндии) запрещала им селиться группами.

До Первой мировой войны в Канаду прибыло два с половиной миллиона иммигрантов. Помимо британцев и американцев британского происхождения, значительно пополнивших британскую диаспору, в Канаду приехали также около полумиллиона европейцев, среди которых были немцы, скандинавы, голландцы, поляки, украинцы, итальянцы и евреи. Те переселенцы, которые не попадали по национальному признаку ни в англофонное, ни во франкофонное сообщество, составили так называемую «третью силу».

Великая депрессия и Вторая мировая война приостановили иммиграционный поток, но потом он возобновился. На этот раз в большом количестве прибыли итальянцы, греки, поляки и португальцы. Эти группы также дополнили ряды «третьей силы».

Конституция 1867 г. обозначила канадскую идентичность как принадлежность к одной из доминантных групп населения. «Единая» канадская идентичность возникла только в 1940-х гг. и сформулировать ее можно было следующим образом: «Канада – не США».

В 1960-е гг. на волне модной в то время в мире политической тенденции – бороться за независимость – в Канаде возникло Квебекское национально-освободительное движение. В начале XX века канадские франкофоны в большинстве все еще вели деревенский образ жизни (60% общины проживало в деревне), в 1931 г. в деревне жили уже только 37%, к 1960-м гг. уже можно было говорить о том, что франкофонное население Канады, стремясь к повышению уровня жизни, стало, в основном, городским. Некоторые, тем не менее, увидели в урбанизации угрозу традиционному укладу и франкофонии: так возникла политическая партия Национальный союз. Целью этой партии было сохранить традиционный уклад жизни, а именно, – два его столпа: франкофонию и католичество.

В 1960-е гг. произошла так называемая «тихая революция», изменившая положение франко-говорящих канадцев. Основной задачей «тихой революции» было подтвердить права франко-говорящих канадцев, не отделяя французскую Канаду от английской. В 1963 г., несмотря на недовольство английской диаспоры, Королевская комиссия по билингвализму и бикультурализму рекомендовала правительству официально признать французский язык государственным наравне с английским. В конце 1960-х гг. премьер министр от либеральной партии, Пьер Трюдо (уроженец Квебека) привел эту рекомендацию в жизнь. Тогда же сменили и флаг, заменив подобие английского флага нейтральным полотном с изображением кленового листа.

Радикально настроенным националистам деятельность либеральной партии казалась полумерами. В 1968 г. под предводительством Рене Левеска возникла Партия Квебекуа («Партия Квебека»). Примерно в то же время появился и еще более воинственный Фронт освобождения Квебека, стремившийся изобразить Квебек как внутреннюю колонию, эксплуатируемую англофонами, и террористическими методами добиться от правительства более решительных действий.

В 1974 г. находящаяся тогда у власти либеральная партия сделала французский единственным официальным языком провинции Квебек. Деловое сообщество (в большинстве своем англо-говорящее) восприняло этот шаг негативно, а когда в 1976 г. Партия Квебекуа сделала французский в Квебеке не только языком политики, но и официальным языком торговли и делопроизводства вообще, часть предприятий покинули Монреаль.

На этом квебекские власти не остановились: отдавать детей в английские школы могли теперь только этнические британцы. Все остальные, включая многочисленных иммигрантов, должны были учить своих детей по-французски.

Важно отметить, что франкоговорящее население Канады очень не велико. И в условиях всепроникающего влияния массовой культуры США попытки выстроить стену вокруг островка французской цивилизации в Канаде с целью уберечь ее обречены на поражение. Даже после принятия известного законопроекта 101 (того самого, который сделал французский также и языком бизнеса), количество, скажем, музыкальных альбо-

мов, выпущенных на французском языке снизилось на 38% всего за десятилетие: слишком небольшой рынок, да и сами франкофоны, как выясняется, предпочитают англоговорящих исполнителей.

В 1980-х гг. с подачи той же Партии Квебекуа начинается эра попыток референдумов. Первый из них партия предложила провести в 1980 г. Речь шла об определении будущего Квебека. 60% канадцев отказались его определять. В 1987 г. федеральное правительство попыталось пойти навстречу националистам, провозгласив квебекцев «отдельным обществом» в Мич-лейкском соглашении. Соглашение не получило одобрение 10 канадских провинций и, следовательно, в силу не вступило. Квебекские националисты к этому времени всем порядком поднадоели. В 1992 г. была все же произведена еще одна попытка дать квебекцам особый статус (речь опять шла о получении статуса «отдельное общество»). 60% канадского электората эту идею отвергли. В 1994 г. новый лидер Партии Квебекуа Жак Паризо обещал своим избирателям быстрый референдум о независимости. В этот раз канадцы отвергли идею провести референдум уже по поводу заключения «нового экономического и политического партнерства» с Квебеком, правда, в этот раз против референдума проголосовали только 50,6%. Надо отдать должное канадским правительствам в том, что, несмотря на стабильную непопулярность тематики сепаратизма у большинства населения, они все же многократно возвращались к этому вопросу на референдумах, стремясь пойти на встречу интересам франкоговорящего меньшинства.

Следует отметить, что по сравнению с предыдущими двумя десятилетиями, в 1990-е гг. сепаратисты потеряли в поддержке. Дело в том, что этнические французы в Канаде стали жить лучше. Похоже, вертикальная мозаика 60-х гг. версии Джона Портера перестала иметь место. Французы больше не чувствовали себя экономически или политически угнетенными. Теперь их возможным стремлением отъединиться руководило только желание сохранить свою культурную идентичность, а также связанные с ней экономические интересы франкоговорящего среднего класса¹. Без серьезной экономической подоплеки накал борьбы заметно снизился.

Теперь, говоря о вертикальной мозаике, скорее стоит упомянуть в целом канадцев европейского происхождения и их менее удачливых сограждан-азиатов, а также выходцев из стран Карибского бассейна, Ближнего Востока и потомков канадских индейцев.

В 1950-е гг. канадские власти начали новую политику иммиграции. Еще в соответствии с актом об иммиграции 1910 г. преференции отдавались английским и французским иммигрантам, а азиатам въезжать запрещалось. После Второй мировой войны, однако, много приехало бежавших от советского режима поляков и украинцев. В 1956 г. от советского же доминирования бежали в Канаду венгры. В 1968 г. – чехи.

Надо сказать, что в 1962 г. пришел конец доктрине «Канады для белых». Во многом это произошло из-за демонизации идеологии расизма во время Второй мировой войны и соответственно возросшей популярности

¹ Rousseau M.O. 1999. Ethnic Mobilization in Quebec, Federalism in Canada, and the Global Economy. Research in Social Movements, Conflicts and Change. 21: 205–23.

идей дружбы народов после нее. И так, расовую дискриминацию решено было прекратить. До этого года более трех четвертей иммигрантов приезжали в Канаду либо из США, либо из Европы. Тремя десятилетиями позже те же три четверти уже были выходцами из Азии, государств Карибского бассейна и Центральной Америки.

На сегодняшний день среди цветных иммигрантов азиаты составляют около 50%. Среди них можно встретить китайцев, индийцев, пакистанцев, филиппинцев, вьетнамцев и шриланкийцев. Небольшое количество черных иммигрантов прибывает ежегодно из государств Карибского бассейна: Ямайки, Тринидада и Тобаго и Гаити. Еще меньшее число переселенцев в Канаду происходит из Центральной Америки: Гватемалы и Эль Сальвадора.

Сеймур М.Липсет полагает, что Канада – наиболее универсалистское и социально гетерогенное в плане иммигрантов государство среди развитых стран¹. Хотя в Квебеке нет-нет, да и произойдут антииммигрантские беспорядки, а Азиаты и черные иммигранты живут в наиболее сегрегированных районах. Уровень жизни там, где живут черные, ниже, чем в остальных местах.

Канадские индейцы разделяются законом на несколько категорий: «статусные индейцы» те, кто официально принадлежит к одному из 605 индейских племен (Indian bands), метисы (потомки смешанных браков индейцев с европейцами) и инуиты. Вместе они составляют 3,7% населения Канады и представляют собой наименее устроенную в социальном плане группу.

Статусные индейцы в Канаде пытаются продолжать свои традиции, оказываясь вне урбанизации; во многом они зависят от правительства. Их уровень жизни, не смотря на специальные государственные программы поддержки, ниже, чем среднеканадский: продолжительность жизни на 24 года ниже, высокий уровень безработицы, нищеты, дети часто бросают школу.

Движение «красная сила», набравшее силу среди американских индейцев, распространилось и в Канаде (адепты борются за защиту прав индейцев). Некоторые индейцы полагают, что, если Квебек станет независимым, то у них должно быть право выйти и создать собственное независимое государство.

Не призывая к ассимиляции, канадские власти наоборот, кажется, готовы идти на встречу проживающим в Канаде этническим группам в стремлении сохранить и поддержать разнообразие (в первую очередь – этническое и культурное). Надо, впрочем, оговориться, что в отношении потомков европейских иммигрантов (а именно – французских) это получается лучше, чем в отношении более «недавних» иммигрантов из других мест, но все же.

Тот факт, что власти идут на встречу населению в плане поддержки разнообразия имеет причину: в Канаде, в отличие от большинства либеральных демократий, американской, например, на государственном уровне признается возможность наличия у населения групповых (коллективных) прав и, соответственно, права за них бороться. Существует даже представление о том, что этническое разнообразие как обязательная часть об-

¹ Lipset S.M. 1990. *Continental Divide: Values and Institutions of the United States and Canada*. New York: Routledge. P.186.

щей канадской идентичности поможет сохранить канадское государство как нацию. Исторически именно страх перед сепаратизмом заставил канадское руководство пойти на уступки национальному меньшинству – т.е. прибегнуть к принципам мультикультурализма: французы получили культурную и частично – политическую и правовую автономию, потому что управляющие ими тогда британцы стремились таким образом «купить» у них лояльность своей короне. И им это удалось – Канада не воевала за независимость. И по сей день ее официальной главой считается английская королева.

Целью политики мультикультурализма в Канаде и сегодня является не разделение, а наоборот сохранение единства. Канадский мультикультурализм, представляющий собой ряд крупных и мелких уступок продолжает склеивать Канадскую политическую карту, сглаживая острые углы социальных конфликтов столь разнообразного в этническом и культурном плане общества.

Соединенные Штаты Америки. Мультикультурное общество – либеральное государство

США – самое крупное иммигрантское государство на сегодняшний день. С тех пор, как в результате Американской революции США отбросили колониальные связи с Великобританией, государство стало первым «новым государством»¹.

Иммиграция в США проходила волнами. Первая большая волна – это период с 1820 г. по начало Гражданской войны. В этот период в Америку прибывали, в основном, переселенцы из Западной Европы. Следующая волна пришла на период с 1880 г. (приблизительно) до 1924 г., когда вступил в силу Закон об ограничении иммиграции. Вторая волна была сильнее, чем первая. В Америку стали переселяться также и жители Восточной и Южной Европы. Третья волна наступила после 1965 г., когда в США был принят новый закон, более либеральный в отношении иммигрантов. Больше всего в третью волну приехало иммигрантов из стран Латинской Америки и Азии.

Гражданство (и, соответственно, гражданские права) стало почти сразу своеобразным инструментом для включения одних групп в американское общество и недопущения других. Для переселенцев девятнадцатого – начала XX века огромное значение имела расовая принадлежность. Полноценными американцами проще всего было стать выходцам из Западной Европы протестантского вероисповедания. К католикам относились с подозрением. Ирландцев, например, одно время считали «белыми неграми»: карикатурист Томас Нэш изображал их похожими на черных. Им удалось найти общий язык с другими белыми только когда они активно включились во всеобщую борьбу за доминирование белых над американскими индейцами и афроамериканцами.

¹ *Lipset S.M.* 1963. *The First New Nation: The United States in Historical and Comparative Perspective.* New York: Basic Books.

«Плавильный котел – метафора, получившая широкое распространение после того, как в 1908 г. Израэл Цангвилл поставил пьесу с таким названием, хотя уже в XIX веке похожие представления об американском обществе начали набирать популярность. Идея заключалась в том, что американцы, хотя и имеют корни в разных странах, все же являются чем-то большим, чем просто представителями этих стран в Америке.

Концепция плавильного котла очень хорошо подходила для оправдания популярных в первые десятилетия XX века кампаний по американизации прибывающих. Ярким примером здесь могут послужить мероприятия, проводимые «отделом социологии» компании Генри Форда для рабочих-иммигрантов, трудившихся на заводах Форда. В идеале все ново-прибывшие должны были сделаться стопроцентными американцами, переняв господствующую WASP-культуру (т.е. культуру белых иммигрантов из Британии протестантского вероисповедания).

Неудивительно, что WASP-культура была доминирующей. В 1790 г. (к этому времени в Америку уже иммигрировало более миллиона человек) протестанты, прибывшие из Англии и Шотландии, были наиболее значительной этнической группой и составляли 89% тогдашнего иммигрантского населения. Следующей по значимости группой были немцы - их было около 6%. Среди оставшихся 5% были этнические ирландцы, голландцы, французы и представители скандинавских народов. Вследствие количественного перевеса англичан в США по умолчанию начала формироваться политическая система, основанная на английских традициях и институтах. Примечательно, что в США никогда не принималось никакого закона, закрепляющего за английским языком статус официального¹. Никому, похоже, не пришло даже в голову, что официальным языком нового американского государства может стать какой-то другой язык.

Иммиграцию каждый раз открывали по экономическим причинам – нужна была рабочая сила для поддержки активно развивающейся экономики. Уже ставшим местными жителями переселенцам же хотелось стабильности и привычной им жизни, они в массе своей далеки были от понимания экономической необходимости. Этим объясняется враждебное отношение к прибывающим «чужакам». В 1933 г. Эмори Богардас опубликовал исследование², посвященное тому, как американцы относятся к различным группам приезжих: лучше всего местное население относилось к иммигрантам из Западной Европы и хуже всего – к иммигрантам неевропейского происхождения (африканцам, азиатам, туркам и т.д.).

К 1960-м гг. очень многие потомки европейских переселенцев утратили тесные связи со своей исторической родиной. У многих из них отцы и деды уже родились в США, а в Европе никогда и не были. К середине XX столетия белая Америка сформировалась как единая более-менее гомогенизированная нация со своей собственной национальной идентичностью. Их отношение к исторической родине лучше всего характеризует теория сим-

¹ Kivisto P. 1995. *Americans All: Race and Ethnic Relations in Historical, Cultural and Comparative Perspectives*. Belmont, CA: Wadsworth. P.117.

² Bogardus E. 1933. A Social-distance Scale. *Sociology and Social Research*, 17 (Jan–Feb.).

волической этничности Ганса¹: людям нравится вспоминать о том, кто их предки и отдавать дань традициям иногда, скажем, по праздникам, но переносить национальные традиции в повседневность им уже трудно. Они склонны выбирать то из своего исторического наследия, что им импонирует.

Как уже говорилось ранее, отношение к неевропейцам со стороны выходцев из Европы было сложным. Им пришлось столкнуться с различными формами того, что Лоренс Фукс назвал «плюрализмом принуждения»².

Представители от 150 до 200 индейских племен, населявших территорию, на которую так или иначе претендовали переселенцы, заведомо были аутсайдерами формирующегося общества. По разным оценкам на период первой высадки европейских переселенцев индейское население составляло от 5 до 2 миллионов. К 1890 г. из-за кампании по их истреблению, голода и распространения завезенных европейцами болезней, против которых у индейцев исторически не было иммунитета, их осталось немногим больше 250 тысяч.

По мере прибытия все новых переселенцев индейцы вынуждены были переселяться со своих традиционных земель на запад. Земли у индейцев отнимались разными способами, наиболее гуманный из которых – покупка через подписание договора о передаче, отнюдь не отличался справедливостью. Обмен не был равноценным, а даже скромные условия договоров белые переселенцы впоследствии постоянно нарушали.

В середине XIX века начала складываться система резерваций. До 1930-х гг. эта система в основном и определяла отношения американских властей с местными племенами. Резервации представляли собой тоталитарный институт, призванный обеспечить политическое удержание и полный контроль над племенами и физическое и социальное отделение индейцев от общества переселенцев.

В 1887 г. был принят специальный закон (The Indian Allotment Act), в соответствии с которым индейцам запрещалось коллективное владение землей. Отныне они «получали право» владеть землей лично. Преподнесенный как либеральная мера, призванная упростить получение индейцами гражданства (для этого нужно было иметь собственность), на деле этот закон разрушил последнее, на чем еще держались индейские общины (и их традиционный образ жизни). Гражданами индейцы, к слову, стали только в 1924 г.

В современной Америке индейцам живется лишь немногим лучше. Они – наименее физически здоровая группа населения. Продолжительность жизни у них в среднем на 10 лет меньше, чем у всех остальных. Детская смертность очень высока. Убийства и самоубийства в индейских общинах – дело обыденное, как и алкоголизм.

Не все и не всегда готовы были мириться со своим положением. В конце 1960-х гг. в США появилось движение «Красная сила». Начали они с того, что пытались привлечь власти к своим проблемам, охотясь в не-

¹ Gans H. 1979. Symbolic Ethnicity: The Future of Ethnic Groups and Cultures in America. *Ethnic and Racial Studies*, 15(2).

² Fuchs L.H. 1990. *The American Kaleidoscope: Race, Ethnicity, and Civic Culture*. Hanover, NH: Wesleyan University Press.

разрешенное время (для индейцев в свое время сделали исключение в законе и наказывать их не могли). Постепенно внутри движения организовались и воинственные группировки, и общества любителей индейской культуры, и фонды взаимопомощи, и много чего другого. Главное их завоевание состоит в том, что они смогли обозначить себя как отдельную и все еще гордо существующую этническую группу.

Молодежь старается покинуть резервации, где основными занятиями является организация азартных игр и проституция. Молодые люди направляются в крупные города, где шансы найти хорошо оплачиваемую работу весьма небольшие, потому как уровень образования у них оставляет желать лучшего. Переехав, они обыкновенно вступают в браки с представителями других этнических групп.

Иногда, все же, покинув резервации, индейцы селятся вместе. Индейские анклавы есть в Лос-Анджелесе, Чикаго, Денвере, Сан-Франциско, Фениксе, Миннеаполисе.

Систему отношений, сложившихся между белым и черным населением будущих Соединенных Штатов Фукс характеризует как «кастовый плюрализм»¹. Причем рабство – это только одно из многочисленных проявлений кастового плюрализма. Плантация по сути своей представляла собой такое же тоталитарное учреждение, как резервация. Несмотря на свою антилиберальную природу, рабовладельческие плантации внесли огромный вклад в развитие мировой экономики. Так, например, индустриальная революция в Англии не была бы возможной, если бы не бесперебойные поставки хлопка из южно-американских плантаций².

Ральф Эллисон в своем незаконченном романе «Juneteenth» описал, что рабство сделало с насильно вывезенными из Африки людьми³. Судя по тому, какое количество рабов восставало, убегало и совершало акты саботажа, говорить о том, что рабы воспринимали свое рабство как должное не приходится.

Считается, что отмене рабства способствовала не столько морализаторская кампания против него, сколько комплекс социальных, политических и экономических факторов. В частности, 13-я, 14-я и 15-я поправки к конституции, принятые после окончания гражданской войны в США наделили черных некоторыми из фундаментальных гражданских прав: бывшие африканские рабы перестали быть рабами (13-я поправка рабство упразднила), получили возможность сделаться гражданами (14-я поправка) и голосовать на выборах (15-я поправка). Однако вслед за этими «вольностями» был принят ряд законов, сведших отчасти на нет эти три завоевания: для участия в голосовании необходимо теперь было пройти тест по грамотности и заплатить налог, а затем и вовсе было объявлено о сегрегации во всех сферах жизни. В истории взаимоотношений черной и белой Америки началась очередная эпоха расового доминирования

¹ Ibid.

² Hobsbawm E.J. 1969. *Industry and Empire*. New York: Penguin Books.

³ Ellison R. 1999:124. *Juneteenth*. New York: Random House. Eyeless, tongueless, drumless, danceless, songless, hornless, soundless, sightless, wrongless, wrightless, motherless, fatherless, brotherless, sisterless, powerless.

белых, вошедшая в историю, как эпоха Джима Кроу¹. Юридической основой для сегрегации стало дело Плесси против Фергюсона, рассмотренное Верховным Судом США в 1896 г. Верховный суд постановил, что в США должны быть две «одинаковые, но все же отдельные доктрины» для черных и для белых.

Только в 1954 г. верховный суд пересмотрел идею отдельных доктрин для черных и белых и принял решение о том, что сегрегация и расовая дискриминация по сути – одно и то же. В 1964 г. был принят Акт о гражданских правах, запрещающий дискриминацию по расовому признаку на работе и в образовании. В 1965 г. право черных голосовать получило подтверждение, а в 1968 г. вышел закон, запрещающий расовую дискриминацию при продаже жилья. Все это стало результатом обширной деятельности черных правозащитных организаций. В итоге черных детей допустили в школы, где традиционно учились белые: если в 1964 г. в южных штатах только 2% черных детей ходили в школы для белых, то в 1973 г. – их было уже 46%.

Надо сказать, что, несмотря на то, что законодательное запрещение расовой дискриминации стало огромным шагом на пути к национальному равенству, все же на практике даже сегодня все обстоит не так хорошо. Еще тогда, когда законы о запрете дискриминации принимались, многие белые американцы забрали своих детей из государственных школ и отдали в новообразованные «христианские академии», негласно не принимавшие черных. В иных школах десегрегация обернулась фактическим разделением: в стенах одной школы де факто возникало две – черные и белые дети учились по разным программам.

Из-за проблем с образованием, а также из-за того, какие перед глазами были примеры, черные дети имели меньше возможностей подняться по социальной лестнице. В попытке изменить это, американские власти обратились к концепции положительной дискриминации. Либеральное правительство Линдона Джонсона и консервативное – Ричарда Никсона старались реализовать эту идею – в университетах вводились специальные квоты, такая же система была рекомендована к использованию при найме на работу. Практика применения идеи положительной дискриминации довольно противоречива: не отрицая полезности идеи в целом, люди сопротивляются ее избирательности в частности. В 1978 г. Аллан Бакке подал в суд на Калифорнийский университет, куда его не приняли, несмотря на набранный проходной бал, потому что 16 из 100 мест на выбранном им медицинском факультете были «оставлены» для «льготных

¹ Законы Джима Кроу (англ. Jim Crow laws) – неофициальное широко распространённое название законов о расовой сегрегации в некоторых штатах США в период 1890–1964 гг.

После Гражданской войны в США, освободившей черных от рабства, федеральное правительство приняло меры по обеспечению прав чёрного населения (13-я, 14-я, 15-я поправки к конституции, Закон «О гражданских правах» 1866 г. и 1875 г.). В ответ демократы южных штатов приняли местные законы, серьёзно ограничившие в правах чёрное меньшинство. Эти законы стали известны как «Законы Джима Кроу» (Jim Crow laws), названные по имени комического персонажа. Источник: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%97%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%8B_%D0%94%D0%B6%D0%B8%D0%BC%D0%B0_%D0%9A%D1%80%D0%BE%D1%83

категорий граждан», что буквально означало – для представителей расовых меньшинств. Верховный суд постановил принять Бакке, заявив однако, что в общем положительная дискриминация не антиконституционна. Не так давно, уже более консервативные судьи Верховного Суда приняли по поводу еще одного похожего дела решение, из которого следует, что раса не может быть фактором, влияющим на решение о зачислении студентов. А в Калифорнии и вовсе приняли закон, по которому государственные средства не могут быть направлены на программы положительной дискриминации.

Черное население США не упустило пусть и небольшого, но шанса улучшить свою жизнь: если в 1960 г. к среднему классу можно было отнести только 13,4% черных по сравнению с 44,1% белых в том же году, то в 1981 г. эти показатели составляли уже 37,8% к 54,3%¹.

Все больше американцев последнее время переезжает жить из больших городов в пригород, в частные дома – место жительства белого среднего класса. Это и то, что черные избиратели теперь прочно стали важной опорой демократической партии дало возможность некоторым неоконсерваторам (вроде Д'Сузы²) объявить о «конце эры расизма».

Этот вывод все же кажется преждевременным. По уровню доходов черные американцы действительно начали приближаться к белым, однако по уровню богатства они еще далеко: на каждый принадлежащий белым американцам доллар черные могут противопоставить только 15 центов. С переселением в пригороды все тоже не вполне однозначно. Черный средний класс действительно переселяется из больших городов в пригороды, однако многие въезжают в дома, откуда белые выехали, чтобы переселиться в лучшие условия. Переезжая в пригород, многие афро-американские семьи оказываются не в мультикультурном и мультирасовом плавильном котле среднего класса вообще, а в окружении своих собратьев по расовой принадлежности. Хороший пример здесь – городок Маттесон, штат Иллинойс. В 1980 г. в этом пригороде Чикаго 84% населения составляли белые, пятнадцать лет спустя их было уже только 47%. Похоже, несмотря на всю мультикультурную пропаганду, белые американцы не очень стремятся интегрироваться.

Многие черные американцы остаются еще жить в больших городах. Их дети ходят в фактически сегрегированные школы, а матери посещают такие же церкви. В районах, где они живут, боится появляться полиция. Там процветают наркотики и проституция. Молодежь, ощущая, как им кажется, бесперспективность своего существования сбивается в банды. Доминирующей чертой мировоззрения здесь, пожалуй, является нигилизм. Это не просто посттравматическое душевное состояние, когда человек бывает обижен, это состояние, когда ему становится все равно, потому что он не верит, что можно добиться какой-то справедливости и что-то изменить в своей жизни.

Ожидалось, что занятые на сезонных работах жители Мексики и Китая вернутся со временем на родину. Местным жителям казалось, что

¹ Landry B. 1987. *The New Black Middle Class*. Berkeley: University of California Press. P.68.

² D'Souza D. 1995. *The End of Racism*. New York: New York: The Free Press.

приезжие претендуют на рабочие места, по праву принадлежащие местным. И, хотя, это, в целом, было не так (потому что мигранты брались за низкооплачиваемую тяжелую работу, которая местных жителей не привлекала), отрицательное отношение к представителям этих этнических групп имело место.

Многие китайцы приезжали в Америку в надежде разбогатеть, найдя здесь золото. 90% приезжающих – были молодые мужчины, поэтому их даже называли «сообщество холостяков». Не найдя искомого, многие брались за сезонные работы. Учитывая, что большинство из них не говорили по-английски, селились они чаще всего вместе. Постепенно появились клановые, языковые и территориальные ассоциации, а также криминальные банды, известные как тайные общества. Последние занимались, в основном, наркотиками, азартными играми и проституцией. Новоприбывающие часто попадали в сильную зависимость от этнической элиты, потому что найти работу в другом месте, не зная языка, было практически невозможно.

Китайцы пытались заниматься мелким и средним предпринимательством, однако против них принимались специальные законы. Так, например, в Сан-Франциско прачечные, не использовавшие лошадей, были обложены специальным налогом. Принадлежали такие прачечные только китайцам. Помимо экономических ограничений такого рода были также и иммиграционные ограничения: в 1882 г. приняли закон о запрете на иммиграцию китайцев. Еще одной мерой был отказ в получении гражданства. Китайские иммигранты таким образом были лишены гражданских прав и не могли ничего добиться ни юридически ни политически. Гражданство им начали давать только в 1943 г.

Большинство американцев начала XX века желало видеть в качестве соседей выходцев из Западной и Северной Европы: по закону 1924 г. суммарное количество иммигрантов из других направлений не должно было превышать 153700 в год. Целью закона было сделать так, чтобы как минимум 80% приезжающих были европейцами-протестантами.

В начале XXI века латиносы (выходцы из стран Латинской Америки) представляют собой самое большое национальное меньшинство в США (12,5% населения, с этим показателем они уже обогнали афроамериканцев с 12,1%). 66% латиносов – мексиканцы, 9% – пуэрториканцы, остальные – кубинцы и жители других государств Латинской Америки и Карибского бассейна¹. Латиноамериканцы – самая бедная этническая группа США². Отчасти, правда, это объясняется тем, что многие мексиканцы приехали в США совсем недавно и еще не успели как следует устроиться. Среди американцев мексиканского происхождения многие бросают школу. Работают мексиканцы часто в сфере услуг – отели, рестораны, а также в сельском хозяйстве. Концентрация их особенно велика в Южных штатах.

¹ US Census Bureau 2001:1 Diversity of the Country's Hispanics Highlighted. <http://www.census.gov>

² Blank R. 2001:32. An Overview of Trends in Social and Economic Well-Being, by Race. P.21–39 in Neil J. Smelser, William Julius Wilson, and Faith Mitchell (eds.), *America Becoming: Racial Trends and Their Consequences*, vol. 1. Washington DC: National Academy Press.

Интересно, что на выборах 2000 г. и Буш, и Гор, оба обращались к латиноамериканцам на испанском языке. Несколько тысяч этнических мексиканцев избирались в местные, федеральные органы управления и в органы управления штатов, хотя все равно, учитывая размер этой этнической группы, во власти они все-таки недопредставлены.

Пуэрториканцы – наиболее бедная подгруппа среди американцев латиноамериканского происхождения, а кубинцы (благодаря тому, что в 1959 г. Кубу покинули очень богатые семьи, настроенные против режима Кастро) – самые богатые. Среди потомков кубинских иммигрантов наиболее высок и образовательный уровень.

Азиаты считаются в США примером для подражания. Похоже, что эта миноритарная группа демонстрирует показатели выше, чем белые американцы. Хотя и внутри этой большой группы есть свои успехи и неудачи. Неплохо обстоят дела у этнических китайцев, особенно у тех, кто чьи предки переехали в США еще до 1965 г. Многие пополнили ряды американского среднего класса. Прибывшие, в основном, только после 1965 г. филиппинцы преуспевают за счет полученного на родине хорошего образования, часто в сфере медицины и ухода за больными. Благодаря кассам взаимопомощи (так называемым «Куе») многие корейские иммигранты открыли в США свое небольшое дело: содержат продуктовые магазины, магазины одежды и небольшие кафе. Корейцы часто имеют бизнес в африканских гетто в больших городах. Афроамериканцы довольны этим не всегда. Случаются погромы.

На публичном уровне в США мультикультурный дискурс (сводящийся, в основном, к образовательным дебатам и положительной дискриминации) постоянно находится под критикой со стороны людей, боящихся, что попытки признать групповые права (что, собственно, и является квинтэссенцией мультикультурного подхода) приведут к упадку традиционных американских ценностей (ценностей классического либерализма с его акцентом на индивидуальности) и, в конечном счете, – к дезинтеграции государства.

Несмотря на то, что США, возможно, больше всех других стран в мире сталкивались с разнообразием внутри своего населения, американцы все же не могут воспринять мультикультурализм как возможную государственную идеологию. Слишком он идет в разрез с их либеральными ценностями, отказываться от которых в их случае практически значит признать несостоятельность Америки как государства (они ведь защищали и защищают свой индивидуализированный либерализм во всех войнах – от войны за независимость и мировых войн до холодной войны и войны Югославии и Ираке). Для американцев их либерализм значит больше, чем, скажем, для продолжающих английские традиции Канадцев, потому что США в сознании американцев – это «новое государство», своего рода «эксперимент» по созданию земного рая свободы и справедливости, который может и не удался. А групповые ценности – угроза индивидуальным, а значит – угроза первейшему столпу американской демократии.

Нет, мультикультурализм в США серьезно рассматривается только как временная мера – до тех пор, пока возможности уравниются!

Учитывая возросшую концентрацию некоторых этносов в определенных штатах и тот факт, что в США итак федеративная система (т.е. у населения штатов и властей штатов есть привычка к автономии), страх перед распадом приобретает реальные геополитические очертания.

Америка культивирует гражданство как общее основание для идентичности и неприкосновенность индивидуальных прав – как абсолютную гарантию правовой защиты.

Список литературы

1. Porter J. 1965. *The Vertical Mosaic: An Analysis of Social Class and Power in Canada*. Toronto: University of Toronto Press.
2. Rousseau M.O. 1999. Ethnic Mobilization in Quebec, Federalism in Canada, and the Global Economy. *Research in Social Movements, Conflicts and Change*, 21: 205–23.
3. Lipset S.M. 1990. *Continental Divide: Values and Institutions of the United States and Canada*. New York: Routledge. P.186.
4. Lipset S.M. 1963. *The First New Nation: The United States in Historical and Comparative Perspective*. New York: Basic Books.
5. Kivisto P. 1995. *Americans All: Race and Ethnic Relations in Historical, Cultural and Comparative Perspectives*. Belmont, CA: Wadsworth. P.117.
6. Bogardus E. 1933. A Social-distance Scale. *Sociology and Social Research*, 17 (Jan–Feb.).
7. Gans H. 1979. Symbolic Ethnicity: The Future of Ethnic Groups and Cultures in America. *Ethnic and Racial Studies*, 15(2).
8. Fuchs L.H. 1990. *The American Kaleidoscope: Race, Ethnicity, and Civic Culture*. Hanover, NH: Wesleyan University Press.
9. Hobsbawm E.J. 1969. *Industry and Empire*. New York: Penguin Books.
10. Ellisson R. 1999:124. *Juneteenth*. New York: Random House.
11. Landry B. 1987. *The New Black Middle Class*. Berkeley: University of California Press. P.68.
12. D'Souza D. 1995. *The End of Racism*. New York. New York: The Free Press.
13. US Census Bureau 2001:1 Diversity of the Country's Hispanics Highlighted. <http://www.census.gov>
14. Blank R. 2001:32. An Overview of Trends in Social and Economic Well-Being, by Race. P.21–39 in Neil J. Smelser, William Julius Wilson, and Faith Mitchell (eds.), *America Becoming: Racial Trends and Their Consequences*, vol. 1. Washington DC: National Academy Press.
15. ru.wikipedia.org
16. Stratton J. and Ang I. 1998. Multicultural Imagines Communities: Cultural Difference and National Identity in the USA and Australia. P.135–162 in David Bennette (ed.), *Multicultural States: Rethinking Difference and Identity*. L., 1998.
17. Parekh B. *Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory*. N.Y., 2006. P.6

И.В.Староверова

КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ НА ЭТАПЕ СОЦИАЛЬНОГО СТАРТА

СТАРОВОЕРОВА Ирина Владимировна – кандидат социологических наук, старший преподаватель социологии и политологии Госуниверситета землеустройства.

Аннотация. Освещаются концептуально-методологические вопросы исследования правовой культуры современной российской молодежи, находящейся в активной стадии своего жизненного старта. В основу статьи положена эмпирика конкретных исследований автора в 2003 г. и 2009 г., объектом которых были студенты младших курсов и их не учащиеся сверстники.

Ключевые слова: правовая культура, правосознание, правовое мышления, правоповедение молодежи 18–21 лет, социальные факторы ее девиации и делинквентности, феномен социализации.

Актуальность темы исследования обусловлена ростом девиантного поведения среди молодежи. Он имеет глобальный характер, но в нашей стране его динамика выше среднемировой. Растут масштабы подростковых и юношеских правонарушений. Аналогичное явление свойственно и другим возрастным группам молодежи. Этот рост находится во взаимосвязи с динамикой отклонений в правовом сознании молодых людей. Такая взаимосвязь особенно характерна для молодежи, выбирающей пути своего жизненного самоопределения. По данным опросов среди старшеклассников и выпускников школы отмечается тенденция роста установок на нетрудовой образ жизни¹. Опрос студентов младших курсов и выпускни-

¹ Новиков В.Г., Староверов В.В. Кадры для АПК: исполнители, менеджеры, предприниматели (социологический анализ) М., 2009. С.58–61.

ков школы показал, что 38% их в принципе допускают совершение ими неправомерных деяний¹.

Для части молодежи становится характерным «феномен Пиаже», обнаруживавшего, что слабо адаптированные к социальной среде субъекты не владеют инструментами меры, – «принципом сохранения величины или количества», – без чего невозможна рациональная деятельность².

Глубинные причины этих явлений кроются в состоянии общества. Механизмы же их, в конечном счете, упираются в дефицит правовой культуры. Д.А.Медведев, отметив в своем послании в адрес съезда Ассоциации юристов России, что главное в правовом государстве – уровень правовой культуры граждан, их готовность следовать закону и видеть в этом свой непосредственный интерес, обратил внимание на тотальный характер правового нигилизма в нашей стране³.

Низкий уровень правовой культуры современной молодежи порождает проблемы, как общие для населения страны, так и специфические в ее собственной среде. Особенно болезненно эти проблемы проявляются среди молодежи, находящейся на этапе социального старта и потому наиболее подверженной внешним влияниям. Учитывая преимущественно групповой характер поведения этой части молодежи, представляется несомненной актуализация исследований состояния и проблем повышения ее правовой культуры.

Исходя из этого, *проблема* исследования определяется нами через призму теоретико-методологического поиска оптимальных путей разрешения противоречия, обусловленного несопадением практики субъектов правового поведения с требованиями к ним общества. Проблема усугубляется тем, что в силу спонтанности эскалации девиантного поведения молодежи на этапе социального старта и интенсивных перемен в обществе, недостаточно эффективно используется регулятивный потенциалом правовой культуры.

Настоящая статья посвящена анализу особенности формирования правовой культуры молодежи, на этапе социального старта, т.е. ее активной социализации. Целью анализа является выяснение особенностей правовой культуры молодежи на этапе социального старта и выработка теоретико-методологических оснований ее социологического исследования. В меру возможностей статейного жанра, рассмотрим теоретические аспекты социальных механизмов формирования, функционирования и развития правовой культуры; функции правовой культуры и способы их реализации; специфику воспроизводства и функционирования правовой культуры молодежи, а также социально-демографическую специфику ее у молодежи на этапе социального старта; методические подходы к исследованию правовой культуры молодежи на этапе социального старта; состояние

¹ Староверов В.И., Староверова И.В. Девиация правосознания и правоповедения российской молодежи. М., 2008. С.22.

² Суть феномена в том, что не готовые взглянуть в лицо пугающей их социальной реальности люди бессознательно глушат инструменты рационального мышления, создают для себя иллюзию непонимания. См. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М., 1994.

³ «Российская газета». 2008, 31 января. С.2.

правовой культуры молодежи в нашей стране, ее особенности на этапе социального старта; факторы формирования правовой культуры молодежи.

При этом проверим четыре гипотезы.

Гипотеза 1. Правоведы, по их утверждению, затрудняются в выявлении социальных механизмов формирования и воспроизводства правовой культуры¹. Не следует ли из этого, что решение соответствующих задач, ложится, прежде всего, на социологов.

Гипотеза 2. Теоретико-методологическим основанием исследования правовой культуры является междисциплинарность при доминантой значимости ее социологической составной.

Гипотеза 3. Ведущая роль в познании правовой культуры молодежи на этапе социального старта принадлежит социологии права, социологии молодежи и теориям социализации.

Гипотеза 4. Решающими факторами развития правовой культуры молодежи на этапе социального старта являются факторы социальной среды.

Наш анализ базируется на комплексе различных методов – диалектико-системного, структурно-функционального, социокультурного. Исходными являются теоретические разработки отдела социологии молодежи ИСПИ РАН, а также теоретико-методологические подходы к социологическому изучению правовой культуры молодежи, содержащиеся в трудах ведущих обществоведов. Исследование базируется на синтезе правовых и социокультурных концепций, спроецированном на специфичность изучения правовой культуры молодежи в период социального старта.

Эмпирическую базу его составляют результаты исследований, проведенных автором в 2003 г. и 2008 г. в московских вузах среди студентов младших курсов и их не учащихся сверстников. В 2003 г. опрашивались три группы студентов – гуманитарии, естественники и технари, юристы и социологи, – и не учащаяся молодежь без подразделения по специализации. Каждая группа по 80 человек, №=320, выборка квотная; в 2008 г., соответственно, три группы студентов – гуманитарии (86 человек), естественники и технари (88 человек), юристы и социологи (93 человека), – и не учащаяся молодежь (97 человек) без подразделения по специализации. №=364, выборка квотная. Учитывались также: данные мониторингов, проводимых Отделом социологии молодежи ИСПИ РАН под руководством Ю.А.Зубок и В.И.Чупрова; данные из публикаций других обществоведов, особенно ювенологов (Ф.Шереги, С.Григорьева, А.Осипова и др.). Анализировалась социальная статистика, в том числе ведомственная – Прокуратуры, МВД, Министерства юстиции.

Опираясь на теоретико-методологические посылки фундаментальных исследований в различных отраслях социологии и смежных наук и результаты репрезентативных эмпирических исследований темы и учитывая зафиксированную документами практику, мы попытались сформулировать авторскую концепцию социологического изучения правовой культуры молодежи на этапе социального старта, содержание которой составляет социологическое понимание правовой культуры как способа взаимо-

¹ «Гуманизм и право». 2008, №4 (9). С. 136.

связи правового сознания и правового поведения, ключевую роль в которой имеют ценностно-нормативная и мотивационная составляющие правового сознания в реализации социально-регулятивной функции правовой культуры.

Выявляя особенности молодежи как субъекта правовой культуры, мы особо выделяем ведущую роль социализации в механизме формирования правовой культуры молодежи на этапе социального старта. Показывая, что правовая культура молодежи является синтезом наследуемой ею правовой культуры общества с инновативными элементами, продуцируемыми самой молодежью, мы обосновываем многовариантность этого процесса, обусловленную мерой социальной неопределенности в обществе и в молодежной среде. С этой целью выделяем три стадии социального старта и выявляем социальные характеристики молодежи, находящейся на этих стадиях развития, устанавливая различия в степени риска девиации на каждой стадии.

Это позволяет определить особенности исследования правовой культуры молодежи, обосновать необходимость междисциплинарного подхода, концептуализировать понятия, разработать систему показателей и эмпирических индикаторов оценки состояния правовой культуры. И далее, на основе результатов социологических исследований дать оценку состояния правового сознания и поведения современной российской молодежи. Наш анализ подтвердил гипотезы о зависимости ее правосознания и правоповедения от уровня правовых знаний и степени доверия к законам, выявил некоторые социальные факторы, определяющие специфику формирования и негативные тенденции изменения правовой культуры молодежи на этапе социального старта.

В основе социологического изучения правовой культуры молодежи лежит теоретическая концепция, отражающая синтез правовых и социологических теоретических подходов к изучению правовой культуры, спроецированный на специфичность ее проявления в молодежной среде. Чтобы понять, как это происходит, необходимо осмыслить их сущность и органические взаимосвязи, механизмы и наиболее значимые формы проявления. Исходным здесь является понятие *правовой культуры как способа взаимосвязи правового сознания и правового поведения*, рассмотрение сущности категории «правовой культуры» как результата синтеза права и культуры, которые выражают их онтологическую суть, что делает ее социологической.

Особого рассмотрения требуют те грани этих феноменов, которые имеют прямое отношение к исследуемой проблематике: их общественная специфика, общие для них мотивационные и элементарно-организационные основания, а также способы структурирования. Это обеспечивает разработку качественно новой агрегированной категории правовой культуры. Требуют также анализа исходные основания в виде интересов, правового сознания и мышления, и механизмы ее формирования.

Эволюционное и стабильное развитие общества формирует традиционные формы и стереотипы правового сознания и мышления, и наоборот,

перемены порождают их обновления или деформации, вплоть до утверждения в обществе правового нигилизма как проявления социальной аномии. В социологическом познании правового сознания и мышления внимание акцентируется на их субъекте. Они являются объектами разных уровней познания. Правовое сознание больше связано с познанием проявлений законов бытия в правовом пространстве государства, с институализацией и интериоризацией принципов социально-правового поведения людей. Правовое мышление – с вхождением носителей правового сознания в практику этого бытия.

Правовому сознанию свойственны три ипостаси:

1. Это условие проявления социально-правовых и нормативно-ценностных систем при осуществлении ими их регулятивных функций.

2. При значимых преобразованиях общества, оно обеспечивает изменение структуры его бытия как единства регулятивно-правовой деятельности и нормативно-правовых отношений.

3. Оно обеспечивает овладение субъектом необходимым при определенном уровне развития социума объемом и качеством правовых знаний.

Последнее способствует гармонизации правового сознания социума и правового мышления субъектов деятельности, что важно, поскольку разные субъекты ее имеют разный объем правовых знаний в зависимости от их образования и воспитания, места в социальной структуре. Соответственно, не равнозначны и требования к уровню их правовых знаний. Правовое мышление как процесс и результат познания правовых и иных общественных отношений, содержательно обогащает правовое сознание. В силу его процессуальной природы оно объективирует опыт субъектов нормативно-правовых отношений и само переходит в область правового сознания социума, к которому принадлежит субъект. И в то же время содержание правового сознания вливается в формы правового мышления и тем самым квантифицирует его нормативный уровень для индивидов и иных субъектов.

Это ключ для понимания направлений работы по преодолению правового нигилизма. В рыночных условиях в сферах сознания, мышления и поведения господствует рационалистический принцип «стимул-реакция», «выгодно-невыгодно» и т.п. Преследуя свои интересы и цели, люди приспособляются к поведению друг друга, приспособлявая вместе с тем общественные нормы к своим потребностям, руководствуясь принципами минимальных личных потерь от нарушения чужих интересов. Ущербно-рациональное сознание порождает противоречивость мышления, которое воспринимает перемены более эмоционально и потому пытается совместить новые нормативы с традиционными или игнорировать нормативно-правовые регуляторы. Это позволяет объяснить противоречивость правового мышления не из него самого, а из состояния правового сознания.

Трактовка правового мышления как формы проявления в конкретной ситуации правового сознания позволяет нацелить познание негативного положения в правовой сфере на выявление влияния изменений в правовом мышлении на те, или иные стороны правового сознания и даже измерить степень, в какой они затрагивают сущность последнего. Это важно, ибо социолог может определить только состояние правового мышле-

ния и косвенно, через фиксацию характера его реакций на изменения, установить меру его рациональности.

Важную роль в этом играют социально-регулятивные функции правовой культуры, роль правовой культуры в механизме социальной регуляции правового поведения. В них проявляется сущность правовой культуры как унаследованного и доработанного способа деятельности, благодаря которому она стимулируется, программируется, координируется и реализуется, а также как структуры ее социальных механизмов. Поэтому как концентрированное выражение правового опыта людей правовая культура выступает регулятором их деятельности и важнейшим моментом их производства и воспроизводства.

В социально-правовой сфере культура сказывается в поведении субъектов правовых отношений, в реализации усвоенных ими норм и ценностей. Потому логично рассматривать правовую культуру как систему социальных ценностей и норм, являющихся регуляторами правового поведения в силу того, что сами они представляют собой разновидность феноменов социально-исторической памяти развития правовых отношений. Последнее обеспечивает (тормозит) трансляцию, отбор и обновление правовых потребностей, ценностей и норм поведения. Таким образом, правовая культура выполняет две функции: регулятивные, с которыми должны соотноситься действия; и конституирующие, осуществляемые через переосмысление ситуаций в связи с новой информацией в процессе правовых действий.

Подход к культуре как к целостному способу деятельности предполагает обращение к его возможностям воздействовать на активность субъектов в процессе деятельности. Отсюда трактовка ее как структуры механизмов, регулирующих взаимодействие сознания и мышления людей и одновременно как регулятора их правового поведения. Правовая культура как структура механизмов взаимодействия правового сознания и мышления, конституирует степень активности субъектов в присущей социуму системе отношений, проявляющихся в конкретных типах и формах поведения. Она обеспечивает включение опыта в формирование нового правового сознания, являющегося формой проявления правового мышления, трансляцию их в соответствующее поведение.

Именно способ связи правового сознания и правового мышления определяет состояние правовой культуры и конституирует характер и тип поведения. Степень развитости правового сознания и мышления, их взаимодействия обуславливает характер и меру правового поведения, характеризующих уровень правовой культуры. Ибо последняя аккумулирует в себе, как имеющие в правовой сфере особые качества социальные нормы и ценности всеобщего характера, так и те, что рождаются внутренними потребностями функционирования и развития присущей обществу правовой системы.

Каналы, правового регулирования поведения соответствуют функциям, присущим всем видам культуры: трансляции, селекции и инновации (обновления) явлений – в данном случае, правовых – общественного бытия.

Функция трансляции правовой культуры обеспечивает передачу образцов правового поведения, поэтому важно обосновать условия и содержание ее реализации. То же самое необходимо сделать и по отношению к

функциям селекции и обновления. Чрезмерная обновленческая неустойчивость компонентов и социального механизма правовой культуры порождает релятивизм социально-правовой системы, препятствует выработке необходимой для нее и общества стабильности поведения ее субъектов. А излишняя привязанность к устаревшим нормам ослабляет способность системы к расширенному воспроизводству путем саморазвития или заимствованиями извне. Чрезмерное заимствование компонентов чужих правовых культур ослабляет регулятивный потенциал правовой культуры страны-заимщика. Оптимум зависит от характеристик субъектов правовой культуры и среды, в которой они функционируют, а потому значителен континуум форм его проявления.

Регулятивный потенциал правовой культуры тем значительнее, чем полнее взаимодействие с внешней средой через эти функции социально-правовой системы, и они сами задействованы в формировании правового сознания, мышления и поведения. Подход с позиций функционализма правовой культуры позволяет выделить с учетом специфики ее субъектов типы возникающих в ходе поведения ситуаций, расположить и измерить их на шкале правового культурного потенциала по степени его силы в алгоритме континуума «минимум – максимум». Реализуясь через функции, правовая культура обретает свойства социального механизма и не только обогащает разнообразие форм, но и рационализирует поведение с позиций интересов индивида и общества.

Выступая способом взаимодействия компонентов социальной системы, правовая культура реализует связи между сознанием и мышлением ее субъектов, переводя стратегическую информацию о них на уровень языка тактического пользования и обратно, обеспечивая взаимодействия между этими компонентами, описываемые разномасштабными языками и разноуровневой информацией. Правовое сознание отражает функционирование объективных социально-правовых ценностей и эволюцию правовых отношений, а мышление связано с включенностью их субъектов в социально-правовую деятельность.

Исследование молодежи как субъекта правовой культуры требует, прежде всего, рассмотрения молодежной специфики последней. Социальная структура – база для типологизации правовой культуры и поведения ее субъектов. Специфика психологии, места и роли в системе общественно-го бытия молодежи выделяет ее в особое поколение в спирали воспроизводства общества. Оно еще только усваивает через социализацию связи и ценности, в том числе правовые, бытия. Социализация захватывает переход от детства к отрочеству, юность и этапы молодости, называемой «ранней взрослостью», продлеваемой из-за усложнения бытия социологами до 30–35, а психологами до 40 лет. Но молодежь не только осваивает наследуемый ценностно-нормативный мир бытия, а и преобразует его, внося в него рекомбинации компонентов и инновации. Поэтому она играет особую роль в воспроизводстве общества и его элементов путем самовосстановления их структур, без чего они обречены на сход с арены исторического бытия.

Правовая культура воспроизводится в алгоритмах целостного воспроизводства общественного бытия: суженном, простом, расширенном. Но, являясь лишь срезом этого процесса, разновидностью поведенческой культуры, воспроизводится по относительно самостоятельной траектории, ссылаясь на характере целостного воспроизводства через воздействие на воспроизводство иных поведенческих культур, и непосредственно.

Входя в структуру общества, молодежь не только транслирует и обновляет нормативно-ценностное богатство, но и деформирует совокупное общественное воспроизводство. Когда она не хочет или не может освоить ценностно-нормативный мир и чрезмерно обновляет его негативами, правовая система общества деградирует, а молодежь погружается в состояние правовой аномии. Это чревато суженным воспроизводством общества. Таким образом, правомерно говорить об относительной самостоятельности ее правовой культуры. Сущность ее правового сознания выражают взгляды, убеждения, представления о законности, нормах, правилах. В них отражаются опыт и знания субъектов правовых отношений, рациональное и эмоциональное восприятие, осмысленные и интуитивные оценки их. Но у молодежи они менее устойчивы, фрагментарнее.

Правовое сознание молодежи – один из показателей ее позиции и характеризуется разной развитостью на разных этапах ее социализации, что зависит от многих факторов и условий, среди которых – привлекательность, непротиворечивость и стабильность компонентов функционирующей ценностно-нормативной системы. Правовая культура молодежи – это совокупность противоречиво усваиваемых ценностно-нормативных знаний, касающихся возможностей достижения желаемых ею благ, обеспечиваемых в процессе ее взаимодействия с другими субъектами правовых отношений. Достижение их зависит от степени освоения компонентов культуры, а также соответствия поведения правовым нормам. Но социальное единство молодежи относительно. Каждая ее группа является субъектом правовой культуры и ее компонентов. Причем, ее субкультура специфична и отличается от совокупной правовой культуры молодежи. Что и делает необходимым ее социологическое исследование.

При этом субкультура рассматривается в контексте общих для правовой культуры молодежи закономерностей ее функционирования. Они происходят из базовых закономерностей правовой культуры общества. На макроуровне анализ ее акцентируется на познании институтов, являющихся объективными структурами, образующими правовое пространство жизнедеятельности молодежи в системе правовых отношений и обеспечивающими реализацию ее возможностей. На микроуровне акцент делается на субъектном своеобразии. Формируемое под воздействием институтов состояние системы права отражается в сознании субъектов как возможность реализации ими прав.

Такого же подхода требует анализ состояния группового и индивидуального правового сознания, мышления и поведения. Аккумулируя индивидуальные и групповые оценки компонентов свойственной обществу правовой системы, правовая культура молодежи фиксирует качество знаний о них. Эти знания свидетельствуют о степени усвоения (и пользования) молодежью правовой информации, приобретаемой в ходе взаимодейст-

вия сверстников между собой и с иными субъектами. Поэтому правовая культура молодежи рассматривается с позиций, прежде всего, правового регулирования ее индивидуального и группового поведения. То же с предпосылками поведения, имеющими истоки в правовом сознании и мышлении. Комплексная оценка состояния правовой культуры требует использования системы показателей, позволяющих судить о масштабах и качестве ее развитости, степени ее зрелости. В этом контексте она может рассматриваться показателем, характеризующим меру развитости правового сознания и мышления, их отражения в поведении ее субъектов.

При анализе формирования правовой культуры молодежи, акцент делается на воздействии систем правового образования и воспитания, а также на спонтанном характере рефлексии молодых людей в отношении прав. Все проблемы формирования их правовой культуры и реализации ими прав подразделяются на: связанные с отношением их к своим правам и с их правовым поведением; возникающие в зависимости от возможностей формирования и реализации их прав, состояния правовой системы, эффективности социально-правовых механизмов защиты прав в различных сферах жизнедеятельности. В первом случае исследуются: уровень правовой информированности и знаний, состояние ценностно-нормативной стороны сознания, механизмы формирования правовых установок, усвоение навыков реализации прав, модели (не)правового поведения. Во втором – уровень правовой культуры молодежи, чреватый ростом ее правонарушений.

Правовая культура современной российской молодежи мозаична. Это негативно сказывается на ее социализации. Последняя сегодня не вполне соответствует потребностям становления правового государства, да и молодежи ее состояние не позволяет использовать имеющиеся в российской правовой системе права, касающиеся различных сторон жизни молодых людей. Отсюда актуальность познания проблем управления формированием правовой культуры молодежи и реализацией ею прав, а также того, как в условиях социальной нестабильности и неопределенности деформируются институциональные механизмы воспроизводства правовых норм и ценностей.

Слабость институтов социализации, отсутствие единства в базовой системе ценностей общества препятствуют выработке непротиворечивых ценностно-нормативных стандартов права, становясь причиной противоправного поведения молодежи. Невысокий уровень правовых знаний и неумение воспользоваться собственными правами повышает риск превращения ее в объект социального манипулирования. Особенно подвержена этому молодежь на этапе социального старта, когда негативы факторов ее социализации умножаются неустойчивостью психики в период взросления.

Посылкой анализа социального старта как этапа формирования правовой культуры является тезис, что социальный старт молодежи представляет собой особый этап ее жизненного пути. Он характеризуется переходом молодых людей из состояния, когда они были объектом социализации и пассивными участниками общественного воспроизводства, в состояние его активного субъекта, и далее, в статус «молодых взрослых». Это время интенсивного накопления социального потенциала и начала

сознательной реализации его. Что объединяет переживающих его индивидов в сложную по составу общность.

Критерии конституирования ее разнообразны. В первую очередь это социально-демографические критерии, поскольку их легче перевести в систему количественных показателей, отражающих динамику процессов, характеризующих феномен социального старта. Ведь интенсивность проявления его градуируется процессами социального взросления, а оно тесно коррелирует с возрастными особенностями. Это позволяет разграничивать разные стадии качественной динамики этапа социального старта молодежи его количественным показателем.

Выделяются следующие стадии социального старта:

а) *подростковая*: от 13 до 18 лет. Общим для нее является переход от детства к юности, систематизации первичной социализации. Приобретаются образование, достаточное для выбора профессии, а также опыт для того, чтобы понимать, «что такое хорошо, что такое плохо» в свете нормативно-ценностной системы общежития. Это выделяет подростков в особую общность. Она относительна из-за влияния на них разных природно-климатических и половозрастных детерминант, общественно-экономических условий, культуры и т.д. Но диахронность процессов взросления разных индивидов – неизбежность.

б) *юность*: 18–20 лет. Психофизиологическая сторона взросления в этом интервале примечательна тем, что именно тогда оно в основном и заканчивается – подростки становятся совершеннолетними. Обретает системность их первичная социализация, показателем чего выступают получение общего и начал профобразования, наступление гражданского совершеннолетия и другие признаки. При этом контрастно проявляется меж- и внутриличностная неравномерность развития, складываются разные судьбы. И одновременно наступает социальная зрелость, в зависимости от того, у кого как эти судьбы складываются, насколько согласуются в них ее нормативные и фактические критерии.

в) *«ранняя зрелость»*. Несмотря на окончание, в основном, психофизиологического взросления, в прочих отношениях жизнь идет еще по социализационной траектории, искривляемой вследствие господства в обществе атмосферы социальной неопределенности. Только в конце этой стадии достигается социальная зрелость молодежи и у нее начинается жизнь без скидки на молодость, а с возложением на нее определенных надежд. Социально зрелой молодежь становится, когда приобретают системность ее социальный потенциал и способности к его реализации. Критерии этого состояния многомерны и подвижны.

Каждая стадия взросления молодежи означает изменение ее прежнего статуса и приобретение нового. Параллельно, у нее формируются более устойчивые и полные ценностно-нормативные структуры. Таким образом, взросление молодежи на этапе социального старта представляет собой своего рода ипостась становления ее социальной субъектности. Оно является важнейшим периодом социальной трансформации, выступающей наиболее общим критерием жизненного пути индивида. Процессы социального старта, являются результатом воздействия на них воспитательно-образовательной деятельности общества и, по мере их развития, вби-

рают в себя инновативные усилия со стороны сущностных сил самой молодежи по переосмыслению и преобразованию предлагаемых ей обществом ценностно-нормативных структур. И от стадии к стадии социального старта она становится все более активным субъектом конструирования не только своей жизни, но и стратегий развития общества, в том числе в сфере правовой культуры.

Проблемы правовой культуры российской молодежи на этапе социального старта характеризуются противоречиями становления ее субъектности в системе социально-правовых отношений. Они опосредуют специфические для данного этапа проблемы.

Статистика свидетельствует, что этап социального старта молодежи в современном российском обществе характеризуется тенденцией роста отклоняющегося, в том числе криминогенного, сознания и поведения и потому относится к одной из наиболее опасных болезней общества, которая обесценивает любые позитивы его бытия. В совокупности взглядов на причины этой болезни и на направления борьбы с противоправным сознанием и поведением молодежи преобладают две линии – юридическая и объединенная педагогическая и социально-психологическая. Каждая из них имеет традиции, подходы и достижения. Анализ их заставляет полагать, что ими недоучитывается приоритет зависимости правовой культуры и ее компонентов от среды человеческого обитания: этической, морально-нравственной, социально-культурной и т.д. Эта зависимость – область познания всего обществоведения, но особенно цикла социально-правовых научных дисциплин, в ряду которых ведущее место занимают социология и психология права, девиантология, теории социализации и аномии субъектов правовой культуры. Эффективные результаты обеспечивает синтез их содержания и методов исследования. Руководствуясь этой гипотезой, мы разработали программу междисциплинарного исследования наиболее характерного для правовой культуры молодежи феномена ее девиации. Программа реализована на примере студентов младших курсов и их не учащихся сверстников.

Итак: 1. Правовая культура молодежи является синтезом наследуемой ею правовой культуры общества с инновативными элементами, продуцируемыми самой молодежью, и этот процесс многовариантен, причем некоторые варианты его чреватые для общества теми или иными издержками. Установлена тесная связь вариантов и тенденций этого синтеза с мерой социальной неопределенности в общественном бытии, в молодежном, в особенности.

2. Молодежная специфика в освоении и обновлении нормативно-ценностного мира сказывается и в правовой культуре. Входя в процессе социализации в социоструктурную организацию, молодежь не только транслирует созданное до нее нормативно-ценностное богатство, в том числе и в системе социально-правовых отношений, но и обновляет его новыми позитивными (расширенное воспроизводство) или негативными (суженное воспроизводство) ценностями, символами, нормами, правилами общественного поведения.

3. Социальный старт молодежи представляет собой особый этап ее жизни. Он характеризуется переходом молодых людей из детского состоя-

ния, когда они были преимущественно объектом социализации и пассивными участниками общественного воспроизводства, в состояние его активной субъектности, в статус «молодых взрослых». Это время интенсивной их социализации, накопления ими социального потенциала и начала сознательной реализации его в процессе их бытия. Что объединяет переживающих такой переход индивидов в особую сложносоставную молодежную общность, социальные особенности которой определяют специфику формирования ее правовой культуры.

4. Социальное взросление молодежи на этапе ее социального старта представляет собой ипостась становления ее социальной субъектности. Оно является важнейшим для каждого молодого человека периодом его социальной транзиции, выступающей наиболее общим, социальным критерием жизненного пути индивида. По мере продвижения молодежи по стадиям своего социального старта, обретения жизненного опыта, она становится активным субъектом конструирования не только своей жизни, но и стратегий развития общества в разных сферах его функционирования, в том числе в сфере правовой культуры.

5. Социальная общность молодежи, переживающей этап социального старта, дифференцирована в соответствии с выявленными в ходе исследования тремя (*отрочество, юность, «ранняя зрелость»*) стадиями развития, обуславливающими не только специфику ее правового сознания и поведения на каждой стадии, но и логику качественного изменения этих составляющих правовой культуры.

6. Правовая культура выполняет двойные функции: *регулятивные*, с которыми соотносятся правовые действия; и *конституирующие*, осуществляемые через потребление новой информации и переосмысление в связи с этим ситуаций. Подход к правовой культуре как к целостному механизму, способу деятельности молодых людей, предполагает обращение к обеим функциям, ибо регулятивные определяют возможности воздействия на те, или иные стороны социально-правовой активности субъектов, а конституирующие фиксируют образцы взаимодействия правового сознания, мышления и правового поведения молодежи в различных социальных ситуациях.

Список литературы

1. Антология мировой политической мысли. М., 1997. Т. 1, 3.
2. Новгородцев П.И. Лекции по философии права. СПб, 1914.
3. Сорокин П. Кара и наказание. М., 2006.
4. Строгович М.С. Право и правосознание. М., 1940.
5. Элиасберг Н.И. Правовое образование в отечественной школе 30–90-х годов XX века: опыт системно-генетического анализа. СПб., 2000.
6. Аграновская Е.В. Правовая культура обеспечение прав личности. М., 1988.
7. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966.
8. Бельских К.Т. Социалистическое правосознание: диалектика формирования и развития. Ярославль, 1979; он же. Формирование и развитие социалистического правосознания. М., 1982.
9. Буева Л.П. Социальная среда и сознание личности. М., 1968.
10. Казимирчук В.П. Право и социология. М., 1973.
11. Личность и уважение к закону. М.1983.

12. Современная социология права. М., 1995.
13. Кейзеров Н.М. Политическая и правовая культура: методологические проблемы. М., 1983.
14. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение. Норма и патология. М., 1982.
15. Лукашева Е.А. Социалистическое правосознание и законность. М., 1973.
16. Покровский И.Ф. Формирование правосознания личности: вопросы теории и практики. М., 1972.
17. Щегорцов В.А. Социология правосознания. М., 1981.
18. Горохов А.В. Социальная природа правового нигилизма. М., 1998.
19. Гречин А.С. Социология правосознания. М., 2001.
20. Ксенофонтов В.Н. Социология права. М., 1998.
21. Лепаева В.В. Социология права. М., 2005.
22. Мостовщиков Л.Д. Правосознание в системе регуляторов социального поведения. Диссертация к.ф.н. Омск, 1995.
23. Мчедлова Е.М. Права человека в свете социологической науки. М., 2005.
24. Русанова Н.М. Правовая культура современной России. Диссертация к.с.н. М., 2002.

© Староверова И.В., 2010

МОДЕРНИЗАЦИЯ

Л.И.Никовская

МОДЕРНИЗАЦИЯ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ВЫБОРА МОДЕЛИ¹

НИКОВСКАЯ Лариса Игоревна – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН, отдел анализа социально-политических процессов (e-mail: nikovsky@inbox.ru).

Аннотация. В статье рассмотрены фундаментальные вопросы осуществления модернизации в исторической ретроспективе, условия ее осуществления по демократическому или авторитарному сценарию в России, проанализированы ее условия и субъекты.

Ключевые слова: модернизация, авторитарные методы, демократия, субъекты модернизации, условия.

Сегодня преобладающими концептами, объясняющими суть процессов общественного развития и изменения, выступают различные модификации теории модернизации. Модернизация описывает переход традиционного общества в современное. Период популярности классической теории модернизации пришелся на 50–60-е гг. XX столетия, когда широкую известность получили работы Мариона Леви, Эверетт Хаген, Талкотта Парсонса, Нейла Смелзера, Даниэля Лернера, Дэвида Аптера, Шмуэля Айзенштадта, внесших вклад в разработку проблематики модернизации.

Не имея возможности изложить подробно эволюцию теории модернизации, выделим ее основные модификации. Первая модернизация была осуществлена Западом при его переходе от Средневековья к Новому вре-

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ №10-03-00109 «Экономический кризис и социально-политические аспекты инновационного развития России».

мени. Сформировался уникальный тип *органически – инновационного развития*, при котором источник развития был внутренним, изменения осуществлялись органически, на основе собственных потребностей. Механизмом развития выступила инновация. Модернизационное развитие приобрело самостоятельный, поступательный, с локальной цикличностью характер. Социо-культурные предпосылки этого развития обеспечила протестантская этика, ментальная целерациональность.

Результативность подъема многих стран Запада вдохновила многие незападные страны, которые взяли Запад за образец и, таким образом, вступили на путь *догоняющей модернизации*. Россия была в ряду таких стран. Догоняющая модернизация существенно отличалась от западной. Это был *неорганически – мобилизационный путь развития*, включивший в свою орбиту страны доиндустриального развития. У догоняющей модернизации, следовательно, был внешний источник развития – успешный пример Запада, воспринимавшийся как основной критерий для решения проблем преодоления отсталости и решения внутренних задач. Характер преобразований – догоняющий, неравномерный, имеющий циклический характер – возвраты назад и новое обращение к модернизации. Механизм развития – мобилизационный. Темпы развития медленные. Духовные предпосылки преобразований – прозападные ориентации продвинутых слоев элиты, попытка «привития» западных ценностей на свою почву, вера в прогресс, стремление войти в семью стран Западной Европы. На пути такой модернизации достигнуты некоторые успехи, но, вместе с тем, процесс оказался незавершенным.

Третью попытку модернизации осуществили страны Юго-Восточной Азии. Их тип развития комбинированный – *органически-неорганический, мобилизационно-инновационный*, осуществляемый без радикального изменения идентичности. Механизм развития – *мобилизационно-инновационный*. Темпы развития быстрые, но в течение короткого периода, который сменяется стагнацией. Культурные основания преобразований – традиции, семейные, коллективистские, религиозные ценности, желание лучшей жизни.

Следовательно, классическая теория модернизации адекватно описала модернизационный опыт Запада и способствовала модернизации ряда не западных стран, которая осталась незавершенной. Она оказалась плохо применимой к Юго-Восточной Азии, к развитию новых индустриальных стран в этом регионе, не сумела обеспечить модернизацию стран третьего мира. Попытка ее применения к посткоммунистическим странам оказалась неудачной, доказав тем самым, что времена классической модернизации и присущей ей стратегии догоняющего развития как универсальной тенденции пришел конец. Идеи модернизации подверглись серьезной критике в конце 60-х, начале 70-х гг. XX столетия. Прежде всего, за абсолютизацию линейности и одновариантности развития, излишний детерминизм, телеологичность, резкое противопоставление традиции и современности, отсутствие анализа рисков подобной трансформации и интереса к положению нижних слоев общества, которые могут оказаться ее жертвой. Современное же применение теории классической модернизации рассматривается как реанимация этноцентризма и источник этноконфликтов [1, 35].

С 80-х гг. XX в. началась полоса возрождения теории модернизации в рамках проектов «теории неомодернизации», связанной с попытками посткоммунистических обществ «войти» или «вернуться» в Европу, т.е. в современный западный мир. Реанимированная теория модернизации учла опыт посткоммунистического мира и сформулировала новое его видение. Унифицированный процесс модернизации заменяется ее более разнообразным, многоликим процессом. Все яснее осознается, что темпы, ритм и последствия модернизации в различных областях социальной жизни различны и что в действительности наблюдается отсутствие синхронности в усилиях по модернизации. В целом картина модернизации становится менее оптимистичной. Опыт посткоммунистических стран потребовал больше внимания обратить на неизбежные отступления или даже провалы на пути преобразований.

Между тем мы считаем необходимым представить свое собственное видение модернизации, чтобы полнее высветить как зарубежный опыт общественного обновления, так и основные проблемы, стоящие перед Россией.

Импульсы модернизации, как уже отмечалось выше, исходили из стран первого эшелона развития капитализма стран Западной Европы и Северной Америки [2, 31], где модернизации вытекали из собственного развития общества и охватывали все его сферы (от культуры до технологии и образа жизни), перемены в которых подкрепляли друг друга. В этих странах модернизации были *органичными*. Любая модернизация в странах первого эшелона капитализма всегда была ответом на кризис предыдущего развития и попыткой найти выход из него, поэтому она начиналась с осознания этого кризиса и поисков путей его разрешения, т.е. с перемен в общественном сознании. Без таких перемен не мог появиться социальный **субъект модернизации**.

Одновременно с зарождением и распространением модернизаторских идей росла и социальная сила, которой было суждено претворять их в жизнь. Такой силой, как правило, были общественные слои, находившиеся в положении «третьего элемента» по отношению к двум основным антагонистическим классам и занимавшие как бы промежуточное положение между ними: буржуа по отношению к крестьянам и феодалам в эпоху становления мануфактурного и фабрично-заводского производства, городские средние слои и технократы по отношению к пролетариату и буржуазии в период формирования поточно-конвейерного производства и «государства благосостояния», новый рабочий класс, «когнитариат» (О.Тоффлер), массовые движения типа «зеленых» – по отношению к индустриальному рабочему классу и технократам-менеджерам крупных корпораций в 70–80-е гг., когда начало складываться постиндустриальное производство. Конечно, роль «третьей силы» нигде и никогда не была абсолютной. Она всегда привлекала к себе союзников из противостоявших друг другу классов и слоев, отсекая их крайние течения. Таким образом, в качестве модернизаторов выступали **центристы**, но не в том смысле, что они эклектически соединяли конфликтующие противоположности (хотя порой не обходилось и без этого соединения), а в том, что они преодолевали противоречия между ними, которые действовали, прежде всего, как фактор разрушения старой системы. В целом для модернизации был ва-

жен *массовый общественный консенсус по поводу необходимости обновления*. Без него модернизацию было бы трудно осуществить, причем сначала это мог быть негативный консенсус («так жить нельзя!»). От модернизаторских сил в большой степени зависело, сумеют ли они сформировать положительный консенсус (убедить общество в том, как же жить можно).

Неорганические модернизации осуществлялись в странах второго и третьего эшелона капиталистического развития и начинались под воздействием развития капитализма в странах первого эшелона. Правда, в странах второго эшелона были собственные, экономические и даже культурные, импульсы и предпосылки для капиталистического развития и индустриального производства. Для таких стран, по образному выражению Д.Эптера, модернизация есть особый вид надежды [3, 1].

В случае неорганических модернизаций *темпы перемен* в экономике, духовной сфере, политике и социальных отношениях *обычно не соответствуют друг другу, а сами переменны могут быть разнонаправленными*: быстрый экономический рост может сочетаться с подавлением демократии, обновление производственной технологии – с откровенным идеологическим обскурантизмом. Неорганическая модернизация означает, что одни элементы общественной системы «убежали» вперед, более или менее сопоставимы с их развитием в передовых странах, а другие еще не «вызрели», отстают в развитии или вовсе отсутствуют. Так, система высшего образования и наука могут стоять на уровне развитых стран, но при этом большая часть населения может оставаться неграмотной. Современные предприятия индустрии могут соседствовать с архаичным земледелием, а передовой по технической оснащенности торговый флот и совершенное портовое хозяйство – с полумануфактурным производством.

Однако, как бы то ни было, развитие страны при неорганической модернизации напоминает, по образному выражению бразильского историка Н.Вернека Содре, вращение квадратного колеса. Оно требует колоссальных усилий и всей нации, и тех слоев, которые непосредственно возглавляют модернизацию (модернизаторской элиты), причем, как правило, эти усилия концентрируются в каком-то одном, главном направлении – на другие уже не хватает ни сил, ни ресурсов.

Для догоняющей модернизации нужны соответствующие общественные и политические институты, которые могли бы адекватно реагировать на изменения и смягчать толчки и удары. От существования таких институтов в немалой степени зависела судьба модернизации даже в странах первого эшелона, тем более в странах догоняющего развития. Этими институтами могли быть и *государственно-правовая система, массовые партии или движения, практика прямых контактов руководителей страны с бизнесом, интеллектуалами, народом (пример – популистские режимы в Латинской Америке), средства массовой информации*.

Одна из основных проблем догоняющей модернизации в странах второго и тем более третьего эшелона мирового капитализма – формирование **модернизаторской элиты**, которая здесь играет в процессе модернизации куда более значимую роль, чем политическая, предпринимательская и интеллектуальная элита в странах органичного развития. От ее воли и последовательности в осуществлении преобразований зависит

гораздо больше, чем от модернизаторских социальных слоев в странах первого эшелона, где само появление субъектов модернизации тоже было по-своему органичным. В странах же догоняющего развития формирование модернизаторской элиты было неорганичным. Оно протекало под влиянием развитых стран. Но какими бы путями ни формировалась модернизаторская элита в развивающихся странах, ей в любом случае приходилось сопротивление старого общества, которому угрожала модернизация. Наконец, в-третьих, модернизаторской элите приходилось беспокоиться о том, как расширить *социальную базу модернизации*. Необходимость решать такую тройственную задачу определяла характер мобилизации масс для поддержки модернизации, а также установление авторитарных режимов.

Политическая мобилизация масс ради модернизации, будь то многотысячные митинги и демонстрации, как в Аргентине при Х.Д.Пероне, или использование идеологического аппарата государства для пропаганды модернизаторских идей, предполагает иерархическую власть, при которой цели государства или модернизаторской элиты становятся священными. Индивид подчиняется обществу – методами как экономического, так и политического, административно-правового и даже идеологического принуждения. Блага от модернизации обещаются лишь в будущем, когда модернизация завершится и нация сможет позволить себе некоторые послабления. Мобилизация ради модернизации ориентирует людей на то, что жизнь станет лучше через несколько лет, может быть, даже и не очень скоро.

Но мобилизация масс ради форсированных преобразований общества и экономики еще недостаточна для успеха. Как показал опыт почти всех новых индустриальных стран, будь то в Азии или Латинской Америке, попытки осуществить политическую модернизацию до того, как стала необратимой модернизация социальная и экономическая, приводят к неудаче, ибо антимодернизаторские силы используют демократию в своих интересах, часто под популистскими лозунгами. Для **догоняющей модернизации** нужна *сильная, порой авторитарная* власть. Авторитарные режимы, которые проводили модернизацию в нынешних новых индустриальных странах, принципиально отличались от прежних диктатур, коими изобилует прошлая история латиноамериканских государств или многих азиатских стран. Новые, модернизаторские авторитарные режимы ориентировались на те силы, которые были заинтересованы в модернизации и выигрывали от нее: современных предпринимателей, связанных с международным бизнесом, интеллектуальную, технократическую и военную элиту, вкусившую блага общества массового потребления, менеджеров филиалов транснациональных корпораций, часть государственной бюрократии.

Успех догоняющей модернизации во многом был связан также с распространением модернизаторской идеологии, примирявшей «модернити» и национальные социокультурные традиции. Иначе и не могло быть в обществе, где в соответствии с идеологическими, социокультурными установками регулировалась повседневная жизнь людей. Не случайно модернизации в странах догоняющего развития предшествовала глубокая проработка целого набора модернизаторских идей. Это была синтетическая, даже эклектическая идеология.

В то же время лидеры и идеологи модернизаторских авторитарных режимов для обоснования своей деятельности опирались на рационалистические идеи об обществе массового потребления или технологическом обществе, где правит принцип технико-экономической рациональности, а не какая-либо идеология. Однако какие бы идеологические мифы ни привлекались для аранжировки модернизаторской политики, они всегда были подчинены задаче модернизации, а не господствовали над ней. Причудливое сочетание мифотворчества и технократического рационализма в идеологии модернизации объясняется, надо полагать, тем, что авторитарным модернизаторам приходилось иметь дело с обществом, в котором переплетались элементы традиционности и современности. Соответственно, одни аспекты модернизаторской идеологии были направлены на старые слои общества и выполняли стабилизирующие функции, другие были предназначены для иного, рационального «потребления» современными слоями и выполняли мобилизующую роль. Таким образом, модернизаторская идеология имела как бы несколько уровней, что позволяло ей выполнять и несколько функций: **охранительную, мобилизующую, реформаторско-прагматическую – в зависимости от того, на какие социальные слои были сориентированы те или иные ее блоки и какие именно идеи лежали в основе последних.**

Разумеется, все прошлые попытки модернизировать Россию не похожи друг на друга. Они проводились в разных исторических условиях, разными людьми, непосредственные цели и интересы которых, соответственно, тоже были разные. Тем не менее, у всех этих попыток было нечто общее – *стремление не столько воспроизвести западные социально-экономические предпосылки развития и механизмы управленческих решений, сколько приспособиться к их внешним образцам, просто «сделать, как там».* Практически все модернизации в России осуществлялись по имперской модели [4, 15; 5, 38]. Они были подчинены в первую очередь задачам военно-политической экспансии империи, обороны от внешних врагов и поддержания статуса великой державы, а вовсе не решению внутренних проблем, тем более не повышению народного благосостояния. Если такие цели и ставились кем-то из модернизаторов, то лишь во вторую очередь, как некое желательное, но не обязательное «дополнение» к решению первоочередных задач. Ядром имперской модернизации было создание мощного военно-промышленного комплекса: сильной армии, оснащенной хорошим вооружением, и обслуживающих ее производств. На Западе выборочно заимствовались технологические достижения, прежде всего в военном деле и производстве оружия, иногда весьма успешно, что способствовало развитию собственных технологий и инженерных решений. Для осуществления такой модернизации привлекались лучшие умы и руки, отечественные и зарубежные, а сами технологии и техника закупались в обмен на сырье или продукты его первичной переработки. **Имперская модель модернизации порождала удивительное сочетание самого передового в науке и технике с отсталым, даже архаичным в экономике и повседневной жизни, высочайшей культуры – с вопиющим бескультурьем и невежеством. Прогресс, реализация смелых технических и архитектурных проектов в России ужи-**

вались с потрясающе пренебрежительным отношением к человеческой жизни, полным неуважением к личности человека.

В России, как ни в одной другой стране, прошедшей сквозь тернии догоняющей модернизации, проявились все отрицательные последствия форсированного, неорганичного развития. Они были вызваны болезненной ломкой старых общественных отношений, насаждением чуждой (западной, «санкт-петербургской») культуры, насильственным вытеснением огромных масс людей из привычных для них социально-экономических и культурных ниш. Догоняющая модернизация в России порождала колоссальную маргинализацию и даже люмпенизацию большей части населения, у которой накапливался невиданный по своей силе заряд злобы и ненависти к «богатеям», ко всем, кто представлял чужой для них мир, чужую культуру.

Большевистская революция, в представленной выше исторической ретроспективе отечественных модернизаций, представляется результатом реакции на автократическую модернизацию, которая вызревала в России на протяжении нескольких десятилетий. Большевики попытались построить в России общество лучше, чем на Западе. *При рассмотрении же индустриализации 20–30-х гг. в бывшем Советском Союзе возникает любопытный вопрос: почему преимущественно аграрное («прединдустриальное») по структуре и традиционное по сознанию общество, сильно люмпенизированное, сумело воспринять индустриальную технологию, которая создавалась в условиях развитого рыночного хозяйства, зрелого гражданского общества, коего в России начала 30-х гг. не было и в помине? Почему российский казарменный коммунизм смог осуществить раннеиндустриальную модернизацию, споткнувшись потом о порог постиндустриализации?* Думается, индустриальная технология в своем раннем возрасте адекватна капитализму. Конечно, в России использование индустриальной технологии преломилось сквозь призму российских традиций, в частности полного подавления, растворения личности человека в общей массе людей-винтиков, а не только в процессе труда. Но в целом, деспотическая природа индустриальной технологии вполне соответствовала сталинской системе, поэтому ей удалось без внутренних разладов с собой создать и использовать собственную тоталитарную технику или применить импортированную из развитых стран [6, 21]. Разлад начался тогда, когда ему пришлось взывать к патриотизму и таланту физиков, разрабатывая в спешном порядке собственную атомную бомбу, т.е. переходить на более высокую ступень технологии, а значит, и личной свободы человека.

Во-вторых, нужно иметь в виду, что одна из сокровенных тайн советского общества 20-х–начала 60-х гг., которую не хотят замечать либеральные критики советского строя, заключалась в его устремленности в будущее. Эсхатологичность общественного сознания, вера в грядущее «царство свободы» и светлые горизонты была характерной чертой общества в СССР на протяжении не одного десятилетия.

К концу 40-х–началу 50-х гг. выявилась неспособность сталинской индустриализации в полной мере преодолеть экономическое и технологиче-

ское отставание СССР от стран Запада. Реформы Хрущева устранили лишь один, хотя и крайне важный элемент сталинской системы – тотальный страх и террор, основу внеэкономического принуждения к труду. Бюрократия наконец-то могла вздохнуть с облегчением. С этого вздоха началось медленное, но верное саморазложение системы, тем более, что экономическое принуждение взамен административного не сложилось и не могло сложиться, потому что не было реальных рыночных отношений, свободы производителя и потребителя.

К началу перестройки советское общество представляло собой сложный конгломерат элементов самых разнообразных общественных отношений. Его можно было определить как некий симбиоз традиционности, даже азиатского (этатистского, т.е. государственнического) способа производства с индустриализмом, как чиновничье-индустриальное или традиционно-индустриальное общество [7, 67].

Модель модернизации догоняющего типа, реализуемая на протяжении XX в. тремя разными по своей природе политическими режимами в России, не оправдала себя, не была воспринята социальной средой и давала краткосрочные результаты.

Сегодня дилемма стоит крайне остро: нам нужна индустриальная модернизация, которая должна пройти при крайне жесткой роли государства, его давлении на бизнес и принуждении к соблюдению современных стандартов, применяемых в европейских странах, в политике необходимо опираться на либеральные автократии., поскольку именно они доказали свою экономическую эффективность в экономически неуспешных странах (В.Иноземцев). Или нам нужна постиндустриальная модернизация, с ярко выраженной инновационной составляющей, ведущей к экономике знаний, в политике мы должны опираться на демократический режим и ценности, основанные на «свободе и достоинстве индивида, раскрепощении его творческих способностей, энергии и инициативы» (И.Юргенс, Е.Гонтмахер). *Демократизация – это драйв перемен.*

В.Иноземцев приводит в пример последние модернизации – от Японии, до Южной Кореи и Китая, подчеркивая, что все они были индустриальными, базировались на развитии промышленности, что предполагает «не максимальную свободу, а достаточно жесткие экономические рамки, ограничение потребления ради повышения нормы накопления и сосредоточение ключевых финансовых ресурсов на ключевых направлениях» [8, 4]. Все это напоминает усилия и свойства догоняющей модернизации. По сути, В. Иноземцев, призывает нас к **«диктатурам развития»**, наподобие тех, что имели место в истории модернизации Восточной Азии 50-60 гг. XX столетия (до 80 гг.), когда произошла замены их на политические демократии. «Диктатура развития» нам особенно необходима, потому что с периода 90-х гг., когда в стране, по сути, состоялась демодернизация и существенный откат назад, в мире произошло разделение на индустриальные страны (часто с авторитарными режимами) и постиндустриальные, которые освоили инновационный механизм экономического роста. Сегодня Россия окружена с востока и запада экономическими гигантами, по объему ВВП превосходящими нас в 5 и 10 раз, а значительная часть интеллектуальной и предпринимательской элиты давно нашла себе «же-

лаемое будущее» за пределами страны. Можно согласиться с В.Иноземцевым – действительно, стране нужны современные экономические стандарты, искоренение монополий, повышение эффективности производства, привлечение европейских инвесторов, т.е. внедрение норм, характерных для стран уже живущих в «желаемом завтра». Весь вопрос в том, возможна ли в России «диктатура развития»? В.Гельман отвечает – нет! Набор политических инструментов для проведения курса авторитарной модернизации довольно ограничен: лидеры авторитарных режимов могут опираться на один из трех институтов: бюрократию, «силовиков» или доминирующую партию (в той или иной комбинации). Превращению российской бюрократии в инструмент модернизации препятствует не только низкая ее эффективность, но и стремление руководства страны повысить ее исключительно путем усиления иерархического контроля в системе управления. Вертикальный контроль неэффективен и начинает работать как инструмент саморазрушения системы, превращая коррупцию в системное свойство, в механизм смазки и функционирования ее частей.

Проведенное под руководством Михаила Афанасьева исследование российских элит убедительно показало: именно «силовики» демонстрируют минимальное стремление к проведению курса на модернизации. И основой их процветания давно стало «крышевание» и своеобразное рейдерство, а не общенациональные задачи, тем более развития.

Наконец, несостоятельными в российском случае выглядят и надежды на осуществление авторитарной модернизации с опорой на доминирующую партию. На практике «Единая Россия» не обладает необходимой для проведения политического курса автономией, лишена сколько-нибудь содержательной идеологии (если под таковой не понимать поддержку статус-кво) и служит лишь электоральным и законодательным придатком исполнительной власти. Можно согласиться с утверждением В.Гельмана, что «утверждать, что «хорошие диктатуры» успешнее реализуют модернизационный проект, чем «плохие демократии», нет оснований. Но поскольку шансов на то, что российский авторитаризм способен стать «хорошей диктатурой», «как в Сингапуре или как в Чили», сегодня нет, то такая логика фактически направлена на поддержание статус-кво, провоцируя тем самым имитацию модернизационных усилий, способных лишь затянуть нашу страну в порочный круг, «как на Филиппинах или как на Гаити» [9]. Напротив, «дилемма одновременности» выглядит сегодня для России даже более актуальной, нежели в начале 1990-х гг., когда она была сформулирована. *Необходимость совместить политическую и экономическую модернизации (наряду с модернизацией национально-государственного устройства страны) становится императивом для политиков, заинтересованных в выходе России из авторитарного тупика и понимающих, что демократизация нашей страны неизбежна и необходима*¹.

¹ В начале 1990-х гг. немецкий социолог Клаус Оффе, размышляя о перспективах посткоммунистических трансформаций, утверждал, что они носят трехмерный характер. СССР и Восточная Европа стояли перед необходимостью смены (1) однопартийных режимов – конкурентными демократиями, (2) плановой системы в экономике – рыночными механизмами и (3) имперского устройства – национальными государствами (Оффе К. Дилемма одновременности: демократизация и рыночная экономика

Далее – нельзя забывать, что модернизационный проект был выдвинут как средство посткризисного развития. Серьезный кризис не просто дает шанс новому или ранее маргинальному. Устойчивый выход из него возможен только усилиями тех субъектов, которые формируют существо нового этапа. Но заранее сказать, какие это будут субъекты невозможно. Именно поэтому необходимо дать равные возможности для более широкого круга сторон, чтобы быстрее произошел поиск и переход от спада к оживлению. Концентрация усилий и ресурсов на одном самом перспективном направлении непродуктивна. В условиях хаотизации никто точно не знает, какое именно направление будет перспективным. Попытка жестко защитить механизмы вчерашнего роста способна лишь усугубить проблемы, поскольку предпосылки для такого роста уже исчерпаны. Именно поэтому так важна «декомпрессия» режима, уход от его чрезмерной «вертикализации», моноцентричности, расширение институтов обратной связи, форм и практик публичной политики и т.д.

Авторитарные методы могут быть эффективным инструментом преодоления хаоса, выхода из кризиса. Но только в том случае, если ясны цели, задачи и методы такого процесса. Но жесткие методы неприемлемы в сложных ситуациях, когда отсутствуют не только проверенные технологии решения проблем, но не ясны сами стратегические цели. Именно поэтому все развитые государства мира существуют в демократических системах ценностей, имеют демократическую политическую систему. Управленческие системы, где люди отчуждены от власти, где их духовно-нравственные потребности и интересы в значительной степени игнорируются и подавляются, неуклонно разрушаются, хотя и такие системы способны существовать достаточно долгое время. К сожалению, именно проблемы определения стратегий развития, ценностных ориентаций общества – представляют главную проблему страны. Именно поэтому так опасны в длительной перспективе авторитарные тенденции в формировании политической системы России.

Абсолютизация догоняющего типа развития, идущего вразрез с ритмами и активностью собственно национального духа, с логикой раскрепощенной личности и общества, всегда неотвратимо вело к абсолютизации роли властной элиты, которая на протяжении всего XX в. брала и продолжает брать сегодня на себя роль самодостаточных «вершителей прогресса», традиционно придавая своей миссии сакральный, мессианский характер. Общество в этом смысле представало как косная, пассивная и по-

в Восточной Европе // Повороты истории: Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей М.; СПб., 2003. Т. 2. С. 6–22. Сходные аргументы см. *Пшеворский А.* Демократия и рынок: Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М., 1999. Гл. 4). Их «дилемма одновременности», по Оффе, заключалась в том, что если страны Западной Европы сперва прошли длительный путь национально-государственного строительства, затем сформировали основы капитализма и лишь позднее перешли к демократии, то странам посткоммунистической Европы предстояло решать эти задачи одновременно. Оффе пессимистически оценивал перспективы «тройной трансформации», говоря о соблазнах «последовательности» реформ, будь то национальное строительство в ущерб демократии (примером чего стала Сербия в 1990-е гг.) или экономическая модернизация в ущерб политическим реформам.

датливая материя. Парадокс ситуации состоит в том, что за модернизационными процессами всегда четко и прагматично стояли интересы, которые вводили все изменения в русло сохранения и укрепления политического режима определенных заинтересованных групп, всевластия правящей страной бюрократии.

Список литературы

1. Штомка П. Социология социальных изменений. М., 1996.
2. Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Революционная традиция в России: 1783–1883 гг. М., 1986.
3. Apter D. The Politics of Modernization. Chicago, 1965.
4. Российская модернизация: проблемы и перспективы (материалы круглого стола) // «Вопросы философии». 1993, №7.
5. Хорос В. Русская идея на историческом перекрестке // «Свободная мысль». 1992, №6.
6. Давыдов Ю.Н. Тоталитаризм и техника. (Власть техники и технология власти) // «Полис». 1991, №4.
7. Заславский В. Россия на пути к рынку: государственно-зависимые работники и популизм // «Полис». 1991, №5.
8. Иноземцев В. Анти-Юргенс // «Московский комсомолец». 2010, 9 февраля.
9. Гельман В. Тупик авторитарной модернизации. <http://www.polit.ru/research/2010/02/23/gelman.html>

М.Д.Валовая

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ЕВРАЗИЙСКАЯ ИДЕЯ – ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

ВАЛОВАЯ М.Д. – доктор экономических наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Народы Евразии неоднократно создавали различные объединения. Еще до нашей эры существовал скифский союз, который объединял Евразию, потом он уступил место Великому тюркскому каганату, существовавшему в VI–VII вв. нашей эры и охватившему земли от Желтого моря до Черно-го. На смену тюркам пришли из Сибири монголы во главе с Чингисханом. Затем инициативу взяла на себя Россия: с XV в. русские двигались на восток и вышли к Тихому океану. Российская империя выступила, таким образом, «наследницей» Тюркского каганата и Монгольского улуса, и, в свою очередь, уступила место Советскому Союзу.

Л.Гумилев писал о том, что объединенной Евразии во главе с Россией традиционно противостояли: на Западе – католическая Европа, на Дальнем Востоке – Китай, на Юге – мусульманский мир, ...разъединиться в условиях Евразии значило поставить себя в зависимость от соседей, далеко не всегда бескорыстных и милостивых.

За время долгого совместного проживания у народов Евразии выработались общие обычаи, стереотипы поведения, некая **общность** духовных, культурных ценностей, вдохновившая в начале XX в. молодых русских эмигрантов на выработку евразийской объединительной идеи.

Первые евразийцы определили контуры Евразии, которые до сих пор сторонниками евразийства считаются незыблемыми. По их мнению, Евразия простирается от Хингана до Карпат, с юга она обрамлена полосой пустынь и неприступных Памира, Тянь-Шаня и Гималаев, с севера – Ледовитым океаном, с запада ее граница проходит по позитивной изотерме января.

Первые евразийцы руководствовались прежде всего политическими соображениями. Им надо было дать альтернативное большевистской идеологии объяснение тому, почему, во-первых, свершилась революция, во-вторых, почему после крушения возродилась Российская империя – беспрецедентный случай в истории человечества. История не знает другого факта крушения, а затем возрождения многонациональных империй.

Почему составляющие ее народы предпочли дарованной независимости Советский Союз? Евразийцы видели объяснение – в евразийской общности. И потому фундаментом возрождения Российской империи они сочли географические, психологические, или, как сейчас принято говорить, ментальные, культурологические факторы, присущие Евразии.

«Классическое евразийство» рождалось, прежде всего, как течение русской политической мысли, которая трактовала в качестве геополитической стратегии России сохранение контроля над всеми частями Российской империи. Да, политическая программа первых евразийцев имела ярко выраженную имперско-этатическую и религиозную основу, и не предполагала появления на евразийском пространстве нескольких суверенных государств как равноправных членов мирового сообщества.

Тем не менее, в евразийском учении содержится немало свежих и плодотворных идей, которые оказались востребованными в современных условиях, когда крушение СССР и формирование СНГ, с одной стороны, означали конец «имперской» объединительной модели, и поиск новой модели интеграции на основе добровольности, равноправия и независимости. В этих условиях евразийское учение, которое новаторски поставило проблему соотношения Европы и Азии, «тюркского» и «славянского» блока обретает новое дыхание.

Именно потому на волне крушения Советского союза возник интерес к давно, казалось бы, забытому евразийскому учению, поскольку оно, при всей его противоречивости, оказалось сегодня единственным, которое все-таки может предложить реальную объединительную гуманитарную доминанту.

Приходится признать, что сегодня ценой обретения независимости стран СНГ стала утрата многих традиционных уз, извечно объединявших наши народы. Самостоятельная экономическая политика, национальные валюты, пограничные и таможенные посты и иные естественные атрибуты существования независимого государства, в возможность которых 19 лет назад никто не верил, сегодня стали реальностью. Да, это атрибуты суверенитета, но суверенитета образца середины прошлого века. Сегодня этих атрибутов нет у многих государств, чью независимость и политический суверенитет никто не ставит под сомнение. Речь, прежде всего, о странах Европейского союза, модель которого оказалась столь привлекательной, что процессу его расширения не видно конца.

Под знаком переосмысления евразийской идеи прошли последние годы второго тысячелетия и первое десятилетие нового. Рассматривая современные евразийские концепции, следует отметить, что они ныне используются применительно к двум геополитическим реалиям – непосредственно к самой России, остающейся Евразией в узком смысле этого слова, многонациональной, многорасовой, многорелигиозной страной, и к традиционной Евразии – постсоветскому пространству. Но контуры современной Евразии, нельзя ограничить только границами новых независимых государств, возникших на пространстве бывшего СССР.

Евразийская идея неизбежно всплывает в любых спорах о будущем и России, и ее соседей. Надо признать, что наше Содружество, увы, в том виде, как оно замышлялось не состоялось. Оно не стало эффективным интегрирующим объединением, не приобрело поступательной динамики развития.

Предшествующий период показал, что в значительной степени Содружество двигали к интеграции ложные стимулы, прежде всего, политические, а не экономические. Процесс интеграции был во многом искусственно подчинен сиюминутным реалиям постсоветских стран. Предпосылкой же к реальной интеграции должно быть осознание ее экономической целесообразности для всех участников, подтвержденной соответствующими серьезными исследованиями.

К середине 90-х гг. была разработана и начала реализовываться концепция «разноскоростной интеграции», в соответствии с которой каждый из этапов интеграции (зона свободной торговли, Таможенный союз и т.д.) первоначально охватит лишь несколько наиболее подготовленных стран Содружества, к которым постепенно, по мере готовности будут подключаться и другие. Началось формирование субрегиональных объединений, в рамках которых между странами-участницами устанавливается более тесное взаимодействие, чем в СНГ в целом.

Этот принцип давно уже применяется в рамках Европейского союза, под многими важными решениями которого участники подписывались отнюдь не единогласно. Так, Маастрихтский договор, хотя и ратифицирован всеми двенадцатью странами, тем не менее допускает серьезные изъятия для Великобритании и Дании в отношении перехода к единой валюте. «Социальная хартия» ЕС, определяющая минимум социальных гарантий трудящихся, в момент ее подписания была проигнорирована Великобританией. Некоторые страны не участвуют в отдельных интеграционных механизмах не из-за «политического» их неприятия, а в силу отсутствия реальных экономических условий. Так, долгое время Ирландия, Испания, Греция и Португалия имели возможность сохранять ограничения на свободу движения капиталов, хотя остальные страны ЕС их отменили. Экономический и валютный союз также создан в составе только 11 из 15 государств ЕС.

Некоторые интеграционные механизмы вообще зарождались как двухсторонние инициативы. Например, франко-германский военный корпус, в определенной степени проложивший дорогу к формированию общей политики ЕС в вопросах безопасности. Другие инициативы выдвигались группой стран, например, Шенгенское соглашение об отмене пограничного контроля. Интеграционные мероприятия в рамках ЕС не всегда точно соответствуют географическим рамкам сообщества, что не мешает реализации основного принципа – интеграция носит добровольный характер, и в ней участвуют только те, кто реально готов к ней.

Примером разноскоростной интеграции в СНГ является ЕврАзЭС, куда входят государства, прямо заинтересованные в создании Таможенного союза. Но в рамках ЕврАзЭС есть твердое ядро, более готовое к формированию Таможенного союза Россия–Беларусь–Казахстан. Этими государствами 27 ноября 2009 г. были делегированы комиссии Таможенного союза определенные наднациональные полномочия, а с июля 2010г. Таможенный союз начал существовать. Учитывая, что предтечей ЕС был «Союз угля и стали», это дает весьма серьезные основания для надежд на усиление дальнейшей интеграции наших стран.

Последнее десятилетие XX в. и первые годы XXI в. явились для постсоветских стран серьезным историческим уроком. Рыночный романтизм сменился пониманием необходимости жестко регулирующей роли государ-

ства в процессе либерализации экономики. Стало также очевидным, что европейский дом никого не ждет, а разобщенность, и, следовательно, слабость новых государств лишь на руку крупным геополитическим игрокам.

Определенная часть ученых по-прежнему убеждена в непримиримом противоречии России с Западом и ее лидером в лице США. Другое крыло признает возможность геополитического компромисса с Западной Европой при условии ее переориентации на антиамериканские позиции.

Говоря о России, приходится констатировать, что спор между «западниками» и «славянофилами», в определенной степени способствовавший рождению евразийства, продолжается и в современной России. При этом он приобрел новые грани. К чему должна тяготеть современная Россия, перестав быть империей? Каковы ее интересы на постсоветском пространстве? Этот спор представляет интерес не только для самой России, но и для ее ближайших соседей.

Занимая стратегическое положение между Востоком и Западом, Россия постоянно сталкивается с необходимостью поиска нового баланса между западным и восточным импульсами. Кроме того, и само время – новое тысячелетие – начало диктовать новые подходы к определению места страны в современном мире.

Путь к обретению новой евразийской общности будет нелегким. Евразийское сотрудничество будет прочным и устойчивым только при условии баланса интересов всех евразийских народов, равной ответственности за экономическое, социальное, культурное кратко развитие Евразии. Процесс трансформации в интеграционные объединения исключительно сложен, поскольку затрагивает практически все стороны жизни людей. И вместе с тем этому процессу нет альтернативы.

...Судьба Евразии далека еще до своего звездного часа.

Мир заплатил страшную цену за возрождение **европейского единства**. Двадцатый век, ставший апофеозом кровавых конфликтов и междоусобиц, одновременно положил конец европейским раздорам.

На авансцену выходит Евразия. Это отчетливо понимают и многие западные политологи. Американский политолог Спайкмен говорил: «Кто контролирует Евразию, тот контролирует судьбы всего мира».

«Евразия – главный геополитический приз для Америки», – утверждает З.Бжезинский. и призывает Соединенные Штаты использовать свое военное, экономическое, культурное преимущество для удержания контроля над Евразией. Однако его концепция – не что иное, как отголосок холодной войны, нежелание признавать многополярность мира.

Но последние годы показали, что Евразия – не плацдарм, а самостоятельный, ключевой регион мировой политики. Если раньше Евразия казалась замкнутым сухопутным континентом, удаленным от основных мировых путей и коммуникаций, то отныне она становится ключевым элементом геополитики. Сегодня она может реально обеспечивать динамику мирового экономического развития, за счет обеспечения органичного взаимодействия потенциалов Запада и Востока.

Думаете, что будущее Евразии – в руках населяющих ее народов, которые вряд ли согласятся играть роль шахматной доски для сторонних игроков...

УПРАВЛЕНИЕ

Л.А.Харланова
С.Н.Лебедев
И.Л.Филон

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ В ПРОИЗВОДСТВЕ И В СФЕРЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

ХАРЛАНОВА Любовь Александровна – кандидат социологических наук; профессор Всероссийской государственной налоговой академии Минфина России

ЛЕБЕДЕВ Сергей Николаевич – кандидат философских наук, профессор; профессор Всероссийской государственной налоговой академии Минфина России

ФИЛОН Игорь Леонидович – кандидат экономических наук, доцент Всероссийской государственной налоговой академии Минфина России

Аннотация. В данной статье рассматриваются проблемы управления качеством применительно к процессу производства и трудовой деятельности, начиная от истоков современного менеджмента, и вплоть до внедрения Всеобщего менеджмента качества и современных стандартов качества: ИСО 9000:2000 и других.

Ключевые слова: управление, качество, управление качеством, производство, управление человеческими ресурсами, мотивация персонала, статистические методы управления качеством, всеобщий менеджмент качества.

Проблемы контроля качества и менеджмента качества являются одними из весьма актуальных в современной экономике производственного процесса и трудовой деятельности.

В истории становления и развития определенных систем качества и управления качеством, начиная со второй половины XIX в. и вплоть до настоящего времени можно выделить три этапа.

Это такие этапы, как, во-первых, период становления современного «научного» и «практического менеджмента». По существу, именно этот начальный – первый этап становления и развития теории и практики качества и управления качеством продукции и услуг привел к необходимости разработки соответствующих систем контроля над качеством и управления качеством, что является отличительной особенностью второго этапа

в истории, теории и практике управления качеством, когда в течение нескольких десятилетий был пройден сложный путь – от «статистических методов управления качеством» до «всеобщего контроля качества».

Третий, современный этап истории, теории и практики качества и управления качеством – это период создания, разработки, распространения, применения и последующего усовершенствования требований международных (в том числе европейских и отечественных) стандартов системы качества и менеджмента качества (управления качеством).

Первый этап, в целом, соответствовал новому подходу к управлению менеджменту-администрированию и проблемам качества продукции и услуг. Хронологически – это период второй половины XIX в.–первой четверти XX столетия. Наиболее яркими представителями этого подхода являются: автор книги «Общее и промышленное управление» Анри Файоль (1841–1925), автор книги «Двенадцать принципов производительности» Гаррингтон (Харрингтон) Эмерсон (Charrington Emerson) (1853–1931) и автор книги «Принципы научного менеджмента» Фредерик Тейлор (Frederik Teilor) (1856–1915).

Итак, во второй половине XIX в.–первой четверти XX в. возникли и получили развитие следующие школы управленческой (административной) мысли: 1) учение об администрации и ее подготовке (обучении, образовании) и об администрировании–управлении–менеджменте Анри Файоля (1841–1925); 2) учение о производительности, об эффективности, организации, а также принципах и методах менеджмента – управления Гаррингтона Эмерсона (1853–1931); 3) школа научного (менеджмента) управления Фредерика Уинслоу Тейлора (1856–1915) и его последователей;

Учение об администрировании Анри Файоля (1841–1925). Выдающийся французский горный инженер, предприниматель, промышленник, специалист в области администрирования–управления–менеджмента. А.Файоль – основатель Центра административных исследований в Париже. С 1918 г. являлся советником Правительства Франции по проблемам управления промышленностью. Основное произведение: «Administration industrielle et generale» («Общее и промышленное управление») (1916).

А.Файоль рассматривал администрирование–менеджмент–управление как особый вид деятельности. При этом Файоль рассматривал организацию (предприятие, учреждение) как единый организм. Он выделял управление как особый вид деятельности и полагал, что административная деятельность включает в себя следующие обязательные функции: предвидение, организацию, распорядительство, координацию и контроль.

Главной заслугой А.Файоля является то, что он сформулировал принципы управления – 14 принципов управления, от которых как он считал зависит успех управленческой деятельности: разделение труда; власть; дисциплина; единство распорядительства (командования); единство руководства; подчинение частных интересов общему; вознаграждение; централизация; иерархия; порядок; справедливость; постоянство состава персонала; инициатива; единение персонала¹.

¹ См. об этом подробнее: А.Файоль. Общее и промышленное управление. Л.–М., 1924.

При этом Файоль отмечал, что эти принципы отнюдь не абстрактны и не абсолютны и применение их на практике должно носить конкретный и вместе с тем содержательный гибкий характер.

Наряду с проблемами управления–администрирования А.Файоль ставит и достаточно удовлетворительно решает как проблемы управления качеством производства, так и проблемы управления качеством труда и трудовых ресурсов, когда говорит о необходимости подчинения частных интересов общему; об особой ответственности руководства – управляющих, администраторов; постоянстве состава персонала и его единении.

Учение об эффективности Гаррингтона (Харрингтона) Эмерсона (1853–1931). Известный американский инженер и предприниматель Г.Эмерсон был одним из основателей теории управления производством, строящейся на определенных принципах производительности (эффективности). При этом Г.Эмерсон затрагивает и проблемы труда, трудовых отношений, трудовой мотивации.

Он сформулировал 12 принципов производительности (эффективности). Это: отчетливо поставленные цели; здравый смысл; компетентная консультация; дисциплина; справедливое отношение к персоналу; быстрый, надежный, полный, постоянный учет; диспетчирование; нормы и расписания; нормализация условий; нормирование операций; письменные стандартные инструкции; вознаграждение за производительность¹.

В целом и эти принципы «производительности» Г.Эмерсона, в конечном счете, направлены как на повышение производительности, так и на улучшение качества управления и труда.

Если административный управленческий подход А.Файоля был направлен на совершенствование организации в целом, связанный с подготовкой, обучением и продвижением профессиональных специалистов–администраторов–управленцев, в то время как Г.Эмерсон занимается выработкой конкретных принципов производительности, то научный управленческий подход (основателем этой научной школы является Ф.Тейлор) был нацелен на выработку коллективной ответственности всех участников производства и, в первую очередь, именно представителей администрации управленческого персонала – менеджеров.

Школа научного менеджмента Фредерика Уинслоу Тейлора (1856–1915). Известный американский инженер, исследователь, менеджер Ф.Тейлор традиционно считается основателем современного «научного менеджмента», хотя он и в теории и на практике во многом опирался на труды предшественников и современников, специализировавшихся в сфере администрирования–управления–менеджмента. Первоначально Ф.Тейлор определял предложенный набор управленческих подходов, приемов и методик «системой заданий» и «управлением посредством заданий» и лишь после появления в 1910 г. термина «научный менеджмент», предложенного Луисом Брандейсом, стал активно пользоваться этим понятием. Вместе с тем именно Ф.Тейлор обобщил, систематизировал, конкретизировал, авторизовал, теоретически осмыслил, существенно дополнил и прак-

¹ См. об этом подробно: Г.Эмерсон. Двенадцать принципов производительности. М.–Л., 1931.

тически приложил основные идеи современного ему научного управления – менеджмента.

Ф.Тейлор много занимался и организаторской деятельностью. Он являлся Президентом Американского общества инженеров-механиков (ASME). В 1911 г. Ф.Тейлор основал Общество содействия научному менеджменту (позже оно получило наименование «Общества Тейлора»).

Широкую известность получили работы Ф.Тейлора: «Shop Management» («Управление предприятием») (1903) и «Principles of Scientific Management» («Принципы научного менеджмента») (1911)¹.

Известно, что Ф.Тейлор не был ни академическим ученым, ни профессором школы бизнеса. Он был, прежде всего, практиком, инженером, менеджером. Начав с рабочего, он прошел несколько уровней иерархии и дорос до уровня главного инженера в сталелитейной компании. Тем не менее Ф.Тейлор является общепризнанным исследователем и систематизатором не только частных, но и общих проблем управления и организации производства и трудовой деятельности.

Так, еще в 1895 г. Ф.Тейлор выступил на заседании Американского общества инженеров-механиков с докладом о способах организации заработной платы рабочим. Способы организации заработной платы рабочим по Тейлору таковы: заработная плата платится человеку, а не месту; установление расценок должно быть основано на точном знании, а не на догадках; расценки, основанные на точном знании должны быть единообразны; благодаря установленным таким образом расценкам товары производятся дешевле, а рабочие получают более высокую зарплату, чем обычно; заработная плата, основанная на точном знании, дает возможность больше заработать, уничтожает причины умышленной медлительности в работе, побуждает к сотрудничеству.

Система научного управления (менеджмента) Тейлора, в целом, требует: создания научного фундамента, заменяющего собой старые традиционные методы работы; отбора сотрудников на основе научных критериев, их обучения; сотрудничества между администрацией и рабочими в деле практического внедрения научно разработанной системы организации труда; равномерного распределения труда и ответственности между администрацией и рабочими; рационализации производства².

При этом следует отметить, что учение Тейлора базируется на механистическом понимании человека, его места в организации и сущности его деятельности. Тейлор считал, что рабочий – существо, движимое инстинктами и самыми простыми мотивами в своей производственной деятельности, способное целенаправленно действовать только под воздействием конкретных практических трудовых стимулов (в первую очередь

¹ Уже в 1925 г. вышел перевод этой книги Ф.Тейлора на русский язык, где ее заглавие было переведено так: «Научная организация труда», что, вероятно, было связано с продвижением «научной организации труда» «НОТ» в нашей стране.

² См. об этом подробно: *Тейлор Ф.* Управление предприятием. М., 1903; *Тейлор Ф.* Принципы научного управления. М., 1911; Административно-техническая организация научных предприятий. СПб., 1912; Научные основы администрации предприятий. СПб., 1912; Научные основы организации промышленных предприятий. СПб., 1912; *Тейлор Ф.У.* Тейлор о тейлоризме. М.–Л., 1931.

материальных). Отсюда Тейлор выводил необходимость включения в состав администрации специального «надзирателя за качеством работы». Еще одной важной наработкой Ф.Тейлора было обоснование стандарта – основы стандартизации. «Стандартизация в истинном смысле этого слова есть сочетание лучших качеств изделия с наилучшими способами его производства; стандартизировать изделие и способ его производства – значит выбрать из многих возможностей одну, наилучшую, и применить ее», – писал Ф.Тейлор. И добавлял: «Каков же наилучший способ производства? Это сочетание всех хороших способов, изобретенных до сих пор. Но устанавливать, что сегодняшний стандарт будет стандартом и завтра, – значит превышать свои силы и свои права, ибо ничто не может помешать промышленному предприятию изобрести завтра еще более совершенное и отвечающее спросу изделие. Только поверхностные люди могут воображать, что стандарт есть какая-то стальная форма, в которую можно заключить все человеческие усилия и придать им единый облик на все времена. Следовательно, стандарт, с нашей точки зрения, есть такой образец, который сегодня лучше всех других, а завтра будет еще более улучшен»¹.

Таким образом, главное в учении Тейлора – рационализация труда рабочих на базе научной организации их трудовой деятельности наряду с улучшением качества управления и труда и предложениями по стандартизации.

Ф.Тейлор являлся ярким представителем «научного менеджмента», в то время как уже в первой трети XX в. в США начинает активно внедряться и «практический менеджмент», что, в первую очередь, связано с деятельностью таких известных его представителей, как Генри Форд и Альфред Ричард Слоан (Слоун).

Известный американский инженер, изобретатель, промышленник, основатель и владелец компании по производству автомобилей, существующей и по сей день, Генри Форд (Henri Ford) (1863–1947) внес большой вклад не столько в теорию, сколько в практику менеджмента и организации производства и трудового процесса, в частности, успешно внедрял конвейерное производство и разделение труда. При этом Форд уже после 1905 г. стал собственником предприятия, которое он возглавлял на протяжении более чем 40 лет. Основные работы Г.Форда, связанные с производственной тематикой, практикой менеджмента и оценкой экономических реалий: «My Life and Work» («Моя жизнь и мои достижения») (1922), «Today and tomorrow» («Сегодня и завтра») (1926) автобиографичны.

Альфред Причард Слоан (Слоун) (Alfred Pritchard Sloan) (1875–1966) был долгое время руководителем корпорации (Президентом и Главным исполнительным директором) «Дженерал Моторс».

Он родился в США. Закончил Массачусетский технологический институт. Менеджер-практик. Один из создателей автомобильной промышленности США (вслед за Г.Фордом). Его основное произведение: «My Years with General Motors» («Мои годы в «Дженерал Моторс») (1964) также автобиографично.

И Генри Форд и Альфред Слоан удачно применили разрабатываемые ими подходы к управлению–менеджменту на практике, были яркими пред-

¹ Файоль А., Эмерсон Г., Тейлор Ф., Форд Г. Управление – это наука и искусство. М., 1992. С.334.

ставителями управленческого звена американской автомобильной промышленности. Будучи менеджерами-практиками, Г.Форд и А.Слоан с успехом внедряли свои методы управления производством и организации труда в области автомобилестроения. Так, автор конвейерного «фордизма» Г.Форд исходил из принципа сугубой централизации своей фирмы, основанной на жестком принципе управления с позиции единоначалия и постоянного сокращения ненужных, на его взгляд, производственных издержек, что позволяло ему в целом сокращать расходы на себестоимость, пусть даже за счет совершенствования одной и той же марки автомобиля при сохранении высокого качества изделий и услуг, что в определенной степени можно считать практической тенденцией к стандартизации. Его знаменитая модель «Форд-Т» выходила с конвейера в период с 1908 г. по 1927 г., причем общий объем выпуска автомобилей этой марки за это время составил свыше 15 млн экземпляров.

В свою очередь Альфред Слоан, занимавший в «Дженерал Моторс» с 1918 г. по 1923 г. пост Вице-президента; с 1923 г. по 1946 г. – пост Президента и Главного исполнительного директора; и с 1946 г. по 1956 г. – Председателя Совета Директоров, добился повышения качества производства и труда в корпорации (при сохранении контроля за менеджментом) за счет децентрализации управленческой деятельности в «Дженерал Моторс». При этом А.Слоан в отличие от Г.Форда уже в 20-е гг. XX в. сориентировался на создание автомобилей различного ценового уровня, что позволило корпорации «Дженерал Моторс» уже в конце 20-х гг. XX в. выйти на передовые позиции и в американском, и в мировом автомобилестроении. Так, если в 1921 г. на долю компании «Форд» приходилось около 60% выпуска всех американских автомобилей, то в конце 20-х гг. уже «Дженерал Моторс» занимает ведущее место в американском автомобилестроении.

Г.Форд и А.Слоан по-разному относились к проблемам управления, что, впрочем, не повлияло на такую организацию производства, обеспечивающую высокое качество выпускаемой продукции и услуг, а также трудовой деятельности, которая явилась основой и залогом их процветания.

Характеризуя второй этап истории, теории и практики управления качеством (менеджмента качества), следует отметить, что в работах известных современных исследователей У.Шухарта, Э.Деминга, Ф.Кросби, А.Фейгенбаума, Д.Джурана, К.Исикавы, Г.Тагути особое внимание уделяется рассмотрению «систем качества» не только с теоретико-методологических, но также и с практических позиций. При этом с проблемой качества оказываются тесно связанными именно проблемы контроля качества и управления качеством (менеджмента качества). Вопросы организации труда и его мотивации у этих исследователей и практиков часто решаются именно в связи с проблемами управления качеством.

Начало этого этапа связано с разработкой метода статистического контроля и управления качеством, предложенного известным американским ученым и консультантом по управлению качеством Уолтером Шухартом (Walter Shewhart) (1891–1967), автором книг «Экономическое управление качеством промышленной продукции» (1931) и «Статистический метод с точки зрения контроля качества» (1939). При этом У.Шухарт

предложил методику статистического контроля качества путем внедрения «контрольных карт» (диаграмм), позволяющих отслеживать состояние качества изготавливаемой продукции. Это позволило не просто повысить уровень качества, но и вообще существенно увеличить выпуск качественной продукции. Именно У.Шухарт стоит у истоков продуктивного, весьма перспективного подхода к качеству статистического контроля качества.

В дальнейшем идеи У.Шухарта были с успехом использованы и усовершенствованы одним из наиболее известных специалистов в области контроля и менеджмента качества Эдвардом Уильямом Демингом (William Edwards Deming) (1900–1993), автором таких известных произведений, как «Out of Crisis» («Выход из кризиса») (1986) и «The New Economics» («Новая экономика») (1993). Первоначально опираясь на разработки У.Шухарта, позднее, начиная с 50-х гг. XX в. У.Деминг успешно продвигает свои подходы и свою методологию применительно к контролю и менеджменту качества, вначале в Японии, а затем в США и в странах Европы. Автор концепции «глубинного знания» У.Деминг по праву считается основоположником упорядоченной системы «всеобщего управления качеством».

Джозеф Джуран (Joseph Juran) (1904–2008), румын по происхождению, эмигрировавший в США в 1912 г., автор книг «Quality Control Handbook» (Руководство по контролю за качеством) (1951), «Management of Quality Control» New («Менеджмент в контроле качества») (1967), «Quality Planning and Analysis» («Планирование и анализ качества») (1970), «Upper Management and Quality» («Высший менеджмент и качество») (1980), «Juran on Planning for Quality» («Джурани в планировании качества») (1988) также является признанным современным специалистом в области менеджмента, организации производства, качества.

Джурани применил принцип Парето для определения приоритетных управленческих действий, выбирая важнейшие проблемы из множества существующих и концентрируя основные ресурсы организации (предприятия) на их решении. При этом в поле его зрения наряду с общими проблемами качества и управления качеством (менеджментом качества) оказываются и конкретные проблемы производственного процесса и сферы труда, трудовых отношений. Джуран также одним из первых обосновал и применил на практике переход от контроля качества к управлению качеством.

Каору Ишикава (Ишикава) (Kaoru Ishikawa) (1915–1989), лауреат многих престижных премий в области качества – известный японский специалист в области управления качеством и организации производства, разработчик японского варианта «Всеобщего управления качеством» («Всеобщего статистического управления качеством»). Он является автором популярных не только в Японии, но и за ее пределами книг по контролю качества: «Introduction to Quality Control» («Введение в контроль качества») (1954) и «What is Total Quality Control» («Что такое всеобщий контроль качества») (1985). К.Ишикава разработал целый ряд предложений, связанных именно с повышением качества производственной и трудовой деятельности. Он является одним из основоположников тотального (всестороннего, комплексного и притом целостного) подхода к управлению качеством, что на практике привело к созданию и активному участию в производственном, управленческом и трудовом процессе «кружков каче-

ства», появившихся в Японии, начиная с 1962 г., где К.Исикава сыграл роль одного из их идейных вдохновителей.

Арманд В.Фейгенбаум (Armand Vallin Feigenbaum) родился в 1922 г. Уже в 1943 г. А. Фейгенбаум разработал систему «затраты на качество», где предусматривались как затраты на оценку качества, так и затраты на предотвращение дефектов. Его книга «Total Quality Control» («Тотальный контроль качества»), изданная в 1961 г., получила высокую оценку специалистов в области качества и управления качеством. Именно с этого времени термин «тотальный (комплексный, всеобщий) контроль качества» получает широкое распространение.

В свою очередь известный американский специалист по управлению, организации производства и качеству Филипп Кросби (Philip Crosby) (1926–2001), разрабатывая свою систему взглядов на качество и управление качеством (менеджмент качества), предложил следующие 14 основ обеспечения высокого уровня качества продукции и услуг: 1) ответственность руководства; 2) формирование коллектива, способного решать намеченные задачи, связанные с достижением высокого уровня качества; 3) разработку всесторонних методов оценки качества; 4) ведение постоянного учета затрат на обеспечение соответствующего качества (с их последующей оценкой); 5) осуществление мер, необходимых для лучшего понимания персоналом значения качества для эффективной и результативной деятельности предприятия (организации); 6) внесение (на постоянной основе) необходимых корректив в процесс обеспечения качества; 7) определение необходимого стандарта качества как отсутствие дефектов (система «ноль дефектов»); 8) постоянное обеспечение обучения персонала по проблематике качества и управлению качеством (менеджменту качества); 9) регулярное проведение «Дней качества» («Дней нулевых дефектов»); 10) постоянное внимание к целям и задачам обеспечения высокого качества для всего персонала предприятия (организации); 11) создание эффективного механизма устранения причин дефектов на предприятии (в организации); 12) введение и поддержание системы моральных поощрений для отличившихся работников, полностью выполняющих надлежащие требования к качеству; 13) создание целевых групп из лучших специалистов в области качества; 14) повторение данного цикла действий при переходе к новому, более высокому уровню исполнения требований в области качества.

Генити Тагути (Геничи Тагучи) (Genichi Taguchi) (род. в 1924 г.) – известный японский специалист по качеству и управлению качеством. Автор концепции «Quality Loss Function» («Функции потери качества»).

Таким образом, второй этап истории теории и практики качества и управления качеством знаменует собой дальнейшую разработку проблем качества и управления качеством, в том числе применительно к производству и трудовым отношениям.

Следующим третьим этапом теории и практики качества и управления качеством (менеджмента качества) в период с 80–90-х гг. XX в. (по существу с 1979 г.) по настоящее время явились соответственно: переход от системы тотального (всеобщего, комплексного) контроля качества (TQC) к тотальному (всеобщему, комплексному) менеджменту качества (TQM),

связанный с разработкой Британских стандартов системы качества BS-5750, а затем и Международных стандартов системы качества и управления качеством, таких как: ИСО 9000 (1987), а впоследствии и переход к значительно более совершенным стандартам серии ИСО 14000, где начинают предъявляться необходимые требования к качеству товаров и услуг, в куда большей степени отвечающие реалиям современной экономики.

1987 год – появление разработанной комитетом ISO (Международная организация по стандартизации¹) серии стандартов ISO 9000 (на основе британского стандарта BS 5750). В 1987 г. были опубликованы пять стандартов серии (ISO 9000-87, ISO 9001-87, ISO 9002-87, ISO 9003-87, ISO 9004-87) и словаря терминов в области обеспечения качества (ISO 8402-86).

Второй вариант стандартов серии ISO серии 9000 был опубликован в 1994 г. В основном он повторял с соответствующими уточнениями и дополнениями содержание стандартов версии 1987 г.

Третий вариант международных стандартов серии ISO 9000 датируется 15 декабря 2000 г. Стандарт ISO 9001:2000 приходит на смену стандартам ISO 9001, ISO 9002, ISO 9003 предыдущего варианта стандартов ISO 9000:1994, имея при этом ряд существенных отличий. Так, вместо имевшихся в ISO 9000:1994 24 стандартов, ISO 9001:2000 предусматривает лишь 5 основных стандартов: 1) ISO 9000:2000. Система менеджмента качества. Основные принципы и словарь; 2) ISO 9001:2000. Система менеджмента качества. Требования; 3) ISO 9004:2000. Система менеджмента качества. Руководящие указания по улучшению; 4) ISO 19011:2000. Руководящие указания по проверке системы менеджмента качества и охраны окружающей среды; 5) ISO 10012. Обеспечение качества измерительного оборудования.

А в 2008 г. вводится в действие новый вариант стандартов ISO 9000, где вновь уточняются и дополняются существовавшие до этого стандарты ISO.

В то же время в России начинают действовать следующие стандарты:

ГОСТ Р ИСО 9000-2008. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь; ГОСТ Р ИСО 9001-2008 Системы менеджмента качества. Требования; ГОСТ Р ИСО 9004-2001. Системы менеджмента качества. Рекомендации по улучшению деятельности (стандарт ГОСТ Р ИСО 9004-2001 перерабатывается).

Российские государственные стандарты в области качества введены в действие с ноября 2009 г. (Приказ Федерального Агентства по техническому регулированию и метрологии № 470-ст от 18 декабря 2008 г.).

Европейский Экономический Союз (EU) не остался в стороне от процессов внедрения стандартов ISO. В частности, это касается соглашения от 1992 г. об образовании EU, где есть пункт о принятии ISO 9000 как основного стандарта в международной торговле между разными странами.

В дополнение к этим стандартам разрабатываются и другие. Так, действующая с 1999 г. спецификация OHSAS 18001 (в процессе доработки стандарта OHSAS 18001:1999, в 2007 г. была предложена новая версия этого стандарта – OHSAS 18001:2007), хотя пока еще не имеет вполне

¹ Международная организация по стандартизации (International Organization for Standardization – ISO) была организована в 1946 г.

определенного статуса международного стандарта, но уже начинает претендовать на признание в сфере охраны здоровья и обеспечения безопасности труда, связанными с проблемами эффективности современного менеджмента. Стандарт OHSAS 18001 предполагает при этом возможность соотнесения его с признанными международными версиями стандарта ISO 9000–ISO 9001:2001 и ISO 14001:2004.

В целом разработанные стандарты качества способствуют упорядочиванию (точнее стандартизации) современных экономических процессов, в том числе в сфере производственных и трудовых отношений. К тому же, эти стандарты качества позволяют не только координировать деятельность корпораций, предприятий и организаций в различных странах мира, но и существенно расширяют сферу своего применения за счет разработки все новых и новых стандартов качества (включая информационные технологии и информационные ресурсы, например, программное обеспечение), пусть даже пока это преимущественно происходит в рамках различных новейших модификаций известного международного стандарта качества ISO 9000.

Итак, в современной экономике, в свою очередь, качество и управление качеством оказываются интегрированы прежде всего в инновационное производство товаров и услуг, в том числе информационных, напрямую влияющих на производственную, управленческую деятельность и сферу труда в их наиболее передовых проявлениях, что говорит о необходимости изучения проблем качества и управления качеством и в их фундаментальном и в их прикладном значениях.

Интегральность, универсальность и инновационный характер качества и его управления (стандартов качества и менеджмента качества) полностью присущи соответствующим реалиям современной экономики. Это касается и управления (менеджмента), и процесса производства, и обмена, и потребления, и распределения товаров и услуг, в том числе информационных, а также качественной специфики в современной экономике труда, в частности экономике труда интеллектуального.

Список литературы

1. Гембрис С., Геррманн Й. Управление качеством. М., 2008.
2. Ефимов В.В. Улучшение качества продукции, процессов, ресурсов.
3. Ильин В. Система управления качеством. СПб, 2007.
4. Ковалев С.В. Управление качеством работы персонала. М., 2009.
5. Управление качеством и реинжиниринг организаций. М., 2003.
6. Управление – это наука и искусство: А.Файоль, Г.Эмерсон, Ф.Тейлор, Г.Форд. М., 1992.
7. Шадрин А.Д. Менеджмент качества. От основ к практике. М., 2006.

В.В.Серый

ИМИДЖ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

СЕРЫЙ Владислав Владимирович – советник юстиции Прокуратуры Нанайского района Хабаровского края (e-mail: lapuschka07@mail.ru).

Аннотация. В статье предпринимается попытка определить научные и прикладные основы формирования и развития современного имиджа судебной власти, высказываются предложения по его улучшению.

Ключевые слова: государство, гражданское общество, имидж власти, коррупция, прокуратура, СМИ, суд, судебная власть, формирование имиджа.

Имидж власти, а власти судебной в особенности, – весьма трудноопределяемое понятие, прежде всего потому, что речь идет о комплексе качеств и свойств, кадровых и организационных характеристик, которые чаще всего невозможно представить в качестве зрительного образа. Имидж – объект не материалистический. Он возникает лишь в сознании людей и оценить его можно лишь по отношению, которое будет проявляться в общественном мнении. Чаще всего это комплекс ассоциативных представлений, формируемых под воздействием личных впечатлений или средств массовой информации. Имидж судебной власти можно отнести к понятию социального стереотипа, который целенаправленно и продуманно необходимо формировать, в противном случае будет осуществляться его стихийное формирование, как правило, с негативным эффектом.

В Социологической энциклопедии (2003) имидж определяется как целенаправленно и активно формируемый с помощью различных средств эмоционально окрашенный привлекательный или непривлекательный образ человека, политика, лидера, общественной организации, партии, движения и др., призванный способствовать укреплению и ослаблению престижа, репутации политика (партии), роста доверия или недоверия к нему¹.

¹ Комаровский В.С. Имидж // Социологическая энциклопедия. В 2 т. Т. 1. М., 2003. С.350–351.

С институциональной точки зрения имидж судебной власти можно соотнести как понятие имиджа организации, корпорации, т.е. понимать как символически выраженное представление об особенностях, специфике, уникальности одной из трех ветвей власти, ее репутации, сформировавшейся в общественном мнении.

Целенаправленное формирование имиджа органов власти, в том числе власти судебной, необходимо для создания благоприятного отношения у населения к государственной власти и тем решениям, которые она принимает. В последнее десятилетие при правительствах большинства стран Запада созданы PR-службы, которые выполняют две основные задачи. Первая задача – просвещать общественность относительно деятельности государственных институтов, в том числе суда, прокуратуры, следственных комитетов и комиссий, адвокатуры, создавая благоприятный климат для осуществления государственной политики; вторая – информировать принимающие решения государственные органы о существующей и возможной реакции общественности на проводимую и перспективную политику. Во многих странах, в том числе и России, в каждом министерстве есть информационный отдел (центр, служба), работают пресс-секретари, осуществляющие связь с общественностью.

Однако в структурах и институтах судебной власти к PR-подразделениям относятся, мягко говоря, прохладно, считая их неконкурентной сферой, требующей дополнительных финансовых затрат. Многие руководители считают, что осуществление связи с общественностью – это их собственная прерогатива, не требующая профессиональных и компетентных специалистов. Такое предубеждение к PR-службам вызвано также боязнью привлечь внимание общественности к спорным вопросам, нераскрытым преступлениям или затянувшимся острым процессам. Здесь сказывается недооценка необходимости учиться, жить и работать в новом социокультурном режиме рыночных отношений, при котором расширяются сферы влияния гражданского общества, предпринимательских структур, политических партий.

Как из чего в настоящее время объективно складывается публичный имидж судебной власти? Анализ публикаций в средствах массовой информации показывает, что на формировании имиджа судебной власти существенным образом сказывается несовершенство законодательства. К примеру, за пять лет действия закона №94 о госзакупках¹ размеры взяток выросли с трети стоимости контрактов до половины². Закон о госзакупках нуждается в серьезной корректировке, заявил Президент Медведев в Послании Федеральному Собранию РФ 30 ноября 2010 г. Судам непросто работать с законом, в который за 5 лет уже внесено 19 пакетов поправок. Только в первом полугодии 2010 г. сотрудники ФАС обнаружили, что из почти 77 тыс. госзаказов в 21% случаев были те или иные нарушения³.

¹ См.: О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 21 июля 2005 г. №94-ФЗ.

² Замахина Т. Война откатам. Президент избавит госзакупки от коррупции и обеспечит их инновационность // «Московский комсомолец». 2010, 30 ноября.

³ Там же.

Аукционный принцип госзаказов не срабатывает, в особенности в инновационной сфере. Либо закупают продукцию с откатами по сверхзавышенной цене, как это было с медицинскими томографами, либо по низкой цене плохого качества, что оборачивается издержками при ее эксплуатации и приводит к их ежегодной замене.

Возьмем вопрос об антикоррупционных процессах, напрямую сказывающихся на имидже судебной власти. По оценке Генпрокуратуры, коррупционный рынок РФ составлял 240 млрд долл. В настоящее время по оценке Национального антикоррупционного комитета из-за финансового кризиса, увеличившего отток капитала из страны, объем коррупционного рынка упал¹.

Однако коррупционеров не стало меньше. Другое дело, что по статистике Верховного Суда РФ, за руку ловят чаще всего милиционеров невысокого ранга, преподавателей и врачей, т.е. тех, невысокие доходы которых провоцируют их на получение взяток. Только в последнее время в этих списках стали проскальзывать высшие должностные лица государства. Таким образом, борьба с коррупцией ведется в основном в низах. Стало общим местом говорить, что сенаторские должности в Совете Федерации и депутатские в Госдуме покупаются, что дети сановных особ незаконно приватизируют бизнес и приобретают недвижимость. Однако несмотря ни на какие материалы, уголовные дела в судах разваливаются или спускаются на тормозах. Преступные действия не получают правовой оценки. Хотя все понимают, что рыба гнет с головы. Правда, в новейшей российской истории можно вспомнить, что уголовные обвинения были предъявлены бывшему сенатору от Калмыкии Л.Чахмахану и от Башкирии И.Измествьеву, в ноябре лишен депутатского иммунитета депутат Госдумы А.Егиазарян.

Любой процесс с участием высших должностных лиц в российском суде сразу же становится закрытым. С одной стороны, можно предположить, что следователи боятся, что в ходе процесса всплывут имена других высокопоставленных чиновников, с другой, – что занимающие высокие посты подозреваемые сумели откупиться. Но в любом случае отсутствие открытых антикоррупционных процессов дает населению право говорить о том, что судьи и прокуроры покрывают мздоимцев, а борьба судебной власти с ними неэффективна. Любой суд над высшими должностными лицами государства должен быть открытым и в полном объеме освещаться в СМИ. Открытость суда будет гарантией, что от ответственности не уйдут ни обвиняемые, ни преступники.

На формирование имиджевой политики судебной власти, как любого другого субъекта имиджелогии, на территории Российской Федерации распространяются как общие положения, сформулированные в Конституции РФ, Гражданском кодексе, так и специальные нормы, регулирующие отношения в сфере общественных коммуникаций. Основными нормативно-

¹ См.: «Любой суд над высшими должностными лицами государства должен быть открытым». Беседа Е.Павлова с Председателем Национального антикоррупционного комитета К.Кабановым // «Московский комсомолец». 2009, 9 февраля.

правовыми актами в данной области является Федеральный закон РФ «О рекламе», действующий с 1 июля 2006 г.

Следующим нормативно-правовым актом следует назвать Федеральный закон РФ «О средствах массовой информации» в редакции от 25 декабря 2008 г. №281-ФЗ с изменениями от 9 февраля 2009 г. Данный законодательный акт регулирует общественные отношения в области поиска, получения, производства и распространения информации, а также все, что связано с производством и распространением продукции средств массовой информации.

Деловую репутацию организации как понятие «имидж фирмы» Минфин своим приказом по ведению бухгалтерского учета разрешает включать в состав нематериальных активов. По-видимому, и эти имиджевые меры судебными органами плохо используются. Тем не менее, такая форма финансовой поддержки имиджа существует.

Участниками современного формирования имиджа, например, для субъектов Федерации, выступают структуры законодательной и исполнительной власти, средства массовой информации, различные научные и образовательные учреждения и т.д. В рамках осуществления имиджевой политики, к примеру, в ряде республик органами республиканской власти с 2004 г. были созданы общественные комиссии по имиджевой политике¹. В ее состав вошли крупные ученые, деятели культуры и искусства, представители министерств и ведомств, СМИ. Общественные комиссии по имиджевой политике были созданы с целью активизации процесса формирования и продвижения в первую очередь благоприятного имиджа республики, а также ее органов и институтов, координации деятельности основных участников процесса их имиджирования. Для продвижения благоприятного имиджа реализуется коммуникативная политика посредством проведения круглых столов, интернет-форумов, семинаров с приглашением специалистов в области связи с общественностью (PR), научно-практических конференций, различных конкурсов проектов. В целях повышения квалификации кадров сферы общественных коммуникаций организуются обучающие курсы. Безусловно, не все перечисленное возможно использовать в имиджировании судебной власти. Однако работа по формированию имиджа должна носить системный, плановый, организационный и финансово обеспеченный характер.

В имидже судебной власти заложены определенные резервы улучшения отношений между властью и обществом. Мониторинговые социологические исследования ИСПИ РАН «Россия. Центр и регионы» за последние 15 лет вскрывают довольно серьезное негативное отношение населения к судебной власти. Государственным структурам и политическим элитам следовало бы обратить внимание на эти знаковые проценты не дожидаясь известных событий в Кондопоге и станице Куцевской. Исследования показывают, что с задачей не только установить, виновен ли обвиняемый, является ли он взяточником или преступником, но и проинформировать общество об этом судебные власти явно не справляются. От-

¹ См.: Основные направления имиджевой политики Республики Саха (Якутия). Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Якутск, 2007. С.275.

сюда и те негативные показатели социологических опросов, которые в режиме мониторинга с 1995 г. получает Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН. Самый высокий показатель доверия к судебной власти был именно 1995 г., хотя и тогда ей доверяло всего 16% от числа опрошенных. Показатель недоверия все эти годы остается очень высоким и колеблется от 59% в начале осуществления проекта до 64-74% в последующих годах (см. табл. 1).

Таблица 1

**Динамика отношений респондентов к органам правосудия:
милиция, суд, прокуратура
В % к числу опрошенных**

Год	Доверяю	Не доверяю	Никому не доверяю
1995, январь	16	59	25
1997, январь	10	66	35
1998, декабрь	11	74	27
1999, ноябрь	12	70	32
2000, май	13	72	23
2000, декабрь	15	70	27
2001, декабрь	12	70	19
2002, декабрь	10	68	17
2003, октябрь	11	73	19
2004, июнь	9	72	18
2004, декабрь	9	72	21
2005, сентябрь	12	64	23
2006, январь	11	71	22
2006, июнь	11	76	18
2007, январь	11	75	15
2007, июль	9	75	18
2008, февраль	11	73	17
2008, ноябрь	13	69	17
2009, июль	15	68	17
2009, декабрь	13	69	18
2010, июнь	15	68	17

Источник: Россия: Центр и регионы. Вып. 19–21. М., 2007–2009; «Наука. Культура. Общество». 2010, №3. С.30, 31. Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Все основные негативные тенденции, обозначившиеся на рубеже 2000 г., сохранили или усилили свое проявление. За последние годы доверие населения к милиции, суду и прокуратуре снизилось, т.е. можно сказать, что деятельность судебной власти на протяжении длительного времени, по оценке граждан, является дисфункциональной.

Имидж судебной власти является внешним отражением, показателем деловых и нравственных качеств людей ее представляющих. Имидж суда есть своеобразный идеальный образ, который стихийно создается через

восприятие его различными социальными группами. Здесь необходимо учитывать особенности восприятия разных социальных групп, региональную специфику, национальные традиции, сложившийся набор ценностей и норм поведения. Судебный имидж формируется в результате специализированных действий и зависит от стиля и содержания деятельности руководителей, от характера действий отдельных судей и сотрудников аппарата суда. На практике это означает, что судья при исполнении своих полномочий, а также во внеслужебных отношениях, должен избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти, достоинство судьи или вызвать сомнение в его объективности, справедливости и беспристрастности. На имидж судебной власти оказывает влияние исполнение судебных решений.

Отрицательно сказывается на имидже суда отсутствие у населения традиции правового регулирования межличностных и институциональных споров. Последнее связано с невысокой правовой культурой населения, длительное время не востребованной, а поэтому и не сформированной на должном уровне.

По мере развития информационного общества укрепление имиджа судебной власти все более начинает зависеть от работы средств массовой информации. Эта работа должна быть ориентирована на интересы народа, общественности, для обеспечения адекватного информирования и широкого просвещения населения. Мощным средством повышения имиджа судебной власти являются ведомственные средства массовой информации.

Однако действенность пропагандистской работы ведомственных СМИ затрудняется тем обстоятельством, что нарушение моральных принципов и ценностей в общественной жизни современного российского общества, распространение агрессии, нетерпимости и эгоизма препятствуют поддержанию правопорядка силами граждан или делает это практически невозможным. Так, по данным исследования ВЦИОМ, из числа опрошенных граждан больше половины (54%) считают для себя возможным нарушить закон, в то время как 42% заявили, что закон нельзя нарушать ни в коем случае¹. Укоренившийся в общественном сознании правовой нигилизм является серьезной проблемой, препятствующей построению правового общества, негативно воздействует на позитивное восприятие деятельности органов правосудия. На это указывал Президент Российской Федерации Д.А.Медведев.

Сам факт обращения в средствах массовой информации к проблемам репутации судебной власти как на федеральном, так и на региональном уровне свидетельствует, с одной стороны, о том, что институты этой ветви власти, ее немалая научная общественность обладает современным пониманием значимости публичной политики для эффективного реагирования; с другой – авторитет судебной власти, ее позитивный имидж дает важные импульсы к укреплению социального согласия и устойчивого развития. В то же время и мировой, и повседневный российский опыт показывают, что там, где налицо кризис духовных и моральных ценностей,

¹ См. Об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел РФ. Материалы социологических исследований 2008 г. // «Наука. Культура. Общество». 2010, №1. С.146.

граждане оказываются один на один в борьбе против преступности. После прогремевшей на всю страну станицы Куцевской Краснодарского края, добавившей значительное количество негатива в имидж судебной власти, новости о разоблачении новых ОПГ, повязанных с правоохранительными и судебными органами, едва ли не каждый день взрывают информационное пространство. Зачастую к криминальным разборкам присовокупляются политические разногласия, усугубляя ситуацию и разворачивая информационную войну, в том числе и против государственных структур.

Социальную имиджевую роль, в которой персонифицируются ожидания населения, выполняет судья. Он как бы – эталонный гражданин государства, воплощающий в себе и представляющий наглядно систему сложившихся в обществе ценностей. Общество воспринимает суд как один из субъектов, принимающих участие в созидании общественной политической культуры. Именно поэтому суд обладает в глазах всего населения авторитетом.

Авторитет – это не только форма воплощения силы, могущества, это, прежде всего, преимущество, основанное на большей зрелости одного человека перед другим, или же на его более высоком статусном положении. Авторитет судьи зависит от многих составляющих, но, прежде всего, от выносимого преступнику приговора.

От судьи требуется быть справедливым и по справедливости выносить наказание. Каждый судья должен обладать нравственной чуткостью и глубоким знанием человеческой души, чтобы в достаточной степени индивидуализировать наказание, имея в виду, что в процессе рассмотрения того или иного дела судья, и только судья дает толкование норм права. В особенности недопустимы наказания, понижающие нравственный уровень личности.

Приговор суда значим в глазах общества не столько потому, что имеется писанный закон и он поддерживается силой исполнительной власти, сколько потому, что он выражает ожидания общества и является оценкой, маркирующей поступок от его имени. В традиционных демократических обществах суд нередко опирается не только на писанный закон, но и на неписанный. Он, трактуя конституцию, осуществляет прецедент, имеющий в дальнейшем значение для других судов.

Судебный прецедент обладает качеством справедливости именно по той причине, что выражает авторитетную для общества нравственную оценку поступка. Суд имеет авторитет не только и не столько потому, что «взвешивает» поступок на весах писанного закона, сколько потому, что через созданный им прецедент он является «творцом» общего порядка жизни и устанавливает меру в противоречащих друг другу личных интересах индивидов и их взаимоотношениях.

Актуальность проблемы формирования имиджа судебной власти обусловлена накопившимися нерешенными задачами формирования имиджа государства в целом. Имидж государства в совокупности – это имидж его государственной власти: законодательной, исполнительной, судебной; это имидж экономики и промышленности, вооруженных сил и правоохранительных органов, социальной сферы, науки, искусства, спорта. Имиджевая привлекательность судебной власти во многом зависит от реаль-

ного состояния российского общества. В первую очередь, она связана с эффективной деятельностью самих органов суда и прокуратуры, полноценным выполнением ими своих функций.

Конечно, за короткое время в современной России не удастся восстановить положительный имидж судебной власти и непосредственно судей и прокурорских работников. Но меры по формированию позитивного имиджа все равно нужно предпринимать, и это со временем даст свои плоды. Сегодня без позитивного образа обойтись практически нельзя ни одной структуре органов власти, поэтому вопросами формирования позитивного имиджа судебной власти государству следует заниматься постоянно и целенаправленно.

Таким образом, имидж судебной власти в условиях активизации внимания этим органам со стороны широкой общественности требует поиска новых, адекватных ситуаций политических подходов, использования самых широких информационных каналов, применения более эффективных средств и связей с общественностью.

Список литературы

1. *Замахина Т.* Война откатам. Президент избавит госзакупки от коррупции и обеспечит их инновационность // «Московский комсомолец». 2010, 30 ноября.
2. *Комаровский В.С.* Имидж // Социологическая энциклопедия. В 2 т. Т. 1. М., 2003. С. 350–351.
3. «Любой суд над высшими должностными лицами государства должен быть открытым». Беседа Е.Павлова с Председателем Национального антикоррупционного комитета К.Кабановым // «Московский комсомолец». 2009, 9 февраля.
4. О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд. Федеральный закон от 21 июля 2005 г. №94-ФЗ.
5. Об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел РФ. Материалы социологических исследований 2008 г. // «Наука. Культура. Общество». 2010, №1. С.146.
6. Основные направления имиджевой политики Республики Саха (Якутия). Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Якутск, 2007. С.275.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АРХИВ

ИНФОРМАЦИЯ

Уважаемые читатели!

Сообщаем Вам, что наш журнал открывает новую постоянную рубрику «Социологический архив», в которой предполагается знакомить читателей с интересными исследованиями и важными событиями в жизни социологического сообщества прошлых лет. В частности, в настоящее время готовятся публикации о работе «закрытого» отдела Института социологических исследований АН СССР (отдел социологических проблем пропаганды). Будут опубликованы воспоминания ветеранов «социологической работы», интервью с ними, с руководителями и участниками крупномасштабных социологических исследований и т.п.

Первая публикация посвящена важному событию в жизни советских социологов: Первому Всесоюзному совещанию по совершенствованию социологических исследований в стране, проведенному в ноябре 1984 г. в Киеве. Ранее об этом совещании были помещены материалы в книге «Социология и власть. Сборник 3» (документы 1973–1984 гг., М., 2003) и в некоторых других работах. Мы публикуем текст Постановления секции общественных наук Президиума АН СССР, посвященного реализации рекомендаций вышеупомянутого совещания, который еще не публиковался.

Редсовет и редколлегия журнала выражает надежду, что эта инициатива будет поддержана не только российскими социологами, но и социологами стран СНГ.

Уважаемые читатели, ждем Ваших материалов.

Редсовет и редколлегия журнала.

**Секция общественных наук Президиума АН СССР
о реализации рекомендаций
1-го Всесоюзного совещания
по совершенствованию социологических исследований в стране**

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Секция общественных наук Президиума АН СССР на своем заседании 22 января 1985 г. рассмотрела вопрос о реализации рекомендаций 1-го Всесоюзного совещания по совершенствованию социологических исследований в стране, состоявшегося в ноябре 1984 г. (г. Киев).

Заслушав и обсудив сообщение директора ИСИ АН СССР профессор В.Н.Иванова, Секция общественных наук постановляет:

1. Просить Минвуз СССР, Госкомитет СССР по труду и социальным вопросам принять необходимые меры для создания четко действующей си-

системы подготовки и переподготовки высококвалифицированных кадров социологов, Институту, социологических исследований АН СССР, ССА оказывать всемерную помощь в этом всем заинтересованным организациям.

1.1. Считать целесообразным открыть в 1985–1986 гг. отделения прикладной социологии в Киевском и Тбилисском университетах, а в последующие годы в некоторых других университетах.

1.2. Считать основной формой подготовки кадров социологов, занятых на промышленных и агропромышленных предприятиях, обучение их на спецфакультетах, аналогичных созданному на философском факультете МГУ. Просить Минвуз СССР подготовить предложения об открытии таких спецфакультетов в других университетах страны.

1.3. Поручить ССА АН СССР организовать на базе региональных отделений ССА постоянно действующие школы для переподготовки штатных и нештатных работников социологических служб предприятий, а также работников других предприятий и учреждений, ведущих социологические исследования.

Считать целесообразным разработать положение о «Школе социологов», а также соответствующую программу обучения.

1.4. ССА всемерно использовать все существующие формы повышения квалификации социологических кадров (постоянно действующие семинары, курсы, проведение социологических чтений, научно-практические конференции и т.д.)

1.5. Использовать возможности отраслевых и ведомственных ИПК для повышения социологической подготовки хозяйственных руководителей промышленных предприятий. Разработать для ИПК спецкурс по прикладной социологии.

1.6. В целях углубления представлений о реальных возможностях прикладной социологии у хозяйственных руководителей, развития у них социологического мышления запланировать проведение ряда мероприятий пропагандистского характера: выступление руководителей предприятий с эффективно действующими службами социального развития в центральной печати («Правда», «Известия», «Советская Россия» и т.д.) ИСИ и ССА согласовать с Центральным Телевидением и подготовить круглый стол на тему: «Социальная и экономическая эффективность служб социального развития на промышленных предприятиях» с участием директоров и руководителей крупнейших социологических служб страны.

1.7. ССА предусмотреть регулярное проведение «Дня директора» в региональных отделениях ССА, предусматривающих обмен опытом деятельности социологических служб различных предприятий.

2. Принять меры по подготовке и изданию учебников и учебных пособий по прикладной социологии. В связи с этим поручить ИСИ совместно с Минвузом СССР и другими заинтересованными организациями:

2.1. Разработать план подготовки учебников и учебных пособий и представить его в РИСО АН СССР не позже 1 марта 1985 г.

2.2. Утвердить авторские коллективы и определить сроки каждого издания.

2.3. Принять меры к оперативному изданию уже подготовленных к печати учебников и учебных пособий и монографий по прикладной социологии для заводских социологов.

2.4. Увеличить лимит бумаги для ИСИ в связи с подготовкой учебников и учебных пособий на 60 п.л. в год, начиная с 1985 г.

2.5. Разрешить ИСИ АН СССР издать ротопринтным способом учебные пособия по спецкурсам, читаемым на отделении прикладной социологии в МГУ.

2.6. Просить отдел пропаганды ЦК КПСС увеличить периодичность выхода журнала «Социологические исследования» (6 раз в год).

2.7. Поручить ИСИ АН СССР подготовить предложения о дополнительном издании переводной литературы по социологии.

3. Поручить ИСИ разработать предложения по обеспечению унификации методик, используемых при проведении социологических исследований в различных регионах страны. В связи с этим:

3.1. С помощью ИСИ и других ведущих социологических центров страны обеспечить экспертизу исследовательских методик, используемых в региональных исследованиях.

3.2. Обратиться в крупнейшие социологические центры (в Москве, Ленинграде, Свердловске, Новосибирске, Киеве, Хабаровске, Тбилиси, Таллине) с предложением о создании экспертных комиссий по методикам социологических исследований.

3.3. Предложить соответствующим органам в центре и на местах не разрешать проведение социологических исследований любого уровня, не имеющих визы экспертных комиссий соответствующих социологических учреждений.

3.4. Привлечь к процессу унификации и экспертизы исследовательских методик отделения и филиалы ССА, а также региональные научно-исследовательские секции ССА.

4. Разработать предложения поэтапной организации Всесоюзной социологической службы, обратив особое внимание на:

4.1. Создание четкой теоретической концепции такой службы, ее целей, задач, функций, структурной организации.

4.2. Обобщение опыта уже созданных региональных и отраслевых социологических служб.

4.3. Скорейшее завершение и утверждение в Госкомитете по труду и социальным вопросам Положения о социологической службе промышленного предприятия.

5. ИСИ и ССА разработать предложения о создании в стране сети интервьюеров и банка эмпирических данных.

6. Считать целесообразным проведение не реже одного раза в два года научно-практических совещаний по развитию социологических исследований в стране.

7. ИСИ подготовить предложения о проведении в 1986 г. II Всесоюзного совещания по данному вопросу.

8. Оказать необходимую помощь ССА в решении кадровых и финансовых вопросов.

9. ИСИ подготовить предложения о создании Совета по совершенствованию социологических исследований при Секции общественных наук Президиума АН СССР.

КЛАССИЧЕСКАЯ И СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ: Э.ГИДДЕНС, Ю.ХАБЕРМАС, П.БУРДЬЕ¹

Дайджест подготовлен И.Б.ОРЛОВОЙ и Т.И.ШУМИЛИНОЙ по материалам книги S.APPELROUTH and L.DESFOR EDLES «Classical and Contemporary Sociological Theory». USA, 2008.

Продолжаем знакомство с новой книгой американских авторов С.Аппельроут и Л. Десфор Эдлис «Классическая и современная социологическая теория»². Во 2-м и 3-м номерах журнала были опубликованы разделы, посвященные Энтони Гидденсу (часть I) и Юргену Хабермасу (часть II). В данном номере речь пойдет о Пьере Бурдьё (часть III).

Поясним читателю, пропустившему две предыдущие части, что авторы представляемой книги объединили названных ученых по принципу наибольшего вклада в выработку *многомерного теоретического видения социальной жизни*. Все три теоретика – Э.Гидденс, Ю.Хабермас и П.Бурдьё – каждый по-своему, работали на преодоление одностороннего подхода в социальной теории, на сочетание субъективистской и объективистской, сознательной и бессознательной, макро- и микро- ориентации. Ученые представили свое интегративное теоретическое видение, в котором обосновано фундаментальное единство человеческой практики, непровопоставление объекта и субъекта, материального и символического, макро- и микроанализа социальных явлений.

Часть 3 ПЬЕР БУРДЬЕ (1930–2002)

Краткий биографический очерк. Пьер Бурдьё родился в 1930 г. в Денгине, небольшой деревушке на юго-западе Франции в достаточно скромной по средствам семье. Одаренность и трудолюбие позволили ему поступить в элитные учебные заведения. В 1951 г. – в престижную Эколь Нормаль Сюперьёр (SNS), старинную кузницу французских интеллектуалов. В их числе были Морис Мерло-Понти, Мишель Фуко, Жань-Поль Сартр, Луи Альтюссер, которые как затем и Бурдьё, развивали марксистское на-

¹ Продолжение. Начало см. «Наука. Культура. Общество». 2010, №2, №3. С.147–158.

² Scott Appelrouth and Laura Desfor Edles. Classical and Contemporary Sociological Theory.

Ch. 16. Contemporary Theoretical Syntheses. California State University, Pine Forge Press, USA, 2008.

правление в теории. Но будучи провинциалом, не принадлежавшим к кругу парижской интеллектуальной и культурной элиты, Бурдьё остро воспринимал те преимущества, которыми обладали его однокашники из высших слоев общества. Это породило в Бурдьё чувство протеста против существующего порядка, некое «острое желание реванша», направленное против парижской интеллектуальной элиты. И хотя сам Бурдьё был его весьма успешным продуктом, он стал неумолимым критиком французской системы образования и той ауры меритократии, посредством которой она себя утверждала. Он много писал о враждебности высших классов, по отношению к людям среднего и низшего классов, враждебности, которая укоренилась не только в системе образования, но и в таких областях как искусство, спорт и даже в пище. Во многих своих работах, таких, например, как «Наследники» (*The Inheritors*, 1964), «Различие» (*«Distinction»*, 1979) и «Государственная аристократия» (*«The State Nobility»*, 1989) Бурдьё ясно показывает, что именно образование и культурные вкусы являются главными факторами создания различий между социальными классами и воспроизводства этих классовых различий.

Бурдьё выдержал свою «агрегацию» – трудный конкурсный экзамен – по философии в 1955 г. и стал преподавателем философии в средних учебных заведениях во французской провинции. Однако три года спустя он был призван на военную службу и направлен в Алжир для участия в подавлении вооруженной борьбы алжирцев против французского господства.

Подобно многим французским интеллектуалам Бурдьё выступал против французской колониальной войны, и его военный опыт оказал на него глубокое влияние. После военной службы Бурдьё еще оставался в Алжире для чтения лекций в Алжирском университете и проведения этнографических исследований племенной жизни, сельских общин и промышленных рабочих. Проводя широкие интервью с местными жителями и рабочими-мигрантами и сделав сотни фотоснимков, Бурдьё, прибывший в Алжир философом, вернулся во Францию в 1960 г. самостоятельным выучившимся антропологом.

По возвращении во Францию Бурдьё стал посещать лекции в Сорбонне, где изучал антропологию и социологию у Раймона Арона, одного из ведущих социологов Франции. В 1962 г. он получил должность в университете Лилля, а два года спустя – на факультете в Высшей практической школе в Париже. Будучи противником ортодоксальных правил Бурдьё отказался выполнить работу на получение докторской степени, что является стандартным требованием для всех претендентов, добивающихся кафедры во французских университетах.

В 1968 г. в самый разгар протестных политических студенческих выступлений во многих странах Западной Европы, Бурдьё ушел от Арона и основал свой собственный исследовательский Центр социологии образования и культуры. Последовал целый поток его публикаций. В 1970 г. в соавторстве с Жан-Клодом Пассероном (J.-C. Passeron) он издает работу «Воспроизводство в образовании, обществе и культуре» (*«Reproduction: in Education, Society and Culture»*), которая считается сейчас классической в области социологии образования. За ней последовала работа «Разделение» (*«Distinction»*, 1979), отмеченная как шестая по значимости в числе социально-научных работ XX в. в обзоре Международной социологиче-

ской ассоциации (ISA); работа «Логика практики» («The Logic of Practice», 1980) заняла четвертое место в том же обзоре. Кроме того, им были опубликованы: «Очерк практической теории» («Outline of a Theory Practice», 1972), «Социология под вопросом» («Sociology in Question», 1980)¹, «Язык и символическая власть» («Language and Symbolic Power», 1982), «Homo Academicus (1984) и десятки статей, рассматривающих широкий спектр методологических, философских и других проблем. В 1975 г. Бурдьё основал реферативный журнал «Actes de la recherche en sciences sociales» («Научные труды в области социальных наук»), а в 1981 г. он был избран профессором социологии в Коллеж де Франс на должность, прежде занимаемую Ароном.

Бурдьё занимал господствующее положение в интеллектуальной жизни Франции в течение 1980-х и 1990-х гг. Он продолжал плодотворно работать, опубликовав свои «Критерии искусства» («The Rules of Art») и широко известную работу «Приглашение к рефлексивной социологии» («An Invitation to Reflexive Sociology», написанную им в соавторстве с Лоиком Ваканом² в 1992 г.). В 1993 г. были опубликованы еще две книги: «The Field of Cultural Production» и «The Weight of the World». В 1993 г. Национальным Центром научных исследований (CNRS) Франции ему была присуждена золотая медаль – высшая награда за интеллектуальный труд. Его последние публикации касаются таких тем, как: мужское владычество, неолиберальный информационный бум, глобализация и телевидение. Его легко узнавали на улицах и кафе по всей Франции, особенно после того, как в 2000 г. он выступил в главной роли в документальном фильме «Социология – это боевое искусство» («Sociology is a Martial art»). Слава Бурдьё была необычной для интеллектуала. Он скончался от рака в январе 2002 г., опубликовав более 40 книг и сотни статей, изданных на разных языках.

Интеллектуальное влияние и основные идеи

Творчество Бурдьё отражает попытку преодолеть «дуализм», который во многом вредит социальной теории. Он разработал теоретический подход, который, объясняя человеческое поведение, принимает во внимание, с одной стороны, объективные или внешние социальные силы, формирующие установки и стили поведения, с другой стороны, субъективные взгляды индивида, его восприятие мира и его действия. Кроме того, он ввел в социологический лексикон целый ряд новых понятий, таких, например, как **культурный и символический капитал, поля, хабитус, символическое насилие** и многие другие. Его понятийный словарь свидетельствует о междисциплинарном влиянии, поскольку он черпает понятия не только из арсенала социологии, но также из антропологии и философии. Помимо влияния классиков – Маркса, Дюркгейма и Вебера – его творчество несет на себе отпечаток влияния антропологов Марселя Мосса, Клода Леви-Стросса и целого ряда философов, включая «отца» феноменологии Эдмунда Гус-

¹ Перевод названий работ Бурдьё сделан по их заглавиям.

² Loïc Wacquant.

серля и многих его последователей, в числе которых особенно следует отметить Мартина Хайдеггера, Альфреда Шюца, Мориса Мерло-Понти и экзистенциалиста Жан-Поля Сартра. Наконец, важные аспекты теории Бурдьё были разработаны как реакция на структурно-марксистскую философию Луи Альтюссера, его учителя в Эколь Нормаль.

Бурдьё многое берет для себя из работ этих ученых, но не принимает их идей целиком, напротив, он использует собственный багаж концептуальных средств. Таким образом, напролет, он использует собственный багаж концептуальных средств. Таким образом, напролет, он использует собственный багаж концептуальных средств. Таким образом, напролет, он использует собственный багаж концептуальных средств.

Хабитус

Стремясь объединить объективистский и субъективистский подходы, Бурдьё ввел понятие *хабитус*, которое он начал разрабатывать еще в своих антропологических исследованиях в Алжире. *Хабитус* – это своеобразный умственный (мысленный) фильтр, структурирующий восприятие, жизненный опыт и поведение индивидов так, что окружающий мир приобретает «само собой разумеющийся», естественный характер. Это понятие характеризует «диспозиции» (склонность к определенному типу поведения) или «ментальные структуры» индивидов, посредством которых познается социальный мир. Иными словами, именно *хабитус* позволяет индивидам определить «понимание собственного места» в социальном мире или выработать «точку зрения», объясняющую как собственные действия, так и действия других индивидов. Однако, в качестве «образа жизни» *хабитус* формирует не только интерпретативные схемы и мысли индивида – т.е. его разум – но и его физические особенности, присущие ему как живому организму, создавая тем самым «естественное предрасположение» к выполнению широкого круга движений, включая осанку, походку и пластику.

Хабитусы – это обобщенные признаки различающихся образов действий. Например, то, что рабочий ест (а, в особенности, как он ест), каким видом спорта он занимается, каковы его политические убеждения и каким способом он их выражает, характеризует его систему действий, отличающихся от соответствующих видов действий владельца завода. Но *хабитусы* – это также и классифицирующие схемы, принципы классификации, принципы видения и разделения мира, различные склонности. Они позволяют устанавливать различия между хорошим и плохим, истинным и ложным и т.д., но эти различия не являются одинаковыми. Так, например, одно и то же поведение или даже одно и то же положительное качество может представляться изысканным и безупречным одному, претенциозным – другому, и показным и ничего не стоящим – третьему.

Источником понятия *хабитус*, разработанного Бурдьё, является феноменологическая теория Гуссерля и такое понимание социальной жизни, которым подчеркивается ее **активное построение**, попытки индивидов управлять своей повседневной жизнью. Однако Бурдьё идет значительно

далее, показывая, что индивиды не создают свои «диспозиции», а, напротив, приобретают их. Таким образом, его толкование понятия *хабитус* содержит не только критику концепции Гуссерля, но и Жан-Поля Сартра, господствующего в интеллектуальной и политической жизни Франции. Философ-марксист, писатель и драматург – Сартр в своем творчестве и активной политической деятельности стал образцом «абсолютного интеллектуала», которым он был в течение трех десятилетий. Наиболее примечательным в философии Сартра является утверждение, что «человек обречен быть свободным» в мире, лишенном смысла или цели. Однако, именно эта бессмысленность и бесцельность обеспечивает индивиду возможность выработки своего «подлинного» Я, т.е. такого потенциала, который он определяет как «первый принцип экзистенциализма»: «Человек не является ничем иным как тем, чем он сделал себя сам». Для Сартра сознание не определяется социальной средой индивида; напротив, индивиды обладают способностью стремиться к такому существованию, которое они свободно выбирают. В конечном итоге только сами индивиды являются ответственными за то, чем они захотели быть.

Однако сколь ни притягательными были для Бурдьё феноменология и экзистенциализм, он утверждает, что *хабитус* является не просто психическим или внутренним ориентиром, который формирует установки, восприятия, вкусы и «склонности» индивидов; не объясняется он также волей или недетерминированным сознанием индивидов; напротив, *хабитус* представляет собой восприятие внешних объектов, «интернализацию экстернальности» («*internalization of externality*»).

Предрасположенность индивида к определенному типу поведения, по Бурдьё, определяются его положением в социальном пространстве, которое структурируется двумя принципами дифференциации: экономическим капиталом и культурным капиталом¹. Понятие «**экономический капитал**» представляют материальные ресурсы: богатство, земля, деньги, – которыми мы управляем или же обладаем. **Культурный капитал** представляют нематериальные блага, такие как образование, виды знания и специальности, красноречие (дар вести споры, излагать мысли и т.д.), эстетические предпочтения, которые могут быть преобразованы в экономический капитал. Именно эти две формы капитала и образуют ту «экстернальность», которая «интернализуется» через посредство *хабитуса*, образуя то социальное пространство, в котором вырабатываются точки зрения. В этом социальном пространстве индивиды позиционируются относительно друг друга, во-первых, в соответствии с общим объемом капитала, которым они обладают, а, во-вторых, в соответствии с относительным размером их экономического и культурного капитала. Более того, чем ближе индивиды находятся друг к другу по размерам и типам капиталов, тем больше между ними общего (т.е. тем больше совпадают их стили жизни, вкусы и стремления); тогда как чем больше они отстоят друг от друга в социальном пространстве (т.е. чем менее схожи они между собой по составу капитала) тем меньше между ними общего. Таким образом, чем больше сход-

¹ Bourdieu, 1998.

ства один индивид обнаруживает с другим, тем больше совпадает их положение в социальном пространстве. Но это не является прямым результатом того, что оба они обладают сходным количеством денег или же сходным образовательным багажом, но скорее вследствие сходства их *хабитуса*, который каждый приобрел, благодаря сходству их положения в социальном пространстве.

Таким образом, *хабитус – это структурированная матрица, которая в свою очередь структурирует наши взгляды и действия в окружающем мире*. Прежде всего, в качестве матрицы или структуры восприятий, диспозиций и действий *хабитус* «генерирует и организует поведение и представления» – он структурирует опыт индивида и его отношения к социальному миру. Тот процесс социализации, который индивид проходит в раннем детстве, оказывает особенно сильное воздействие на формирование *хабитуса*, поскольку закладывает основу понимания социального мира и структурирования будущего опыта. Бурдьё отмечает, что *хабитус* – это система длительных и устойчивых диспозиций, которая «стремится обеспечить свое собственное постоянство и защиту от перемен путем отбора новой информации и отбраковывания той информации, которая способна поставить под сомнение уже накопленную. Посредством систематического «отбора» наиболее часто встречающихся позиций, событий и людей *хабитус* стремится защитить себя от различного рода критических состояний и вызовов, создавая себе среду, к которой он наилучшим образом заранее адаптирован¹.

Однако, как структура *хабитус* сам структурируется позицией, занимаемой индивидом в социальном пространстве, которое определяется объемом и типом обладаемого капитала. Выступая в качестве продукта объективной позиции в социальном пространстве, *хабитус* включает систему объективно детерминированных действий (практики, опыта), которые отражают возможности или «жизненные успехи», связанные с данной социальной позицией. Таким образом, *хабитус* – это «ставшее настоящим прошлое» («present past»), возникшие в результате длительного процесса накопления жизненного опыта, характерного для данной социальной позиции.

Бурдьё объясняет понятие *хабитус как слияние структуры и действия*: «объективные структуры стремятся создать структурированные субъективные диспозиции и выработать структурированные действия, которые, в свою очередь, направлены на воспроизводство «объективной структуры»². Однако для Бурдьё главным непреднамеренным результатом такого кругового процесса является легитимация и воспроизводство стратифицированного социального порядка, который создает преимущества для одних социальных групп и лишает преимуществ другие группы. Поскольку *хабитус* индивида структурируется существующим распределением экономического и культурного капитала, стремления и ожидания, которые оно порождает, будут соответствовать тому, что является объективно доступным индивиду, исходя из его классовой позиции. Объективно существующие возможности достижения успеха или же вероятность неудачи транс-

¹ Bourdieu, 1990.

² Bourdieu and Passeron, 1977.

формируются в субъективную оценку «восприятия собственного места». Индивид, родители которого добились успеха в жизни, имеют университетское образование, профессионалы или служащие корпораций сам надеется добиться успеха, стать профессионалом с университетским дипломом или же руководящим служащим корпорации и более, чем вероятно, он не пожелает стать рабочим мебельной фабрики. С другой стороны, человек, члены семьи которого в течение многих поколений занимались ручным трудом, вероятнее всего будет надеяться выполнять такую же работу, трезво полагая, что работа служащего-профессионала или врача *находится за пределами его возможностей. И, в результате, такая интернализированная* индивидом оценка объективно возможного и невозможного, разумного и неразумного, достижимого и недостижимого способствует формированию стремлений и действий, которые воспроизводят объективно существующие реальные структуры, порождающие мир неравных возможностей. Таким образом, ***хабитус увековечивает структурное неравенство в течение многих поколений, адаптируя ожидания и поведение индивидов к социальному пространству, построенному на неравном распределении ресурсов.***

Такое дискриминационное проявление сущности хабитуса обнаруживается не только применительно к жизненным успехам и карьерным устремлениям, но и в широких возможностях выбора стиля жизни. Например, лица с сравнительно небольшим экономическим капиталом, но обладающие значительным культурным капиталом, по-видимому предпочитают одинаковую пищу, читают одинаковые по своему характеру книги, слушают одинаковую музыку, говорят на одном языке, используя одинаковый словарный запас, занимаются одинаковыми видами спорта, и разделяют одинаковые политические взгляды. Такое сходство в предпочтениях является результатом разделяемой ими общей точки зрения, дающей возможность тем, кто занимает это социальное пространство, усвоить общий код, позволяющий им понимать различия, существующие, например, между Моцартом и Бетховеном, романами Джеймса Джойса и Джозефа Конрада, живописью Моне и Мане или же между марками вина. Те же, кто занимает другие позиции в социальном пространстве, например те, кто располагает незначительным экономическим и культурным капиталом, вряд ли подвергнутся такой социализации, которая наделит их категориальными схемами, позволяющими оценить такие различия.

В получившей широкую известность работе «Distinction» («Различение») Бурдьё провел анализ различных схем восприятия социального мира, включая и произведения искусства. На основе интервью и анкет он обосновал различные формы понимания произведений искусства, соответствующие классовому положению респондентов¹.

¹ Например, когда респондентов просили проанализировать фотографию пожилой женщины, особенно ее руки, представители рабочего класса охарактеризовали ее в повседневных обычных выражениях, лишенных ярковыраженного эстетического суждения: «У нее ужасно деформированы руки. Как будто они поражены артритом. Тяжело видеть руки этой старой бедной женщины». Респонденты, принадлежавшие к более привилегированному классу, описали фотографию в более абстрактных выражениях, которые отражают их отдаленность от нужд повседневной жизни и наличие у них

Анализируя оценки фотографий, данные респондентами, занимающими разное положение в социальном пространстве, Бурдьё показывает также, как обладание эстетическим кодом – т.е. культурным капиталом (позволяющим соответствующим образом понимать и оценивать произведения искусства, изысканную кухню, игру в гольф и т.п.) является не только вопросом эстетических предпочтений и вкусов индивида. Поскольку различие стилей жизни и знания являются продуктом иерархически упорядоченных позиций в социальном пространстве, они также являются иерархически упорядоченными. В классовых обществах имеет значение, предпочитает ли индивид посещать музеи или же просиживать перед телевизором, бывать на соревнованиях по теннису или же на автомобильных гонках. Тогда как первого считают «интеллектуалом» и рафинированным, второго – непритязательным, с примитивными вкусами. В результате, **вкусы символически обозначают социальные позиции**, с которыми они связаны – а также и самих индивидов, которым они присущи – как высокие или более низкие, **и служат для легитимации существующего социального неравенства**. Даже то, как индивид пользуется своим столовым прибором во время еды, может указывать на тот культурный капитал, которым он обладает; и «культурные» родители, которые признают символическое значение поведения за столом, часто указывает своим детям на необходимость воздержаться от использования ножа и вилки, как это делает «пещерный человек».

Социальное воспроизводство

Хотя толкование Бурдьё понятия хабитус отвечает главной теме дискуссии, которая уже давно развернулась в социальных науках, а именно, взаимосвязи между действием и структурой – он объединяет свои концепции хабитуса и культурного капитала, чтобы обратиться к рассмотрению другой проблемы: каким образом происходит воспроизводство общественного устройства от поколения к поколению, сохраняя при этом его социальную стабильность. Отвечая на этот вопрос, Бурдьё многое заимствует у Маркса, Дюркгейма и Вебера и строит новое объяснение процесса социального воспроизводства. обстоятельный анализ культурного капитала и его накопления посредством социализации и образования является одним из его наиболее ценных вкладов в социальную теорию.

Подобно Марксу, Бурдьё считает, что **современные общества построены на отношениях власти**. Утверждая, что «экономический капитал лежит в основе всех остальных типов капитала», Бурдьё разделяет позицию Маркса (и марксизма вообще), особо подчеркивая классовую обусловленность форм господства. Экономический капитал (деньги-собственность) обеспечивает средства для приобретения других форм капитала, в том числе и культурного. Освобождая от насущных забот о материальном

эстетического кода, требуемого для надлежащей оценки произведения искусства: «Это прекрасная фотография. Она символизирует тяжелый труд. Она напоминает мне старую служанку у Флобера. И, особенно, поза женщины, очень смущенная... Ужасно, что труд и бедность так уродуют...» (Бурдьё, 1984).

существовании, экономический капитал обеспечивает человеку возможности использовать его для других целей, удовлетворяя его различные вкусы (путешествовать, посещать музеи, оперные театры и т.д.), т.е. «познавать мир» и тем самым подтверждать тот привилегированный статус, который ему даруется. Являясь особенно важным в процессе социального воспроизводства, экономический капитал может легко передаваться последующим поколениям через систему наследования. Конечно, гораздо легче передать свои деньги членам своей семьи, чем свой культурный капитал в виде знаний и эстетических предпочтений. Более того, ценность специфических вкусов может оказаться неустойчивой, она может колебаться в пределах сравнительно короткого периода времени. Тогда как деньги остаются устойчивым признаком развитых обществ.

Хотя Бурдьё и утверждает, что классовые отношения образуют основу современных иерархически организованных обществ, и что экономический капитал является наиболее важной и ценной формой капитала, его анализ социального воспроизводства во многом отстает от традиционных марксистских интерпретаций. Марксистская социальная теория обычно отводит второстепенную, производную роль внеэкономическим сферам. В то же время Бурдьё утверждает, что одни только экономические ресурсы не образуют социальное пространство различных позиций. Также деньги и собственность не являются единственными средствами для выражения и поддержания отношений господства и подчинения. Кроме того, в дополнение к культурному капиталу, социальные позиции обеспечиваются **социальным капиталом**, к которому относятся **сети контактов и знакомств**. Их можно использовать для сохранения или улучшения социальной позиции. (Например, отец вашего друга может написать для вас рекомендательное письмо на посещение лекций в престижном университете, студентом которого он был в свое время). Бурдьё подчеркивает, что социальный капитал обращается в определенных границах социального пространства и тем самым служит для воспроизводства существующих отношений господства и подчинения. Если кто-то вырос и воспитывается в бедной семье в сельской среде, маловероятно, что он будет общаться с служащими высокого ранга, работающими в крупных городах. Тем самым, социальный капитал способствует неизменному сохранению классовой позиции на протяжении поколений, обеспечивая доступ к благоприятным возможностям, которых лишены те, кто не обладает такими ресурсами.

Следовательно, социальная репродукция состоит по существу в воспроизводстве стратифицированных иерархических отношений, не реагирующих на требования радикальных изменений, исходящие от тех, кто занимает подчиненные позиции в социальном пространстве. Обычно это предполагает, что подчиненные социальные группы легитимируют существующую систему отношений, тем самым увековечивая свое подчиненное положение. Подобно Марксу, утверждавшему, что «господствующие в обществе идеи – это идеи правящего класса», Бурдьё понимает отношения господства как искаженные их ложным пониманием, что делает социальную систему невосприимчивой к вызовам и сомнениям.

Согласно Бурдьё, ни один социальный институт не способствует в большей мере воспроизводству классовых отношений, чем институт об-

разования. Система образования поддерживает предопределенный социальный порядок, т.е. разрыв, существующий между учащимися, наделенными неодинаковой величиной культурного капитала. Посредством ряда отборочных процедур эта система отделяет обладателей унаследованного культурного капитала от тех, кто им не обладает. Устанавливая различия в способностях, неотделимых от социальных различий, связанных с унаследованным капиталом, эта система, таким образом, стремится сохранить ранее существовавшие социальные различия¹. В качестве охранителей господствующей культуры университетам вменено в обязанность отделять культурных от некультурных (необразованных). Эта миссия выполняется посредством процедуры подачи заявлений и конкурсных вступительных экзаменов. Претенденты и затем студенты оцениваются в большей степени за то, что они уже знают, а не за то, что они узнают в дальнейшем.

Самое большое, на что способны лучшие университеты – это скрыть связь, существующую между пригодностью к получению университетского образования и унаследованным культурным капиталом – в дипломе, который освящает социальное различие под видом профессиональной компетентности. Очевидно, что такая система обезличенного определения квалификации способствует сохранению социального неравенства, лишь преобразуя его последствия в судьбу с конкретными личностными чертами.

Символические битвы

Хотя экономический, культурный и социальный капитал являются решающими ресурсами, которые формируют и определяют положение индивида в социальном пространстве, а тем самым и его жизненные возможности, Бурдьё утверждает, что эти формы капитала не отвечают полностью за планирование его судьбы или же за воспроизводство социальных отношений в более широком смысле. Напротив, эти формы капитала реализуются символически посредством «войны слов», ставкой в которой является установление исключительного права на трактовку смыслов². В этой «войне» противоборствующие стороны борются за то, чтобы определить, что является справедливым и несправедливым, добрым и злым, верным и ошибочным, честным и продажным. И стабильность общества, и существующие вызовы, господствующий социальный порядок – всё является следствием индивидуального или группового стратегического выстраивания в определенном порядке капитала, находящегося в их распоряжении, для того, чтобы продвинуть свои собственные интересы.

Однако борьба за то, чтобы выдать определенное, особое видение мира за универсальное, не может вестись путем открытого принуждения. Необходимо, чтобы «за кадром» оставались своекорыстные амбиции, расчеты. То есть для того, чтобы всякое действие воспринималось как легитимное, оно должно быть истолковано как незаинтересованное, а не движимое личными интересами. Поскольку стратегия такого «искаженного» толкования осуществляется символическими средствами, **слова**, которые

¹ Bourdieu, 1998.

² Bourdieu, 1990.

используются для того, чтобы определить или придать значение действиям и другим поведенческим проявлениям, **являются инструментами власти**. **Символическая власть – это способность «создания образа мира»** (world making), «способность создавать вещи с помощью слов», используемых в борьбе за установление узаконенного видения социального мира¹. Конечно, не всякий индивид или группа способны пользоваться символической властью для определения «истины». «Способность определять мир – т.е. заставить людей воспринимать его и доверять ему» – зависит от суммы символического капитала (харизмы, авторитета, признания), которым мы обладаем и который, в свою очередь, зависит от результата предыдущих битв, а также от позиции, которую мы занимаем в соответствующем поле.

Символический капитал, которым обладают индивиды и группы это **престиж, почет, репутация, харизма**. Символический капитал представляет собой обращенный (конвертационный) экономический или культурный капитал². Здесь Бурдьё развивает веберовскую концепцию харизмы как источника легитимности и власти. Изучая мировые религии, Вебер исследовал, каким образом харизма проповедников служила основой воздействия их власти и авторитета на приверженцев. Харизма – «дар милостью Божией» – наделяет религиозных проповедников виртуальной магической силой, которая внушает верующим непререкаемое повиновение их приказаниям. Хотя Вебер ограничил толкование харизмы лишь религиозной сферой, Бурдьё утверждает, что харизма действует и проявляет себя и в светской сфере. Деятели искусства, ученые, политики, университетские профессора, журналисты и лица других профессий могут использовать свою харизму или репутацию, приобретенную и укрепленную в соответствующих областях их профессионального опыта в качестве источника властной возможности (права) потребовать повиновения от других. Те, кто обладает символическим капиталом, обладает властью устраивать мир посредством «магической силы», которая преобразует и скрывает то, что является на самом деле эгоистическим выражением экономического и политического господства.

Бурдьё использует термин **символическое насилие**, связывая его с действиями, искажающими понимание реальности. Путем символического насилия непризнаваемое видение социального мира легитимируется – и воспроизводит стратифицированный социальный порядок.

Символическое насилие ведется внутри **«полей»**, которые являются относительно автономными областями, в рамках которых акторы и институты мобилизуют свой капитал в стремлении обеспечить свои доли капитала. Примерами таких «полей» являются искусство, литература, наука, религия, семья и образование. История развития каждого из этих «полей» определяется битвами, происходящими между их господствующей и подчиненной фракциями, поскольку каждая из них стремится либо запретить, либо отвергнуть легитимность существующей социальной практики – т.е. ее статус кво – и значения, которые ей придаются. Например, художники

¹ Bourdieu, 1990.

² Bourdieu, 1990.

и критики в поле искусства ведут непрерывную борьбу по поводу того, что считается «искусством», и чьи работы заслуживают такого признания. Как обычно в такого рода битвах, их участники используют стратегии, соответствующие размеру и типу капитала, которым они обладают. Так, например, художники, критики, организаторы выставок, владельцы галерей, чьи интересы и позиции находятся в соответствии с установившимися, ортодоксальными стилями в искусстве, используют свой символический капитал для осуждения авангардных или «еретических» работ, объявляя их «претенциозными», «непрофессиональными», «несоответствующими духу искусства» или же «коммерческими» (что является худшим из обвинений). Со своей стороны, «новаторы» оспаривают легитимность существующего порядка и его правил, характеризуя работы, им соответствующие, как «избитые», «устаревшие» или «тривиальные». Тогда как первые стремятся **закрепить существующие границы поля**, то вторые, которые могут составить себе имя, только будучи принципиально отличающимися от «причисленных к лику» творцов, стремятся их сломать»¹.

Виды капитала, подобно козырям в карточной игре, представляют собой возможности, которые определяют шансы получения выигрыша в данном поле (каждому полю или какой-либо его области соответствует определенный вид капитала). Например, объем культурного капитала определяет совокупность шансов на выигрыш во всех «играх», где культурный капитал является эффективным, тем самым, способствуя определению позиции его обладателя в социальном пространстве (в той мере, в какой она определяется успехом в культурном поле).

Можно построить упрощенную модель социального поля в его целом, которая позволяет концептуально представить для каждого субъекта его позицию в каждом из возможных конкурирующих пространств (понятно, что хотя каждое поле обладает своей собственной логикой и собственной иерархией, иерархия, которая преобладает среди различных видов капитала и статистическая связь, существующая между различными видами, предписывает свою собственную логику другим полям).

Социальное поле, таким образом, можно охарактеризовать как **многомерное пространство позиций**, в котором каждая фактическая позиция может быть определена в величинах многомерной системы координат, значения которых соответствуют значениям различных релевантных переменных. Субъекты действия распределяются в нем в первом измерении в соответствии с общим объемом капитала, которым они обладают, а во втором измерении – в соответствии с составом их капитала, т.е. в соответствии с сравнительным весом различных капиталов, его составляющих, в общем объеме активов, которыми они обладают.

Классы на бумаге

Анализ Бурдьё моделей стилей жизни как знаков различия, которые раскрывают классовую сущность господства, заимствован в значительной

¹ Bourdieu, 1993.

степени у Вебера и его трактовки понятий **класс и статусные группы**. В отличие от концепции социальных классов марксистов, классы для Вебера не являются реально существующими группами, чей состав определяется существующими отношениями собственности. Напротив, понятие класс относится им к индивидам, которые разделяют общий жизненный успех, определяемый «экономическими интересами, заключающимися в обладании материальными благами и в возможности получения прибыли».

В работе **«Социальное пространство и генезис групп»** (1985) Бурдьё определяет подходы к пониманию социальных классов, делая особый акцент на рассмотрении социальных отношений, складывающихся в пространстве, в пределах которого ведутся постоянные битвы за право определять социальный мир. В особенности объектом его критики становится марксистская теория, рассматривающая классы, как реально существующие группы, мобилизуемые исключительно на основе условий экономического производства. Он противопоставляет ей иную точку зрения, утверждая, что **классы и группы не «существуют» реально; напротив, они являются результатом символических битв, которые стремятся определить и утвердить реальность, существующую только потому, что она определяется теми, кто занимает санкционированное положение для ее утверждения, т.е. теми, кто обладает необходимым социальным капиталом**. Прежде всего к ним относится выразитель интересов группы (класса), который «говорит от имени группы, выступает в защиту интересов группы, утверждает существование данной группы, институционализует ее посредством «магического» действия, присущего любому акту утверждения»¹.

На основе знания и понимания пространства социальных позиций, в нем можно выделить классы, т.е. совокупности субъектов действия, занимающих сходные позиции в этом пространстве, которые, будучи помещенными в сходные условия и подвергнутыми сходным воздействиям, с наибольшей вероятностью будут обладать сходными диспозициями и интересами, а, следовательно, продемонстрировать сходное поведение и усваивать сходные установки. Понятие «класс на бумаге» означает «существующий теоретически»: поскольку оно является продуктом объяснительной классификации, аналогичной той, которая обычно используется зоологами или ботаниками; оно позволяет объяснять и предсказывать образ действий и особенности классифицируемых объектов – включая их группо-образующий характер поведения. В действительности это понятие не означает «класс» как реально существующий, фактический, в том значении, которое придается группировке, мобилизованной для борьбы; в лучшем случае его можно было бы определить как «вероятный класс» (probable class), поскольку он представляет собой совокупность субъектов действия, которые в меньшей степени препятствовали бы усилиям, направленным на их активизацию, чем любая другая совокупность действующих лиц.

Можно утверждать, что классы, которые могут быть выделены в социальном пространстве (например, для проведения статистического ана-

¹ Bourdieu, 1991.

лиза, который является единственным средством, наглядно демонстрирующим структуру социального пространства), не существуют как реальные группы, хотя они предполагают существующую для индивидов вероятность организовывать себя в виде групп для решения практических задач (practical groups), образовывать семьи, создавать клубы, объединяться в ассоциации и даже профсоюзы или политические движения. Что действительно существует – так это пространство отношений, которое столь же реально, как и географическое пространство, в котором все действия связаны с затратой работы, усилий и времени. Хотя вероятность объединения воедино совокупности субъектов действия, реальная или номинальная, возрастает, когда они ближе расположены друг к другу в социальном пространстве и принадлежат к более ограниченному, а следовательно, и более однородно построенному классу, объединение между теми, кто занимает ближайшие друг к другу позиции, никогда не является необходимым, неизбежным, а союз между теми, кто занимает наиболее отдаленные друг от друга позиции, никогда не является невозможным. Хотя существует большая вероятность мобилизации совокупности рабочих, чем совокупности субъектов, состоящей из рабочих и хозяев, возможно, в случае, например, международной кризисной ситуации, создать объединение на основе связующих звеньев национальной идентичности (что объясняется отчасти и тем, что в силу своей специфической истории, каждое национальное социальное пространство обладает своей особенной структурой, что демонстрируется, например, иерархическими различиями в экономическом поле).

Выступая в качестве «бытия», социальный мир может быть выражен и построен различным образом. Он может быть практически осмыслен, выражен и построен в соответствии с многими принципами восприятия мира и его разделения – например, разделения по этническому принципу...

Такое понимание класса представляет собой главное расхождение с марксистской традицией. Чаще всего **марксизм** либо **упрощенно отождествляет теоретически построенный класс с реальным классом**, либо же представляет его как противоположность между «классом в себе», определяемым в понятиях объективно существующих условий, и «классом для себя», определяемым субъективными факторами. В первом случае переход из одного качественного состояния в другое представляется как логическая, механическая или органическая необходимость (преобразование пролетариата из «класса в себе» в «класс для себя» трактуется как неизбежный результат времени «созревания объективных условий»). Во втором случае он рассматривается как следствие «пробуждения сознания», как «овладение теорией», осуществляемое под просвещенным руководством Партии. В обоих случаях отсутствует всякое упоминание о той сложной таинственной «алхимии», при помощи которой из объективных экономических условий рождается «авангардная группа борцов» или «движущая сила истории», ставящая перед собой свои собственные цели.

ИДУЩИЕ В НАУКУ

Т.Ю.Брыкова

САМООРГАНИЗАЦИЯ В МОЛОДОЙ МОСКОВСКОЙ СЕМЬЕ КАК ФАКТОР ЕЕ УСПЕШНОСТИ

БРЫКОВА Т.Ю. – магистрант факультета социологии, Российский государственный социальный университет.

Аннотация. Статья посвящена проблеме успешности современной молодой семьи. В качестве основного фактора ее успешности рассматривается самоорганизация молодой семьи. Самоуправление выступает также основой формирования успешной молодой семьи в противовес преимущественному отношению к ней со стороны государства и общества как к объекту влияния и социальной поддержки.

Ключевые слова: молодая семья, успешность, субъектность, самоорганизация, самоуправление, государственная семейная политика.

Не будет звучать неожиданным заявлением тот факт, что современное общество находится в переходной фазе своего развития, живет в эпоху глобальных перемен и революций. К таким революциям относятся: маркетинговая, культурная, научно-техническая, информационная и сексуальная революция.

Если использовать терминологию синергетики, то нужно отметить, что особенностью человеческого общества является непредсказуемость и нелинейность развития. Вся социальная жизнь состоит из переходов, кризисов, катастроф и других существенно неравновесных состояний и процессов, в которых развивается человеческая природа. А равновесное состояние в социальных системах – это только короткие остановки в стремительном движении времени.

Непрерывные изменения в деятельности людей и состоянии общества, в условиях и качестве жизни человека, многовариантность и непредсказуемость их последствий в социальной жизни, требуют, на наш взгляд, научного исследования социальных процессов именно в контексте теории самоорганизации.

Нелинейность, неоднозначность причинных и иных зависимостей получили наиболее полное выражение в социальных системах. При этом необходимо отметить особую роль отдельного субъекта.

Если классический подход к изучению социальной жизни не считал действия отдельных людей значимыми, чтобы оказать заметное влияние на развитие социальной среды, то синергетический подход демонстрирует, что в особых состояниях неустойчивости социальной среды (например, в переходный период, в революций и т.д.) действия каждого отдельного человека могут иметь определяющее влияние на макросоциальные процессы.

В подтверждение вышесказанного, приведем высказанную И.А.Бутенко в своей книге «Перспективы самоуправления и самоорганизации в России» следующую мысль: «В глазах реформаторов население выступало лишь как объект регулирования, управления, т.е. как объект воздействия, а вовсе не субъект, способный к самоорганизации; инициатива граждан не рассматривалась ими как значимая социальная сила, способная по-своему влиять на процесс модернизации общества»¹.

Отсюда вытекает принципиальное отличие социальных систем от природных. Оно состоит, прежде всего, в том, что в них самоорганизация сочетается с организацией, поскольку в обществе действуют люди, одаренные сознанием, ставящие себе определенные цели, руководствующиеся мотивами своего поведения и ценностными ориентирами.

По мнению автора, обращение к самоорганизующимся процессам как к процессам, обеспечивающим успех в условиях быстроменяющейся реальности в эпоху глобализации, является актуальным и правомерным, тем более, когда становится очевидным, что для человека и других социальных систем наиболее значимыми становятся такие качества, как автономность, самоуправляемость и организованность.

Плодотворным представляется нам применение системного синергетического подхода к анализу молодой семьи и ее функционирования. Напомним, что «синергетика – эта современная теория самоорганизующихся систем, основанная на принципах целостности мира, общности закономерностей развития всех уровней материальной и духовной организации; нелинейности (многовариантности, альтернативности) и необратимости, глубинной взаимосвязи хаоса и порядка, случайности и необходимости»².

Молодой семье как сложному социальному образованию также свойственны сложность и простота, детерминизм и стохастичность, устойчивость и бифуркации, хаос и упорядоченность. Концептуальным взглядом на проблему успешности молодой семьи будет ее рассмотрение в качестве сложной, самоорганизующейся, целостной, динамичной системы, а её успешность – как интегративная характеристика системы.

В рамках представления о семье как самоорганизующейся социальной системе происходит интеграция двух подходов, сочетающих в себе

¹ Бутенко И.А. Самоорганизация, самоуправление и их смысл в сознании населения России // Перспективы самоуправления и самоорганизации в России. М., 2000. С.4.

² Князева Е.Н. Одиссея научного разума. Синергетическое видение научного прогресса. М., 1995. С.24.

черты семьи как социального института и малой группы (межличностных отношений).

Таким образом, выбранный нами системный синергетический подход, рассматривающий семью в единстве (социальный институт, малая группа, сфера личной жизнедеятельности), позволяет описать взаимодействие с окружающей средой; внутреннюю связь, взаимоотношение структурных компонентов (молодых супругов, их родителей, родственников, детей), обеспечивающие ей некоторую автономность; цели функционирования системы, ее самоорганизации, управления и развития; более или менее глубокие изменения семьи как системы во времени при сохраняющемся некотором постоянстве.

Логика подхода вывела нас и на центральное определение: *семья как социальная группа, как социальный институт, как особая социальная сфера частной жизни, как социальная общность выступает в качестве сверхсложных, бесконечномерных, хаотизированных на уровне индивидов, но упорядоченных на разных уровнях организации социоприродных систем.*

Системное понимание семьи и семейных процессов позволяет объективно оценивать развитие семейно-брачных отношений, объяснить так часто употребляемый современными социологами термин «кризис молодой семьи». Эти трактовки разнообразны. Кризис молодой семьи соотносится с:

- невыполнение ею репродуктивной функции, что порождает демографический кризис;
- разрушением традиционных российских семейных ценностей, патриархального уклада семьи, духовным вырождением;
- ухудшением её материального благополучия.

Социально-экономические и социокультурные изменения, происходящие в обществе, еще сильнее обострили противоречия в брачно-семейных отношениях, которые накапливались десятилетиями. Кризис семьи – явление, которое носит всеобщий глобальный характер и во многом связано с культурной, сексуальной, научно-технической революцией, демократизацией общественной жизни – и, в конечном счете, с утверждением нового типа семьи. На языке синергетики сейчас происходит некоторый фазовый переход от одного устойчивого состояния семьи (традиционной) к другому (демократической).

В настоящее время отпали многие факторы, стабилизирующие семью извне: экономическая зависимость женщин от супругов, юридический, религиозный и моральный запрет или осуждение разводов и т.д.

Определяющее значение для успешности брака приобретают внутренние факторы, присущие семье: культура общения супругов, взаимопомощь, поддержка и опека, интимная жизнь супругов, их личные качества, ценностные ориентации, взгляды на жизнь, семейный уклад. Все это создает нравственный и социально-психологический климат в семье, от которого зависит многое, и, прежде всего, удовлетворенность браком, семейной жизнью, и, в конечном счете, успешность брака.

Важно учитывать те изменения, которые за последние годы произошли в системе взаимодействия молодых супругов, во влиянии на них внешних и внутренних интегрирующих и дезинтегрирующих сил, в обусловленности успешности брака от качества супружеских отношений.

Супружество становится ведущим отношением в семье.

Для последующего анализа супружеских отношений приведем базовые характеристики супружеского типа семьи¹:

- обязательное планирование деторождения;
- принципиальная малодетность;
- предпочтение супругами личных ценностей (автономия);
- утрата институтом брака монопольного контроля за сексуальностью и прокреацией;
- плюрализм семейных и брачных моделей.

Эти тенденции, вместе с распространением отношений, ориентируемых в сторону приоритета субъективности и частной сферы, типичной для современного общества, далее способствует процессу изменения в супружеской семье. В этом контексте, согласно английского социологу Э.Гидденсу, брак принимает форму так называемых «чистых отношений», через который брак «становится больше отношениями, начатыми для, и продолжающимися идти столько, сколько они приносят эмоциональное удовлетворение, которое будет получено от тесного контакта с другим»².

Исследование супружеских отношений, проводимое на примере португальских семей, подтверждает то обстоятельство, что значение брака для супругов находится в прямой зависимости от того, что он открывает и дает для личности. Чтобы иметь отношения, не обязательно быть женатым в течение всей жизни, так как этот статус воспринимается многими как жертва индивидуальности личности ради благополучия брака. Супружеские отношения в настоящее время основываются на любви и страсти к человеку, с которым хочется прожить всю жизнь, но при этом сохранить самостоятельность своей личности, идентичность самому себе³. Эта тенденция подтвердить независимость человека в пределах пары часто берет приоритет над потребностями семейной единицы как целого⁴.

Еще раньше, одни из ведущих специалистов по проблемам семьи социолог Ю.Б.Рюриков сделал вывод: «В XX веке постепенно рождается новый, более сложный вид брака “супружество-содружество”. Рождается он с болью, в муках – часто потому, что для многих ценность своего “Я” важнее, чем равновесие двух “Я”»⁵.

Надо отметить, что образование супружеской пары тоже акт самоорганизации простейшей общественной системы, порождающей эффект синергии, придающей членам новой семьи интегративные свойства, которыми они не обладали до брака. Но, одновременно, брак – это и согласие

¹ Голод С.И. Перспективы моногамной семьи: сравнительный межкультурный анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003, №2. Т. IV. С.117.

² См. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. Пер. с англ. СПб., 2004. С.89.

³ Maciel D.M.M. Living in Couple in Portuguese Families and the Construction of Individuals // XVII ISA World Congress of Sociology «Sociology on the Move», Gothenburg, Sweden 11–17 July, 2010 / Conference Abstracts. Prepared in Cooperation with CSA Sociological Abstracts // <http://www.isa-sociology.org/congress2010/isa-göteborg-2010-book-of-abstracts.pdf>

⁴ См. Zanatta A. L. (2008) Le nuove famiglie [The New Families], Bologna, il Mulino. S.22.

⁵ Рюриков Ю. Любовь и семья на сломе времен // «Аврора». 1988, №6. С.133.

каждого из супругов на осознанное самоограничение. В рамках абсолютизации демократического характера современных брачно-семейных отношений нередко этот ограничительный, самоограничительный аспект недооценивается, свободные отношения и брак противопоставляются.

И зарубежные и отечественные исследования в области супружеских отношений сходятся в одном и том же мнении, относительно такого положения дел. Современные отношения между супругами характеризуются двойственной тенденцией: с одной стороны, эти отношения обладают необходимыми ресурсами для удовлетворения индивидуальных ценностей, потребностей в любви, ощущении близости и безопасности рядом с любимым человеком, реализации «Я», а с другой стороны, «интенсификация личностной автономии делает отношения... наиболее обнаженными и эмоционально уязвимыми»¹.

Эти «чистые отношения» в терминологии Гидденса приводят к неустойчивости брака. Статистика разводов, количества внебрачных рождений, неполных семей, уменьшение количества детей в браке, изменение структуры и разнообразия семейных форм ставят перед современным институтом супружества задачу «создания общности, основанной на взаимной идентификации, разделяемой близости и широком сознании, относящимся к обоим партнерам, и одновременно с этим – установление границ, защищающих автономию каждого партнера»².

Центральной проблемой супружеской семьи в процессе ее самоорганизации на сегодняшний день, по мнению автора, является постоянная напряженность при сохранении баланса между общностью и автономией партнеров. Это противоречие между стремлением молодых людей иметь хорошую, крепкую семью, основанную на любви, о чем свидетельствуют результаты ряда исследований по семейно-брачным отношениям, и растущими темпами индивидуализации, требует немедленного разрешения. С точки зрения синергетики, это проблема кроется в осознании супругами, с одной стороны, жизненно-необходимой потребности семьи в самовоспроизводстве за счет ее интегративных свойств, но с другой стороны, недооценивании самоограничительного аспекта брака на благо целого, установления относительного порядка.

Понимание успешности молодой семьи как высокой оценки качества супружеских отношений в ней ориентирует на выявление факторов, способствующих такой оценке, значимости каждого из них и их иерархию, построение факторной модели успешности молодой семьи, а – на этой основе – определение путей её оптимизации.

Итак, для того чтобы получить ответы на главный практический вопрос – а что же лежит в основе успешного супружеского союза – необхо-

¹ Maciel D.M.M. Living in Couple in Portuguese Families and the Construction of Individuals // XVII ISA World Congress of Sociology «Sociology on the Move», Gothenburg, Sweden 11–17 July, 2010 / Conference Abstracts. Prepared in Cooperation with CSA Sociological Abstracts // <http://www.isa-sociology.org/congress2010/isa-göteborg-2010-book-of-abstracts.pdf>; Голод С.И. Перспективы моногамной семьи: сравнительный межкультурный анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003, №2. Т. IV. С.117.

² См. Валлерстайн Дж.С. Психологические задачи брака // <http://www.psycomfort.ru/index.php?rasd=info&id=23>

димому изучить аспекты успешного взаимодействия в паре не на поверхности, а обратиться к процессу *самоорганизации* применительно к супружеским отношениям в браке.

Самоорганизация, как трактуется в философском словаре, это процесс, в ходе которого создается, воспроизводится или совершенствуется организация сложной динамической системы.

С точки зрения психологии и педагогики, самоорганизация выступает и как природное качество личности, которое проявляется в естественном стремлении к свободе, открытости, интеграции, взрослению, развитию, поиску смысла, проявлению своего внутреннего потенциала, и как деятельность, как процесс упорядоченной сознательной деятельности личности, направленной на организацию и управление самой себя¹.

Самоорганизация как сложное явление характерно всем системам. Управляемый изнутри процесс изменения структуры отношений отдельных элементов системы или их групп, сопровождающийся качественными изменениями самих элементов, называется самоорганизацией системы².

Семья, как уже было сказано, со своей уникальной и неповторимой структурой, связями, традициями принадлежит типу самоорганизующихся систем. Под *самоорганизацией семьи* мы понимаем его организаторскую деятельность, направленную на обеспечение собственного самопроизводства и саморазвития как неповторимого, самобытного, уникального социально-исторического субъекта.

Было отмечено, что в качестве субъектных характеристик молодой семьи выступают не только активная деятельность, проявляющаяся по отношению к саморазвитию всех членов семьи, ее социальному становлению как социального субъекта, формированию семейного самосознания, системы семейных ценностей и других факторов субъектности, но и ее интересы, для реализации которых осуществляется эта деятельность, нравственность, сознание и осознание самой себя как субъекта³.

Рассматривая молодую семью как самоорганизующуюся социальную систему, необходимо еще раз отметить, что ее *субъектность* выступает основой для становления успешной молодой семьи. Создание условий для самоорганизаций молодых семей позволяет им самостоятельно решать семейные проблемы, формируя тем самым чувство социальной ответственности и активные жизненные позиции, что является основополагающими критериями становления успешной молодой семьи, учитывая центральную проблему современного брака – противоречие между необходимостью в самовоспроизводстве и некоторым самоограничением в жизнедеятельности супругов.

¹ См. Заенутдинова Н.А. Формирование готовности к самоорганизации у студентов педагогического колледжа в образовательном процессе. Диссертация к.пед.н. Магнитогорск, 2000.

² См. Афанасьева Н.А. Самоорганизация – фактор успешности учебной деятельности // «Фундаментальные исследования». 2008, №2. С.60–61.

³ См. Осохеева Б.Р. Становление субъектности современной молодой семьи как фактор ее стабилизации // Междисциплинарный сборник научных работ по социологии и социальной работе. 2010, №1. С.70–71.

Важно то, что «любовь и брак – явления социальные, так как в них участвуют двое, а затем появляется и третья жизнь. Вот почему там, где настоящая любовь, там обязательны долг и гражданская ответственность личности»¹. Соответственно для молодых людей все-таки должны быть выработаны ориентиры, эталоны и образцы семейного благополучия, которые позволят принимать правильные решения при самоорганизации супружеской жизни. Соответственно, формирование субъектности, активности молодой семьи должно стать реальной стратегической целью для проведения государственной семейной политики, деятельность которой является одним из механизмов внешнего управления по отношению к молодой семье.

Однако, молодая семья как самоорганизующаяся система, формирует свой собственный механизм саморегуляции, поддерживающий в определенных условиях равновесие её элементов, тем самым, являясь активным субъектом самоуправления.

Под механизмами саморегуляции будем понимать совокупность средств, методов и условий макро- и микро-уровней, позволяющих достичь результата – формирование успешной семьи. Для достижения этой общественно и лично значимой цели, нами необходимо выработать *механизмы оптимизации уровня самоорганизации семьи*, нацеленные на укрепление присущих ей сильных сторон, включающие оптимальные правовые, социально-экономические, морально-психологические и другие условия для развития и поощрения сплоченной, полноценной, самоорганизованной семьи.

Самоорганизация предполагает естественный процесс самоуправления и компенсирует неохваченные области управления в случае недостаточно профессионального управления формальными структурами. Эффективность управления на микроуровне, или самоуправления, остается неиспользуемым потенциалом². Поэтому в настоящее время задача государства, общества и самой личности заключается в том, чтобы сделать более прочными внутренние силы, развить и укрепить их.

Цель управления определяется, исходя из потребностей и возможностей самоорганизующейся системы осуществлять собственное становление и развитие, необходимости содействия в раскрытии соответствующего ее потенциала и согласования интенсивности и направления динамики саморазвивающихся локальных процессов с изменениями в среде ее функционирования³.

Так как повышение уровня успешности семьи реализуется в самостоятельной активности членов семей, то акцент нами делается, во-первых, на семью как автономной социальной системе, а во-вторых, на семейном самоуправлении в выборе жизненных стратегий. Расставленные акценты выводят нас на центральный тезис статьи о том, что самоорганизации

¹ Лисовский В.Т. Любовь и нравственность. Л., 1984. С.23.

² См. Бобров В.А. Механизмы самоорганизации современной семьи в России. Диссертация к.э.н. Пенза, 2005. С.3.

³ См. Романов В.Л. Самоорганизация, организация и управление в социальных процессах // <http://spkurdyumov.narod.ru/Romanovz.htm>

супружеского типа семьи становится центральным с точки зрения оценки семьи как успешной или неуспешной.

Феномен самоорганизации и проблемы его теоретической интерпретации обсуждались многими учеными – естествоиспытателями, философами и социологами. Ими исследовались различные аспекты самоорганизации систем различной природы и сложности, хотя вопросы самоорганизации впервые были рассмотрены в трудах отечественных ученых: А.А.Андропова, Е.Н.Князевой, С.П.Курдюмова, Г.Г.Малинецкого, Н.Н.Моисеева, А.П.Назаретяна, И.Пригожина, Я.И.Свирского, С.С.Шевелевой, Ю.В.Шаронина, зарубежных: Н.Винер, Ст.Бир, Г.Паск, Г.Хакен, У.Р.Эшби и др.¹. Исследования, проведенные этими учеными, способствовали вычленению предметной области теории самоорганизации, основных ее принципов и теоретических схем, распространение вновь формулируемых идеалов и норм научного исследования.

В 1990-е гг. к изучению социальной реальности России самоорганизационный подход был применен в работах В.И.Аршинова, И.А.Бутенко, А.Н.Демина, Р.А.Зобова, В.Н.Келасьева, А.В.Позднякова, А.Титова². Имеющийся в распоряжении исследователей семьи опыт социосинергетики был применен к исследованиям процессов самоорганизации семьи (А.Г.Вишневецкий, А.Н.Демин, Т.В.Свадьбина)³.

Существенной предпосылкой нашего исследования стали труды по общим вопросам социологии семьи, выполненные такими авторами, как М.Вебер, Э.Дюркгейм, У.Томас, Ф.Знанецкий, В.Парето, Т.Парсонс, М.Рокич⁴.

¹ См. *Князева Е.И., Курдюмов С.П.* Основания синергетики. Режимы с обострениями, самоорганизация, темпомиры. СПб. 2002; *Малинецкий Г.Г.* Нелинейная динамика ключ к теоретической истории // «Общественные науки и современность». 1996, №4; *Моисеев Н.Н.* Природа и общество: единство процессов самоорганизации // «Социально-политический журнал». 1993, №4. С.109–118; *Назаретян А.П.* Синергетика в гуманитарном знании: предварительные итоги // «Общественные науки и современность». 1997, №2. С.91–98; *Пригожин А.И.* Семья как организационный феномен // Динамика изменения положения женщины и семья. М., 1972. С.100–102; *Хакен Г.* Синергетика. 1980; *Хакен Г.* Синергетика. Иерархия неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. М., 1985.

² См. *Аршинов В.И.* Синергетика как феномен постнеклассической науки. М., 1999.; *Бутенко И.А.* Самоорганизация, самоуправление и их смысл в сознании населения России // Перспективы самоуправления и самоорганизации в России. М., 2000. С.3–24; *Демин А.Н.* Возможности использования человеком индивидуальных и социальных ресурсов в ситуации отсутствия работы // «Экономическая социология». 2000, №1. Т. 1. С.37–47; *Зобов Р.А., Келасьев В.Н.* Самоорганизационные процессы российского социума // «Вестник СНБГУ». 1996, вып. 4 (№27). Сер. 6; *Поздняков А.В.* Собственность и ее роль в самоорганизации социально-экономических систем // Самоорганизация устойчивых целостностей в природе и обществе: Материалы межд. научн.-практ. конференции. М., 2002.

³ См. *Вишневецкий А.Г.* Современная семья: идеология и политика // «Свободная мысль». 1993, №11. С.110–120; *Демин А.Н.* Самоорганизация при потере работы и формы ее поддержки. Российское общество на рубеже веков: штрихи к портрету. М., 2000; *Свадьбина Т.В.* Российская семья: быть или не быть? // «Мир России». 1994, №1(3). С.188–209; *Свадьбина Т.В.* Семья и российское общество в поиске обновления. Н. Новгород, 2000.

⁴ См. *Вебер М.* Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира // Избранное. Образ общества. М., 1994; *Дюркгейм Э.* Социология и философия. Париж, 1925; *Pareto V.* Le traite de sociologie generale. Paris, 1933; *Parsons T.* The social systems. Ch. 1: Glencoe: The Free press, 1952; *Rokeach M.* The measurement of values and value systems // *Rokeach M.* The nature of human values. N.Y., L.: The Free Press, 1973; *Thomas W., Znaniecki F.* Chlop polski w Europe i Ameryce. T. 1. Warszawa., 1976 и др.

Вопросами стабильности и устойчивости брака занимались С.И.Голод, А.Г.Харчев, Т.А.Гурко, В.И.Косачева, А.К.Дмитриенко, Е.Ф.Ачгильдиева, В.А.Сысенко¹; определению и выявлению факторов супружеской совместимости и их влияние на стабильность брака посвящены работы А.Н.Волковой, Я.Л.Коломинского, Ю.Н.Олейника, Н.Н.Обозова, Т.М.Трапезникова, А.К.Дмитриенко, В.А.Терехина и др.²; проблеме удовлетворенности браком – работы Ю.Е.Алешинной, Л.Я.Гозман, Е.М.Дубровской, А.В.Шавлова, Л.С.Шиловой³.

Проблему качества супружеских отношений косвенно затрагивали исследователи супружеских конфликтов, а именно Н.В.Малярова, В.А.Смехов, В.А.Сысенко, Э.Г.Эйдемиллер, В.В.Юстицкий, и межличностных отношений – Ю.Е.Алешина, А.И.Антонов, А.А.Бодалев, Л.Я.Гозман, А.А.Кроник, Р.Ш.Магасумов, Н.Н.Обозов, Ю.Б.Рюриков, В.Сатир и др.⁴.

В целом, в академических кругах ведется активная теоретическая и опытно-экспериментальная работа, накоплен теоретический и эмпирический материал, однако большинство специалистов, раскрывая важные аспекты семейной жизни, не исследовали семью в аспекте самоорганизующейся социальной системы, когда семья рассматривалась бы активным социальным субъектом, определяющим качество семейной самоорганизации и тем самым успешность своей семьи.

¹ См. Голод С.И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. Л., 1984.; Харчев А.Г. О путях дальнейшего укрепления семьи: социальные исследования. М., 1965. Вып. 1.; Гурко Т.А. Влияние добрачного поведения на стабильность молодой семьи // «Социологические исследования». 1982, №2; Косачева В.И. Проблема стабильности молодой семьи: философский и социально-психологический анализ. Диссертация к.ф.н. Минск, 1990.; Дмитриенко А.К. Социально-психологические факторы стабильности брака в первые годы супружеской жизни. Автореферат диссертации к.психол.н. Киев, 1989; Ачгильдиева Е.Ф. Методические проблемы изучения стабильности брака. Автореферат диссертации к.э.н. М., 1982.; Сысенко В.А. Устойчивость брака: проблемы, факторы и условия. М., 1981.

² См. Волкова А.Н. Социально-психологические факторы супружеской совместимости. Диссертация к.психол.н. Л., 1979; Дмитриенко А.К. Социально-психологические факторы стабильности брака в первые годы супружеской жизни. Автореферат диссертации к.психол.н. Киев, 1989; Олейник Ю.Н. Исследование уровней совместимости в молодой семье // «Психологический журнал». 1996, №2; Обозов Н.Н., Обозова А.Н. Диагностика супружеских затруднений // «Психологический журнал». Т. 3. 1982, №2; Обозов Н.Н., Обозова А.Н. Три подхода к исследованию психологической совместимости // «Вопросы психологии». 1981, №6; Терехин В.А. Аппаратурные модели исследования совместной деятельности // Совместная деятельность: методология, теория, практика. М., 1989.

³ См. Алешина Ю.Е. Удовлетворенность браком и межличностное восприятие в супружеских парах с различным стажем семейной жизни. Диссертация к.психол.н. М., 1995; Алешина Ю.Е., Гозман Л.Я., Дубовская Е.М. Социально-психологические методы исследования супружеских отношений. М., 1987; Шавлов А.В. Факторы удовлетворенности браком в семье. М., 1995; Шилова Л.С. Характер проведения семейного досуга и удовлетворенность браком // Стабильность семьи как социальная проблема. М., 1978.

⁴ См. Эйдемиллер Г., Юстицкий В.В. Психология и психотерапия семьи. СПб., 1999; Сатир В. Как строить себя и свою семью. М., 1992; Сысенко В.А. Устойчивость брака: проблемы, факторы и условия. М., 1981; Кроник А.А., Кроник Е.А. В главных ролях: вы, мы, он, ты, я. Психология значимых отношений. М., 1989.; Обозов Н.Н. Межличностные отношения. Л., 1979; Антонов А.И., Дмитриев А.В. Конфликты в семье и их разрешение. М., 2004.; Антонов А.И. Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов). Учебное пособие для вузов. М., 1998.

В научно-исследовательском плане проблема самоорганизации семьи в должной мере не акцентировалась. Однако, изучение успешности молодой семьи как самоорганизующейся социальной системы является актуальной проблемой как для общества, поскольку исследование проблемы позволит объяснить общественные явления, такие как повышенный уровень разводимости, распространение гражданского брака, важно в плане разработки молодежной и семейной политики, так и для отдельных молодых семей (такое исследование поможет молодым супругам или партнерам, желающим жить вместе, разобраться в многообразии семейных проблем, научиться их правильно диагностировать и преодолевать, обеспечивая совместимость и взаимопонимание).

Список литературы

1. *Афанасьева Н.А.* Самоорганизация – фактор успешности учебной деятельности // «Фундаментальные исследования». 2008, №2. С.60–61.
2. *Бобров В.А.* Механизмы самоорганизации современной семьи в России. Диссертация к.э.н. Пенза, 2005.
3. *Бутенко И.А.* Самоорганизация, самоуправление и их смысл в сознании населения России // Перспективы самоуправления и самоорганизации в России. М., 2000. С.3–24.
4. *Гидденс Э.* Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. Пер. с англ. СПб., 2004.
5. *Голод С.И.* Перспективы моногамной семьи: сравнительный межкультурный анализ // «Журнал социологии и социальной антропологии». 2003, №2. Т. IV. С.106–119.
6. *Валлерстайн Дж.С.* Психологические задачи брака // <http://www.psycomfort.ru/index.php?rasd=info&id=23>
7. *Заенутдинова Н.А.* Формирование готовности к самоорганизации у студентов педагогического колледжа в образовательном процессе. Диссертация к.пед.н. Магнитогорск, 2000.
8. *Князева Е.Н.* Одиссея научного разума. Синергетическое видение научного прогресса. М., 1995.
9. *Лисовский В.Т.* Любовь и нравственность. Л., 1984.
10. *Осохеева Б.Р.* Становление субъектности современной молодой семьи как фактор ее стабилизации // Междисциплинарный сборник научных работ по социологии и социальной работе. 2010, №1. С.70–72.
11. *Романов В.Л.* Самоорганизация, организация и управление в социальных процессах // <http://spkurdyumov.narod.ru/Romanovz.htm>
12. *Maciel D.M.M.* Living in Couple in Portuguese Families and the Construction of Individuals // XVII ISA World Congress of Sociology «Sociology on the Move», Gothenburg, Sweden 11–17 July, 2010 / Conference Abstracts. Prepared in Cooperation with CSA Sociological Abstracts // <http://www.isa-sociology.org/congress2010/isa-gothenburg-2010-book-of-abstracts.pdf>

В.А.Каралюнец

ВЛИЯНИЕ ГЕНДЕРНОГО ФАКТОРА НА ФОРМИРОВАНИЕ СТИЛЕЙ РУКОВОДСТВА И ЭФФЕКТИВНОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ

КАРАЛЮНЕЦ Валерия Александровна – магистрант факультета социологии, Российский государственный социальный университет.

Аннотация. В статье рассматриваются эмпирические исследования, выполненные в рамках разных подходов к определению гендерных различий в менеджменте. Делается вывод, что в топ-менеджменте стираются грани половой принадлежности руководителя, уделяя особое внимание его профессиональным навыкам. В связи с чем, женщина – руководитель способна, более того, должна выходить на один уровень со своими коллегами мужчинами в системе управления.

Ключевые слова: женщина-руководитель, стиль руководства и эффективность управления, гендерный менеджмент, государственная семейная политика.

Анализ изменений, происходящих в современном менеджменте, показывает, что соотношение количества мужчин и женщин на управленческих должностях стремительно изменяется. Все больше женщин оказывается вовлеченными в предпринимательство. При этом актуальным остается вопрос о существовании особого женского стиля руководства и эффективности управления женщины-руководителя.

Различные публикации, посвященные вопросам гендерного менеджмента, свидетельствуют о том, что кардинальных различий между мужчинами и женщинами с точки зрения эффективности руководства нет¹, однако выявляют ситуационную специфику его проявлений – в одних ситуациях и ролях более эффективны мужчины, в других – женщины. Несмотря на большую «ситуативность» женского менеджмента по сравнению с мужским, женщина эффективно реализует не только стратегии выживания, но и стратегии развития, выстраивая более осторожные отношения со своими партнерами и избегая слишком «рисковых» стратегий.

¹ Подберезная В.В. Гендерные особенности управленческой деятельности // http://www.pac.by/dfiles/000809_600926_podbereznaja.doc; Чирикова А. Стили лидерства: «двойной репертуар» управленческих технологий успешного менеджера // http://art.thelibrary.ru/business/management/suschestvuet_li_zhenskiy Stil_rukovodstva_i_kakov_on.html

Ключевым критерием, красноречиво характеризующим специфику управленческой деятельности, является стиль управления по отношению к своим подчиненным, который во многом определяет успех и динамику развития организации, и от которого непосредственно зависят мотивация работников, их отношение к труду, взаимоотношения и т.д. Определение стиля управления имеет важное практическое значение также и для будущих менеджеров, так, как это дает им возможность осознать свои реальные возможности, идентифицировать, сформировать и совершенствовать свой собственный стиль руководства не интуитивно, а обоснованно в соответствии с внешними и внутренними условиями организации¹. Положение женщины в обществе зависит от принятых в данной среде гендерных стереотипов поведения, от традиционных для данного социума культурных, психологических и социальных стандартов. В России, как и во многих других странах, принято различать традиционно мужские и женские роли – профессии, должности, сферы деятельности. Однако это деление, как правило, носит традиционно-бытовой, а не научно обоснованный характер, поскольку в большинстве случаев никак не связано с особенностями женской психики и интеллекта. Безусловно, определенные ограничения могут регламентировать области женского участия, но они далеко не всегда имеют объективную основу.

Вопрос о женском лидерстве притягивает к себе внимание многих исследователей в области социологии управления, экономики, психологии и политологии. Востребованность и интерес к данной проблематике породили множество взглядов, концепций и исследований в этой области.

Анализ литературы по данной проблематике показал, что имеется два основных, диаметрально противоположных подхода к роли и вовлеченности женщины в систему управления. Первый подход, который разрабатывается в русле феминистически направленных тенденций, рассматривает женщину как субъект борьбы за карьерное равноправие, выделяет ряд гендерно-обусловленных барьеров на пути восхождения женщины по карьерной лестнице. Второй подход считает, что базовые различия между женскими и мужскими ролями в социуме оправдывают различный подход к построению карьеры и управленческой деятельности у мужчин и женщин. Сторонники данной позиции полагают, что построение карьеры и осуществление управленческой деятельности изначально различно, так как у женщин профессиональная деятельность сочетается с активным выполнением ролей матери, жены, домохозяйки, а это служит источником «ролевого напряжения», стресса².

Также существует другое распределение основных позиций по вопросу гендерных различий в менеджменте. Одни исследователи (Э.Криттенден, Р.Айслер, Дж.Роузнер) убеждены в существовании особого, присущего только женщинам способа принятия решений в экономике и политике, стиля управления, ценностей предпринимательства, другие (С.Эпс-

¹ Подберезная В.В. Гендерные особенности управленческой деятельности // http://www.pac.by/dfiles/000809_600926_podberesnaja.doc

² См. Асланян А.А. Исследование стилей и эффективности руководства в гендерном аспекте // <http://www.hrm21.ru/rus/actual/?action=show&id=332>

тайн) отрицают такую специфику. Сторонники первой позиции считают, что женщинам свойственен особый стиль руководства – «преобразовательный», который принципиально отличается от традиционного командного, сторонники же второй позиции не выводят таких различий исходя из гендерной типизации¹.

Для более подробного изучения проблемы стилей руководства и эффективности управления женщин-руководителей рассмотрим некоторые исследования, затрагивающие данную тематику.

В начале 2000-х гг. при поддержке Фонда Сороса в пяти регионах России проводилось исследование поведенческих стратегий российских директоров, опираясь на материалы глубинного интервью с директорами 62 российских предприятий промышленного профиля. Кроме того было опрошено свыше 100 человек, представляющих управленческие команды предприятий. Наряду с интервью для изучения мотивационной сферы и стилей лидерства использовались оценочные шкалы и психологические тесты, позволяющие дополнить материалы интервью².

Проведенное исследование позволило убедиться в том, что гендерные различия в поведенческих стратегиях руководителей часто неоправданно преувеличены, причем это относится как к директорскому корпусу в частном, так и в государственном секторе. Не подтвердились традиционные представления о том, что у женщин отсутствуют качества, необходимые для лидерства, так как в ходе исследования не были обнаружены значимые половые различия по показателям риска, профессиональной компетентности, сознания собственной силы, умения устанавливать продуктивное взаимодействие с властью и другое³.

Более того, результаты исследования подтвердили, что стереотипы зачастую распространяются на женщин-управленцев даже при очевидном несоответствии этого стереотипа их личным качествам, хотя успешный менеджмент не имеет половой специфики. Отличия в стилях руководства между мужчинами и женщинами проявились, прежде всего, в большей приверженности женщин-руководителей к комбинированным стратегиям, объединяющим различные модели руководства, в то время как большинство мужчин проявили себя сторонниками определенной модели менеджмента, не комбинируя ее с технологиями другого типа⁴.

Женщины – руководители продемонстрировали достаточно позитивную Я-концепцию, одновременно заявляя о неудовлетворенности «мягкостью» своих менеджерских технологий. Персонал предприятий не оценил женщину-менеджера как менее волевого лидера и не согласился с тем, что женщина-руководитель отличается «психологической податливостью». Результаты, полученные при использовании теста Блейка–Моутона, показали, что и мужчины-директора, и женщины-директора ориентированы, прежде всего, на задачу, а не на человека при решении управленческих

¹ Там же.

² Туркменистан: гендерные различия в бизнесе // http://www.gender.cawater-info.net/publications/pdf/tm_gender_v_biznese_ru.pdf

³ Там же.

⁴ Там же.

задач¹. Таким образом, согласно данным исследования, женщина – не худший (а может быть, лучший) менеджер по сравнению с мужчиной и она вполне справляется с задачами управления в условиях высокой степени неопределенности.

Еще одно исследование выявления гендерных особенностей стилей руководства было проведено академиком Международной Академии информатизации, профессором Е.И.Комаровым². Основным методом был выбран метод перекрестного опроса, позволившего получить четыре вида оценок:

- мужчины о качествах руководителя-женщины;
- мужчины о качествах руководителя-мужчины;
- женщины о качествах руководителя-женщины;
- женщины о качествах руководителя-мужчины.

«Перекрестная информация», по мнению автора, которое мы разделяем, позволяет получить наиболее объективные оценочные данные для проведения дальнейшего анализа.

В настоящее время в науке управления известно свыше ста положительных качеств, каждое из которых имеет свою противоположность. В рамках исследования Е.И.Комаровым были выделены те качества, которые наиболее часто выделялись как мужчинами, так и женщинами-респондентами³.

Итак, на первое место мужчины поставили женственность, хорошую внешность, обаяние. Мужчинам не нравится в женщине вообще и в женщине-руководителе неряшливость, неопрятность, безвкусица в одежде, безмерная косметика и украшения.

Вторая группа наиболее ценимых качеств у женщины-руководителя – компетентность (знание дела) и деловитость. Под деловитостью понимаются целеустремленность, практичность, организованность, доведение начатого до конца, единство слова и дела, точность, обязательность и работоспособность. Мужчины с различными оговорками оценивают деловитость женщин-руководителей. Если сухость, лаконичность и даже жесткость делового общения считается более или менее нормальным у руководителей-мужчин, то аналогичное со стороны женщины воспринимается ими как черствость. Женщинам же от начальницы нужна мягко-душевная, милосердная деловитость, лишенная металлических конструкций и звучаний. То есть если обобщить мнения мужчин и женщин, то женский стиль руководства (обобщенно-усредненный) выступает как сочетание таких неоднородных качеств, как доброта и строгость, женственность и деловитость, спокойствие и требовательность, мягкость и воля⁴.

Специфика мужской и женской деловитости накладывает отпечаток на взаимоотношения с работниками. От руководителя-мужчины ждут решения вопросов при их понимании, а от руководителя-женщины – сначала понимания, а затем и решения.

¹ Там же

² Комаров Е.И. Гендерный менеджмент // <http://www.hrm.ru/gendernyyj-menedzhment>

³ Там же.

⁴ Там же.

Третья группа качеств – умение общаться с людьми.

Представители сильного пола выступили резко против копирования женщиной-руководителем типично мужских «образчиков»: проявление грубости, крик, брань и т.д.

Особое качество, выделяемое у руководителей-женщин – эмоциональность. Эмоциональные методы руководства не воспринимаются мужчинами или воспринимаются с резкими оценками.

И еще одно из отмеченных качеств. В представлении женщин (в большей степени, чем у мужчин) руководитель наделен властью и, следовательно, обязан решать соответствующий круг вопросов. Власть без решений – не власть¹.

Следует отметить, что оценки женщин применительно к руководителю-женщине имеют свою женскую специфику, окраску.

Их также привлекают женственность, обаяние, хороший внешний вид. Причём женщинам свойственно видеть технологию и финансовую сторону создания привлекательности, отмечать индивидуально-выигрышные и проигрышные моменты. Если руководитель-женщина внешне опускается, то мужчины лишь констатируют этот факт. Женщины же стараются понять, почему это произошло, ищут причины².

Женщины-подчиненные высоко ценят в руководителе-женщине умение создавать дружный, сплоченный коллектив. А оно берет начало в общении с людьми и стремлении создать для них хорошие условия труда, быта и отдыха. Поэтому не случайно женщины связывают умение сплотить людей с инициативностью, энергичностью, деловитостью и организованностью руководителя.

Каждый руководитель имеет свою специфику общения. Однако удалось выявить – как у мужчин, так и у женщин, – «антипатичные образы»³.

«Дама в белых перчатках» – внешне играет в порядочность, уважительность, честность, а на самом деле унижает достоинство подчиненных «приличными методами».

«Холодно-высокомерная леди» – её интересует только работа, а душевные состояния она считает сугубо личным делом. Она избегает неформального общения с подчиненными, не проникается их заботами и потребностями, разговаривает свысока, всячески подчёркивает своё руководящее превосходство, легко ранит словом.

«Жуткая сплетница». Случается, что о руководителе-женщине подчиненные отзываются весьма неплохо. Но, подчёркивают её слабость – посплетничать.

«Капризная барышня». Отличительная черта – замкнутость на себя, обвинение всех и вся в злом умысле против неё, недоброжелательстве; бестактность во взаимоотношениях с подчиненными, вечное недовольство результатами их работы.

«Синий чулок». Отношение к этому типу руководителя неоднозначное. Это, как правило, одинокая женщина, категорично судит обо всём.

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

Упорна и работоспособна. Так как многое из «типично женского» не играет в её жизни ведущую роль, то на первом месте у неё работа, которая заменяет ей всё. В этом отношении – она идеальная деловая женщина, своеобразно подтверждающая вывод о том, что профессия руководителя требует большой отдачи, работоспособности и мужской способности отходить от домашних дел¹.

Таким образом, женщинам-руководителям приписывают определенный набор качеств, особо выделяя при этом «типично женские характеристики»: обаяние, привлекательный внешний вид и т.д., оставляя на втором плане вопросы профессиональной компетентности. Женщин-руководителей ценят, в первую очередь, за умение создать и сплотить коллектив, наладить благоприятную рабочую атмосферу. «Антипатичные образы», выделяемые автором по итогам опроса, раскрывают «типично женские недостатки»: болтливость, капризы и т.д. Подобные выводы, на наш взгляд, свидетельствуют о некой предубежденности и стереотипности мышления респондентов при их оценке стилей руководства.

Далее рассмотрим исследование, проведенное В.В.Подберезной, посвященное изучению взаимосвязи особенностей управленческой деятельности и стиля руководства от гендерной типизации².

Для реализации поставленной цели в исследовании автором были использованы следующие методы и методики: методика определения стиля управления, психогеометрический тест, методика «Эффективность лидерства», методика «Личные предпочтения», а также анкетный опрос, посвященный выявлению особенностей личности в различных управленческих ситуациях.

В исследовании приняло участие 60 руководителей среднего звена: 30 мужчин и 30 женщин. Возраст испытуемых от 27 до 50 лет.

Проведенное исследование позволило выделить ряд особенностей управленческой деятельности женщин.

- В управлении женщины предпочитают использовать демократичный и либеральный стиль, в то время как мужчины – демократический и авторитарный. У женщин-руководителей преимущественно выявился коллегиальный компонент в стиле руководства, а у мужчин – директивный. В то же время для реализации принятых решений женщинам характерно четкое распределение функций исполнения, оказание помощи в случае необходимости. При организации контроля за ходом исполнения решений превалирует поэтапная форма в виде регулярных текущих проверок, недопущение затягивания нежелательной ситуации. Ответственность за работу устанавливается в соответствии с четким распределением обязанностей, причем, весьма характерно возложение конечной ответственности за определенный участок работы на конкретного исполнителя. Таким образом, несмотря на мягкость стиля управления, женщина-руководитель способна к решительному осуществлению функции контроля³.

¹ Там же.

² Подберезная В.В. Гендерные особенности управленческой деятельности // http://www.pac.by/dfiles/000809_600926_podbereznaia.doc

³ Там же.

- В управлении персоналом женщина-руководитель больше внимания уделяет отношениям между членами коллектива, ее больше волнует сфера межличностных отношений, чем руководителя-мужчину. Женщина более тонко реагирует на морально-психологический климат в коллективе, опирается на технологию знаков внимания: проявляет большую эмпатию, чуткость в понимании душевного состояния и морально-нравственных коллизий личности. В сложных ситуациях женщина-менеджер строит свои стратегии выхода из кризиса на высоких мотивациях сотрудников. Осуществляя функцию контроля за деятельностью персонала, женщина не стремится к жестким санкциям, а, в первую очередь, желает обеспечить необходимые условия для подчиненных с целью минимизации наказаний. При этом она сохраняет способность реализовывать жесткие меры по отношению к тем, кто не справляется с поставленными задачами¹.

- Мотивация трудовой деятельности женщины имеет определенные отличия. Известная пятиуровневая пирамида потребностей А.Маслоу в гендерном разрезе претерпевает значительные корректировки на каждой ступени. Доказано, что различные группы потребностей имеют неодинаковое значение для мужчин и женщин. Причем, женщины имеют более подвижную мотивационную структуру, они могут реагировать с большими отличиями и реакция будет выражена ярче, чем у мужчин. Например, если женщина чувствует себя социально защищенной, счастлива в браке, семье, то она придает меньшее значение своим отношениям с коллегами по работе и, как правило, не стремится к лидерству в организации. Однако она же может стремиться к завоеванию самостоятельного статуса в целях самоактуализации и утверждения собственной полноценности. Жизнь мужчины наполнена проблемами карьеры и работы, он высоко ценит внесемейные отношения, например, общение в кругу коллег или друзей. Позиция женщины меняется, если она одинока или работает из-за материальной необходимости. В этих случаях ярче проявляется стремление к стабильности, уверенности в будущем, обеспечении средств существования, реализации своих потребностей и возможностей. Важно подчеркнуть, что особенности мотивации труда у женщин отражают скорее своеобразие личности, а не общие закономерности². Сравнительные мотивационные шкалы руководителей-женщин и мужчин приведены в табл. 1³:

Таблица 1

Трудовые мотивы руководителей-женщин	Трудовые мотивы руководителей-мужчин
Самореализация	Прибыль
Интерес, содержание работы	Самостоятельные решения
Материальная надежность, деньги	Желание руководить
Забота о тех, кто рядом	Карьера
Профессиональный рост	Самореализация
Самоутверждение	Самоутверждение

¹ Там же.

² Там же.

³ Цит. по: Макарова С.Н. Управление трудовым потенциалом руководителей-женщин. Диссертация к.э.н. Пенза, 2004. С.33.

- Женщина более эмоциональна, и эта черта особо характеризует женский стиль управления. Она больше склонна проигрывать ситуацию, переживать возможный исход событий. При принятии решений женщина-менеджер чаще полагается на свои ощущения, интуицию, знаменитую женскую логику, что бывает в ряде случаев небезуспешным, поскольку женщина ведет себя как целостная личность, чуткая к большинству аспектов проблемы, имеющих для нее эмоциональное значение. В то же время вследствие повышенного уровня эмоциональности женщина более обидчива и болезненно реагирует на критику, грубость и тем более оскорбление, что не позволяет ей всегда быть объективной и вести себя конструктивно¹.

- Во взаимоотношениях с внешней средой женский стиль управления отличается большой гибкостью, ситуативностью, умением адаптироваться к сложившимся обстоятельствам. Дипломатичность в сочетании с настойчивостью позволяют женщине эффективно строить взаимоотношения с деловыми партнерами, находить у них взаимопонимание и поддержку. Женщина умеет сочетать и оперативно переключаться с одной социальной роли (менеджер, бизнес-леди) на другую (жена, дочь, мать). Однако установлено, что примерно треть нервных расстройств женщин происходит от столкновения ее социальных ролей – руководителя на работе и исполнителя дома². Рассмотрим более подробно причины конфликта «семья–работа».

Увеличение числа женщин, вовлеченных в оплачиваемую занятость, расширение неформального сектора и дерегулирование экономики привели к отмиранию обычных трудовых отношений. С ними теряет силу негласный гендерный контракт между женщиной-кормильцем и женщиной-домохозяйкой. Тем не менее в обществе не возникли новые эгалитарные отношения. К.Вихтерих подчеркивает, что гендерно-политический проект перераспределения работы по уходу потерпел крах. В европейских и североамериканских домохозяйствах, где зарабатывают оба партнера, женщины выполняют почти в два раза больше репродуктивной работы, чем мужчины. В Японии отказ мужчин от работы еще выше: они занимаются домашней работой целых 11 минут в сутки, в то время как их жены после работы заступают на вторую смену: три с половиной часа работы по дому³. Абсолютная ответственность женщин за работу по уходу остается неизменной, несмотря на их растущее участие в оплачиваемом труде, активное расширение их роли в обществе.

Тем самым конфликт «семья–работа» обостряется все больше и становится ведущим в жизни современной женщины.

Как показали исследования американки Арли Рассел Хохшилд о женщинах, занимающихся высококвалифицированным оплачиваемым трудом, они чувствуют себя на работе вполне комфортно, в то время как свой дом

¹ См. Подберезная В.В. Гендерные особенности управленческой деятельности // http://www.pac.by/dfiles/000809_600926_podbereznaja.doc

² Там же.

³ Цит. по: Кашина М.А. Класс и гендер: цена профессиональной самореализации // «Личность. Культура. Общество». Том X. М., 2008. Вып. 3–4 (42–43). С.297.

они воспринимают как рабочее место, чреватое стрессами. Как и их мужья, женщины ориентированы на карьеру, предпочитают задерживаться на работе, а не заниматься репродуктивной деятельностью дома, потому что на работе они получают больше признания и удовлетворения. Домашнюю работу за малую плату они поручают домработницам и няням¹.

Если женщине, стремящейся к профессиональной самореализации, не удается решить конфликт «семья–работа», наняв няню и репетитора, то остаются еще три варианта. Первый традиционный: принять «идеологию дома» и отказаться от притязаний на творчество и карьеру. Второй, тоже распространенный: отказаться от «идеологии дома» и уйти в карьеру, остаться при этом без семьи и детей. И, наконец, третий, наиболее продуктивный – попытаться разделить ответственность за работу по дому с мужем, создать семью с эгалитарными отношениями, освободив тем самым время для профессионального развития².

- Имеют особенности участие женщин в конфликтах. Женщины выплескивают свою негативную энергию во внешнюю среду, не задерживая долго внутри себя отрицательные эмоции. При этом они владеют мягкими конфликтными технологиями, быстрее и легче выходят из конфликта³.

Таким образом, женщины-менеджеры достигают успехов не в результате копирования мужского стиля управления, а посредством творческого использования своих способностей, реализации внутренне присущих только женщине черт и качеств.

Подведем итоги. Проанализировав результаты вышеизложенных исследований можно выделить некоторые очевидные закономерности, обобщающие эмпирический материал, по вопросу влияния гендерного фактора на стили руководства и эффективность управления.

Сравнительный анализ мужского и женского менеджмента позволяет говорить о том, что женщины-руководители не только не проигрывают мужчинам как менеджеры, но иногда действуют успешнее, обеспечивая более устойчивые условия существования бизнеса.

В отличие от мужчин-руководителей, которые пытаются любую структуру выстроить в виде вертикальной властной пирамиды, женщины предпочитают более тонкие инструменты управления, построенные на внимании к личности. Иными словами, в терминах социологии женщины управляют при помощи инструментов влияния, основанных на горизонтальных связях (убеждение и мотивация), а мужчины – на основе инструментов власти (принуждение и иерархия)⁴.

В управлении коллективом женщина-руководитель реже прибегает к авторитарным методам, вместо прямого принуждения использует методы убеждения, стремится мотивировать, а не заставлять персонал выполнять поставленные задачи. В ходе переговоров женщина реже идет на

¹ Там же.

² Там же.

³ Подберезная В.В. Гендерные особенности управленческой деятельности // http://www.pac.by/dfiles/000809_600926_podbereznaia.doc

⁴ См. Тесакова Н. Женщина-руководитель. Мифы и реальность // <http://www.crn.ru/numbers/reg-numbers/detail.php?ID=12502>

конфликт, ищет компромиссные варианты, старается не прибегать к необоснованным решениям, идущим вразрез с мнением окружающих; в бизнесе придерживается сбалансированных, обдуманных решений с оправданным риском. Женщинам проще выстраивать и отлаживать рутинные бизнес-процессы, уделяя внимание мелочам¹.

При этом не нужно думать, что женщина-руководитель склонна к чрезмерной опеке подчиненных, не способна отстаивать свои интересы или принимать жесткие решения. Для управления коллективом людей нужен определенный уровень агрессивности: менеджеру приходится увольнять людей, наказывать, принимать непопулярные решения (типа урезания бюджета или снижения премий). Неважно, идет ли речь о женщине или о мужчине. По этой причине абсолютно кроткого человека сложно представить себе в роли руководителя. Однако когда женщина-руководитель проявляет жесткость и требовательность, необходимую для выполнения какой-либо работы в срок, на эмоциональном уровне подчиненными это может восприниматься как проявление «неженских качеств», так как от женщины (и в том числе от женщины-руководителя) исторически ожидают мягкости и уступчивости. Мужчины часто прощают крики и брань, женщинам-руководителям такой тип поведения не допустим.

Одним из основных препятствий на пути развития карьеры деловой женщины является нехватка глобального, обзорного взгляда на проблему, более развитый консерватизм, «тенденция погрязать в мелочах и эмоциях, вязнуть в системе человеческих отношений».

Для того чтобы работник стал хорошим руководителем, он, вне зависимости от пола, должен обладать особыми качествами. Сильный характер, личная ответственность за результат, деловое чутье, высокая трудоспособность, активность, умение воодушевлять и вести за собой коллектив – все то, что называют задатками лидера. В современном мире эти свойства присущи как мужчинам, так и женщинам, хотя и не укладываются в традиционный стереотип женщины-хозяйки, хранительницы очага².

Таким образом, в бизнесе нет ни мужчин, ни женщин, успеха добиваются исключительно профессионалы.

На наш взгляд, пришло время отказаться от стереотипов, принять цивилизованные правила ведения бизнеса, невзирая на его гендерную принадлежность.

Список литературы

1. Асланян А.А. Исследование стилей и эффективности руководства в гендерном аспекте // <http://www.hrm21.ru/rus/actual/?action=show&id=332>
2. Кашина М.А. Класс и гендер: цена профессиональной самореализации // «Личность. Культура. Общество». Т. X. М., 2008, вып. 3–4 (42–43). С.297–298.
3. Комаров Е.И. Гендерный менеджмент // <http://www.hrm.ru/gendernyj-menedzhment>

¹ См. Сафарьянова Г. Начальник в юбке: хорошо это или плохо? // <http://www.pro-rabotu.ru/pub.php?article=true&id=116>

² Яковлева К. Женский стиль руководства // http://bt-magazine.ru/bt_art070305.html

4. Макарова С.Н. Управление трудовым потенциалом руководителей-женщин. Диссертация к.э.н. Пенза, 2004. С.33.
5. Подберезная В.В. Гендерные особенности управленческой деятельности // http://www.pas.by/dfiles/000809_600926_podberesnaja.doc
6. Сафарьянова Г. Начальник в юбке: хорошо это или плохо? // <http://www.pro-rabotu.ru/pub.php?article=true&id=116>
7. Тесакова Н. Женщина-руководитель. Мифы и реальность // <http://www.crn.ru/numbers/reg-numbers/detail.php?ID=12502>
8. Туркменистан: гендерные различия в бизнесе // http://www.gender.cawater-info.net/publications/pdf/tm_gender_v_biznese_ru.pdf
9. Чирикова А. Стили лидерства: «двойной репертуар» управленческих технологий успешного менеджера // «ПЕРСОНАЛ-МИКС». Научно-практический журнал по вопросам управления персоналом // http://art.theib.ru/business/management/suschestvuet_li_zhenskiy_stil_rukovodstva_i_kakov_on.html
10. Яковлева К. Женский стиль руководства // http://bt-magazine.ru/bt_art070305.htm

К.М.Лукьянова

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТРАЕКТОРИИ УЧАЩИХСЯ СФЕРЫ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ЛУКЪЯНОВА Ксения Михайловна – магистрант факультета социологии, Российский государственный социальный университет.

Аннотация. В данной статье рассмотрены наиболее распространенные образовательные траектории российской молодежи, также выделены факторы, влияющие на формирование образовательных траекторий, и факторы, ограничивающие доступность той или иной траектории.

Ключевые слова: высшее профессиональное образование, образовательная траектория, человеческий капитал, культурный капитал.

Образование и образованность со времен Просвещения рассматриваются как особая ценность. Общества модерна, измерением которых определяется индустриализм, подходят к образованию инструментально и прагматично¹. Изменения структуры современной экономики рассматриваются сегодня как глобальный контингентный сдвиг, ознаменовавший переход от «материальной» к «интеллектуальной» экономике, «экономике, базирующейся на знаниях» (knowledge-based economy). Информационное общество, призванное заменить индустриальное, должно иметь своим основанием, как утверждают его предсказатели, интеллектуальный капитал в виде информации и знаний. Последние становятся определяющим фактором производства стоимости, отодвигая на задний план известные факторы производства — обычный капитал, землю и труд.

Происходящий в России переходный процесс, связанный с демократизацией и доминированием рыночных отношений, не мог не повлиять на институт образования. С начала 90-х гг. наблюдается резкое повышение спроса на образовательные услуги, и в первую очередь, на услуги высших учебных заведений. Высокий спрос на образование обусловлен рас-

¹ О процессах становления европейского идеала образования см. *Разеев Д.Н.* Идеалы образовательных стратегий в герменевтической перспективе // *Коммуникация и образование. Сборник статей.* СПб., 2004. С.33–49.

тущей отдачей от инвестиций в человеческий капитал, в частности от инвестиций в образование.

К концу советского периода отдача от образования находилась на низкой отметке. Реально это означало, что с точки зрения пожизненных заработков человек, получивший диплом, скажем, об окончании вуза, практически ничего не выигрывал. Однако в переходный период ситуация резко изменилась. Оценки, которые относятся к середине-концу 1990-х гг., показывают уже совершенно другую картину. В эти годы отдача от образования достигла 7–8% – уровня, на котором находится его окупаемость в большинстве других стран мира, как развитых, так и постсоциалистических¹.

Иными словами, в современном мире диплом об окончании учебного заведения является «сигналом» для работодателя о производительности работника. Человеку, не имеющему высшего образования, не просто сложно, а практически невозможно реализовать свои способности и потенциал на рынке труда.

Возросший спрос на образовательные услуги и коммерциализация высшей школы породили огромное количество негосударственных вузов, что привело к массовизации высшего профессионального образования в России. Согласно данным федеральной службы государственной статистики (Госкомстат) за 36 лет (в период с 1970 г. по 2006 г.) число вузов увеличилось более чем в 2 раза, в то время как число негосударственных вузов увеличилось более чем в 2 раза за 11 лет (с 1995 г. по 2006 г.). В 2006 г. количество негосударственных вузов составило 39,5% от общего количества высших учебных заведений России².

Стремительная коммерциализация высшей школы привела к повышению доступности профессионального образования для представителей семей со средними и высокими доходами. С другой стороны, увеличение числа платных учреждений и рост расходов семей на подготовку к поступлению в вуз свидетельствует о том, что экономические барьеры на пути к получению высшего образования выросли. Для некоторых социальных групп доступность высшего образования заметно снизилась, несмотря на увеличение общих показателей приема в вузы. Даже для поступления в высшую школу на бюджетные места, необходимы значительные затраты домохозяйств. Это обусловлено специфическими требованиями высших учебных заведений к абитуриентам. Растет разрыв между знаниями, необходимыми для успешного окончания средней школы, и знаниями, необходимыми для поступления в вуз. Таким образом, с развитием рыночных отношений в системе высшего образования растут расходы населения на довузовскую подготовку. Это приводит к тому, что доступность бюджетного образования стала определяться платежеспособностью.

Стратегия коммерциализации образования не способствуют развитию личности и не содействуют укреплению Российского государства. Она

¹ Астахова Т., Толкачева Е. Человеческий ресурс и человеческий капитал: разница понятий или подходов управления? // «Управление человеческим потенциалом». 2006, №4.

² <http://www.gks.ru>

разрушительна для России, считает В.С.Аванесов¹. Результаты стратегии коммерциализации образования не утешительны. По индексу развития человеческого потенциала Россия опустилась до 57-го места, перейдя из группы развитых в группу развивающихся стран². Коммерциализация запустила механизм массового засорения кадрового потенциала России. А доминирования рынка «экономически деформирует» систему образования.

С появлением большого количества негосударственных вузов, возникает вопрос о качестве образования. Результаты стратегии коммерциализации образования не утешительны. Народное образование расслоилось на элитное и массовое³. Последнее более доступно для всех слоев общества – на бюджетной основе для молодых людей с хорошей успеваемостью, и на коммерческой основе для всех, у кого есть возможность оплачивать обучение. Доступ к элитному образованию ограничивается принадлежностью к определенной социальной группе. Возможность получить престижное образование ограничивается ресурсным потенциалом семьи, который складывается из социального капитала семьи (неформальных связей, включенности в социальные сети), культурного капитала семьи (образования родителей, размера домашней библиотеки, наличия компьютера в доме), финансового капитала (материального благосостояния семьи).

По мнению половины россиян (53%), в стране мало вузов, которые дают хорошее, качественное образование (среди высокообразованных граждан придерживаются этой точки зрения 73%), а 2% – полагают, что таких вузов нет совсем⁴. Россияне придерживаются позиции, что в первую очередь ограничен доступ к качественному и престижному образованию.

Прежде чем перейти к основной, аналитической, части статьи отметим, что *цель* данной работы – выявить наиболее распространенные образовательные траектории российской молодежи, а также выделить факторы, влияющие на выбор той или иной траектории. В контексте данного исследования под *образовательной траекторией* подразумевается переход от одного этапа образовательного пути к другому и средства, которыми достигается эта цель (успеваемость, статус школы, которую окончил респондент). Траектории выявляются на основе прошлого опыта студентов, и включают в себя пройденные к данному моменту этапы образовательной стратегии.

Эмпирической базой исследования послужили данные Мониторинга экономики образования, проводимого Аналитическим центром Юрия Левады с 2002 г., преимущественно результаты опросов четырех волн (с 2006 г. по 2009 г.). В ходе исследования были опрошены государственные и коммерческие учебные заведения, учреждения разного размера и профиля.

¹ Аванесов В.С. Доклад на V Международной научной конференции «Россия: тенденции и перспективы развития», ИНИОН РАН, 9–10 декабря 2004 г.

² Доклад о развитии человека-2004. Пер. с англ. Издано для программы развития Организации Объединенных Наций, ПРООН. М., 2004.

³ Аванесов В.С. Куда ведут реформы образования? // «Народное образование». 2001, №5. С.26–32.

⁴ Шмерлина И. Качество высшего образования в России. 2007. URL:<http://bd.fom.ru/report/cat/cult/edu_edu/high_education/d070421>

Выборка для исследований проектировалась как стратифицированная. В нее были включены 211 учреждений высшего, среднего, начального профессионального и среднего общего образования.

Для выявления образовательных траекторий российской молодежи можно использовать различные методы анализа данных. Для достижения цели исследования основным способом классификации респондентов был выбран комбинаторный, аналитический метод, базирующийся на трех дихотомических переменных. С помощью группировки вариантов ответа, были получены следующие дамми переменные: успеваемость в последний год обучения в школе [выше среднего (1)/ниже среднего (0)], статус школы, которую закончил респондент [общеобразовательная (0)/специализированная (1)] и обучение до поступления в высшее учебное заведение [НПО/СПО (1)/11 классов (0)].

Предполагается, что успеваемость влияет на формирование дальнейшей образовательной стратегии школьников и, в сущности, является его человеческим капиталом, поэтому рассматривается как часть траектории учащихся. Высокая успеваемость считается главным критерием, определяющим вероятность поступления в вуз.

Последняя переменная отражает прошедшие студентом этапы обучения до поступления в вуз. Рассматривается 2 варианта: окончание 9 классов школы, затем учреждения СПО/ НПО и окончание 11. У молодых людей с девятилетним школьным образованием, не закончивших начальное или среднее профессиональное учреждение, нет возможности поступать в высшее учебное заведение, поэтому девятилетнее обучение в школе и последующее обучение в учреждении СПО/НПО будет считаться этапами образовательной траектории на пути к высшему образованию.

Возможность рассмотреть все комбинации анализируемых переменных – бесспорное преимущество комбинаторного метода. Проанализировав все полученные траектории, можно объединить похожие, но наиболее редко встречающиеся в выборке, траектории. Комбинаторика дает точные результаты, которые можно аналитически трансформировать в ходе исследования.

В результате комбинаций перечисленных выше переменных были получены следующие образовательные траектории студентов высших учебных заведений.

Траектория 1. Студенты, окончившие общеобразовательную школу и учреждение НПО/СПО. Успеваемость представителей этой траектории в последний год обучения в школе была ниже среднего (1,7%).

Траектория 2. Студенты, окончившие общеобразовательную школу и учреждение НПО/СПО. Успеваемость представителей траектории в последний год обучения в школе была выше среднего (9,7%).

Траектория 3. Студенты, окончившие специализированную школу и учреждение НПО/СПО. Успеваемость представителей траектории в последний год обучения в школе была как ниже среднего, так и выше среднего (3,1%).

Траектория 4. Студенты, окончившие 11 классов общеобразовательной школы. Представители траектории плохо учились в школе (3,6%).

Траектория 5. Студенты, окончившие 11 классов общеобразовательной школы. Успеваемость представителей траектории в последний год обучения в школе была выше среднего (53,6%).

Траектория 6. Студенты, окончившие 11 классов специализированной школы с разной успеваемостью (25,4%).

Далее рассмотрим факторы, влияющие на выбор респондентом той или иной траектории.

Предположим, что культурный капитал семьи влияет на выбор образовательной траектории учащегося. То есть более образованные родители прививают ребенку образовательные предпочтения, начиная с первых этапов образовательной траектории. Культурный капитал семьи по средствам образования трансформируется в человеческий капитал ребенка. В данном случае индикаторами культурного капитала являются образование родителей и размер домашней библиотеки. Количество книг в домашней библиотеке косвенно отражает ориентацию респондента на получение образования, ценность культуры в семье и способность к обучению.

По сравнению с общим процентом по выборке, среди представителей траектории 1 наибольший процент тех, кто в домашнем пользовании имеет менее 100 книг. Среди траектории 5 наибольший процент тех, у кого в домашней библиотеке есть от 100 до 250 книг. Наблюдается закономерность: чем больше книг в домашней библиотеке, тем меньше вероятность, что студент придерживался траектории 5 (табл. 1).

Таблица 1

Количество книг в домашней библиотеке родителей, %

	Траектории студентов вузов						Всего
	1	2	3	4	5	6	
Менее 100 книг	25,2	15,7	11,6	30,0	18,8	10,0	16,5
100–250 книг	21,9	29,1	21,3	24,5	29,7	22,9	27,3
250–500 книг	23,2	27,9	32,5	25,7	26,0	29,2	27,2
500–1000 книг	16,1	17,5	19,5	11,5	16,7	21,3	17,9
Более 1000 книг	13,5	9,8	15,2	8,4	8,8	16,7	11,2
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Из сравнения с общим процентом по выборке видно, что среди траектории 3 больше тех, кто имеет 250–500 книг дома. В группе 6 заметно больший процент обладающих богатой библиотекой (более 1000 книг), чем в среднем по выборке.

В семьях студентов, окончивших общеобразовательную школу, не было большой библиотеки дома. У тех, кто окончил 9 классов специализированной школы количество книг в доме гораздо больше, чем у тех, кто окончил 11 классов общеобразовательной школы. Самым большим культурным капиталом обладают представители траектории 6, окончившие 11 классов специализированной школы. Это достаточно распространенная траектория среди студентов вузов, её придерживались 25,4% учащихся высших учебных заведений.

Семьи представителей третьей и первой траекторий обладают меньшим культурным капиталом, и их успеваемость в школе была ниже среднего. Это может быть обусловлено тем, что студенты, представляющие эти траектории в выборке, не были ориентированы семьей на накопление человеческого капитала.

Таблица 2

Образование отца (отчима), %

	Траектории студентов вузов						Всего
	1	2	3	4	5	6	
Среднее общее	6,2	6,4	6,0	4,1	4,8	3,1	4,6
Среднее специальное	31,5	30,3	21,1	29,6	28,1	17,5	25,4
Неоконченное высшее	4,8	3,8	3,8	5,1	4,7	4,2	4,5
Высшее без ученой степени	24,7	32,2	41,0	32,3	39,7	50,6	41,3
Высшее и ученая степень	5,5	5,3	11,3	4,8	4,9	10,6	6,6
Среднее профессионально-техническое (ПТУ)	12,3	7,8	6,0	12,6	7,7	5,0	7,2
Нет этого родителя	15,1	14,2	10,9	11,6	10,0	9,0	10,3
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Внутри траектории 1 заметно больше отцов имеют среднее общее образование, чем в среднем по выборке. Внутри траектории 2 – среднее специальное. Представители и первой, и второй траекторий окончили общеобразовательную школу и учреждения НПО/СПО перед поступлением в вуз. Это не очень распространенные траектории среди учащихся вузов (табл. 2).

Внутри траектории 4 больше отцов с неоконченным высшим или средним профессионально – техническим образованием, чем в среднем по выборке. Среди траектории 6 – с высшим образованием, но без ученой степени, а внутри траектории 3 – с высшим образованием и ученой степенью. Траектории 3 и 6 объединяет обучение в специализированной школе, а представители траекторий 4 и 6 закончили 11 классов. Следовательно, высокое образование даже одного из родителей положительно влияет на образование детей, а именно – на выбор школы и количество лет обучения в школе. Чем выше уровень образования отца, тем больше вероятность, что респондент придерживался траектории 6.

Внутри траектории 6 матери заметно чаще имеют высшее образование и ученую степень или просто высшее образование, чем в среднем по выборке и в других траекториях. Внутри траектории 4 – чаще неоконченное высшее, а внутри траектории 1 – среднее специальное (табл. 3). Как и предполагалось, у студентов, окончивших специализированные школы, матери имеют либо высшее образование, либо высшее образование и ученую степень.

Культурный капитал семьи определяет выбор образовательной траектории студентов вузов. Чем выше образование родителей, тем больше вероятно, что ребенок обучался в специализированной школе и окончил 11 классов школы. То есть накопление культурного капитала, и формирование ориентаций на высшее образование происходит постепенно, начиная с первых этапов образовательной траектории. В концепции П.Бурдые отмечено, что формирование культурного капитала начинается с самого рождения ребенка, но только в тех семьях, которые обладают большим объемом культурного капитала.

Очевидно влияние таких переменных как доход, пол, количество детей в семье, тип населенного пункта учебного заведения, тип населенного пункта, где находилась средняя школа, которую окончил респондент, на выбор учащимися вузов образовательной траектории.

По сравнению со средним процентом по группам, среди окончивших 11 классов специализированной школы (траектория 6) больше женщин, а среди окончивших 11 классов общеобразовательной школы с низкой успеваемостью (траектория 4) – мужчин (табл. 4).

Таблица 3

Образование матери (мачехи), %

	Траектории студентов вузов						Всего
	1	2	3	4	5	6	
Среднее общее	8,8	7,4	4,4	7,7	4,3	2,5	4,4
Среднее специальное (техникум)	41,9	33,3	25,8	32,6	33,0	20,5	29,7
Неоконченное высшее	4,7	5,5	6,3	7,7	5,1	4,9	5,2
Высшее без ученой степени	27,7	40,2	46,1	39,0	46,6	57,6	48,2
Высшее и ученая степень	5,4	5,5	9,6	5,1	4,5	9,5	6,1
Среднее профессионально-техническое (ПТУ)	10,1	6,7	5,2	7,0	5,3	4,2	5,3
Нет этого родителя	1,4	1,4	2,6	1,0	1,1	,8	1,1
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 4

Пол респондента, %

	Траектории студентов вузов						Всего
	1	2	3	4	5	6	
Мужской	59,5	38,7	44,1	65,3	37,1	35,8	38,6
Женский	40,5	61,3	55,9	34,7	62,9	64,2	61,4
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Среди окончивших 11 классов специализированной школы (траектория 6) большой процент, по сравнению со средним процентом по группам, тех, у кого нет родных братьев и сестер. Среди тех, кто окончил 11 классов общеобразовательной школы (группа 5) больше, чем в среднем по выборке, тех, у кого в семье больше пяти детей. Среди окончивших 9 классов общеобразовательной школы и учреждения СПО/НПО (траектория 1) больше, чем в среднем по группам, студентов у которых 1 брат или сестра. Наконец, в траектории 2 большой процент, по сравнению со средним процентом по выборке, тех, у кого в семье три ребенка (табл. 5).

Данные результаты созвучны с гипотезой Г.Беккера о «количестве и качестве детей». Предполагается, что количество и качество детей связаны между собой отрицательно. То есть чем больше детей, тем меньше вероятность того, что каждый ребенок получит хорошее образование, так как ресурсы семьи распределяет между всеми ее членами. Следовательно, в семьях с высоким уровнем образования будет меньше детей.

В группе 6 больше, чем в среднем по выборке, респондентов, с душевым доходом 17,5 тысяч рублей и 45 тысяч рублей. Представителями этих групп была выбрана соответствующая траектория – обучение в специализированной школе в течение 11 лет и последующее поступление в ВУЗ. Среди представителей траектории 1 больше, по сравнению со средним процентом по всем группам, тех, чей душевой доход составляет

1,5 тысяч рублей. Во второй группе заметно больше студентов с душевым доходом 3 тысячи рублей, чем в среднем по выборке. Представители этих траекторий окончили 9 классов общеобразовательной школы и учреждения НПО/СПО. Также если сравнивать со средним значением по выборке, во многих семьях представителей группы 4 душевой доход составляет 8,5 тысяч рублей. Что является причиной обучения в общеобразовательной школе (табл. 6).

Таблица 5

Количество родных братьев и сестер, %

	Траектории студентов вузов						Всего
	1	2	3	4	5	6	
0	17,2	19,1	25,7	22,6	21,0	24,2	21,8
1	60,5	54,8	50,7	51,1	52,0	51,8	52,3
2	11,5	14,5	9,4	12,8	11,7	9,1	11,3
3-4	3,8	3,8	2,5	2,8	2,9	2,4	2,8
>=5	7,0	7,8	11,6	10,7	12,4	12,4	11,8
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 6

Душевой доход семьи, %

	Траектории студентов вузов						Всего
	1	2	3	4	5	6	
1,5 тыс. рублей	8,3	6,2	2,3	8,1	4,1	2,3	4,0
3 тыс. рублей	19,8	24,1	18,3	11,3	16,5	11,4	15,9
5,5 тыс. рублей	17,7	20,1	21,1	18,8	22,0	15,9	20,0
8,5 тыс. рублей	18,8	15,7	17,7	21,0	17,3	17,1	17,2
12,5 тыс. рублей	7,3	12,9	10,9	11,3	15,5	15,2	14,7
17,5 тыс. рублей	9,4	9,3	10,9	8,1	9,0	11,6	9,7
25 тыс. рублей	11,5	5,5	6,3	8,6	7,4	9,4	7,8
45 тыс. рублей	7,3	6,3	12,6	12,9	8,3	17,1	10,6
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

В группе 6 явно больше, чем в среднем по выборке, респондентов, оценивающих свое материальное положение как хорошее, они рассматривают свою семью как материально обеспеченную. Другая ситуация сложилась в 1-й и 2-й группах. Среди студентов, окончивших общеобразовательную школу и учреждения НПО/СПО до поступления в ВУЗ, больше, чем в среднем по выборке, тех, кому приходится себя ограничивать в ежедневных расходах, кому покупка одежды представляет трудности и тех, кому на еду и одежду хватает, но покупка телевизора, холодильника и т.п. представляет трудности (табл. 7).

Основными мотивами обучения в учреждениях СПО/НПО является недостаток материальных и финансовых ресурсов семьи. Так как в России падает спрос на образовательные услуги учреждений НПО/СПО. Это связано с низким авторитетом начальных и средних профессиональных учреждений и низким качеством предоставляемых услуг.

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос о материальном положении семьи, %

	Траектории студентов вузов						Всего
	1	2	3	4	5	6	
Иногда не хватает денег на необходимые продукты питания	5,2	3,2	3,3	5,6	1,8	1,6	2,2
На еду денег хватает, но в других ежедневных расходах приходится себя ограничивать	12,9	9,0	9,5	7,1	6,1	4,1	6,1
На ежедневные расходы хватает, но покупка одежды уже представляет трудности	10,3	13,4	9,8	10,5	9,1	7,0	9,1
На еду и одежду хватает, но покупка телевизора, холодильника и т. п. представляет трудности	29,0	31,9	26,9	28,4	30,6	22,4	28,4
Достаточно обеспечены материально, но для покупки автомобиля и дорогостоящего отпуска пришлось бы залезть в долги	35,5	36,7	40,4	38,0	43,1	46,9	43,0
Материально обеспечены, можем позволить себе дорогостоящий отпуск и покупку автомобиля	7,1	5,7	10,2	10,5	9,2	18,0	11,2
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

В группе 6 больше, чем в среднем по выборке, студентов, обучающихся в столичных вузах. Среди представителей траектории 5 больше, по сравнению со средним процентом по выборке, тех, кто учится в высшем учебном заведении крупного областного центра (табл. 8).

Таблица 8

Тип населенного пункта образовательного учреждения, %

	Траектории студентов вузов						Всего
	1	2	3	4	5	6	
Москва	27,6	33,4	44,0	25,0	25,9	46,2	32,6
Областной центр	64,3	58,1	50,3	66,0	66,1	48,1	60,1
Город (не областной центр)	8,2	8,5	5,8	9,0	7,9	5,7	7,4
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

В группе 6, большая часть студентов которой обучаются на сегодняшний день в московских вузах, заметно больше респондентов, по сравнению со средним процентом по выборке, окончили школу в Москве, Санкт-Петербурге или в городах и поселках в Московской или Ленинградской области (табл. 9).

Представители траектории 5 чаще, чем в среднем по группам, оканчивали среднюю школу в крупных районных центрах и в поселках городского типа. Наконец, в 3 группе больше, чем в среднем по выборке, тех, кто оканчивал школу в небольших провинциальных городах.

Территориальный фактор имеет большое значение в формировании образовательных траекторий российской молодежи, так как школах, расположенных в поселках городского типа или малых городах, качество образования ниже и уровень подготовки сильно разнится с требованиями, предъявляемыми абитуриентам. В маленьких городах, как видно из таблицы 28, среднее образование представлено в основном общеобразова-

тельными школами, поэтому учащиеся не получают необходимой довузовской подготовки. Следовательно, тип населенного пункта влияет на доступность образования.

В группе 6 заметно больше респондентов, чем в среднем по выборке, которые планируют получать второе высшее образование (табл. 10).

Таблица 9

Местоположение школы, которую окончил респондент, %

	Траектории студентов ВУЗов						Всего
	1	2	3	4	5	6	
Москва, Санкт-Петербург	20,4	19,0	30,6	23,2	18,5	34,9	23,4
Города или поселки в Московской или Ленинградской области	6,4	5,2	5,4	5,8	5,8	8,2	6,4
Областной, краевой центр, столица автономной республики	31,8	29,2	28,8	30,2	27,4	28,5	28,1
Районный центр	12,7	14,1	8,3	14,3	16,0	10,7	14,0
Другой город – не районный центр	19,7	20,2	22,7	14,0	16,5	14,6	16,5
Поселок городского типа, село	8,9	12,3	4,3	12,5	15,9	3,0	11,5
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 10

Распределение ответов на вопрос о стремлении получить второе высшее образование, %

	Траектории студентов ВУЗов						Всего
	1	2	3	4	5	6	
Да, планирую	47,1%	55,8%	59,9%	47,4%	66,5%	74,7%	66,5%
Нет, не планирую	52,9%	44,2%	40,1%	52,6%	33,5%	25,3%	33,5%
Всего	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%

В группе 3 больше студентов, чем в среднем по выборке, которые планируют продолжать обучение в аспирантуре в России (табл. 11).

Таблица 11

Распределение ответов на вопрос о стремлении учиться в аспирантуре в России, %

	Траектории студентов ВУЗов						Всего
	1	2	3	4	5	6	
Да	19,4	40,5	50,0	27,1	30,0	43,0	34,7
Нет	80,6	59,5	50,0	72,9	70,0	57,0	65,3
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

В группе 6 больше студентов, чем в среднем по выборке, которые планируют продолжать обучение за рубежом (табл. 12).

Таблица 12

**Распределение ответов на вопрос
о перспективе продолжения обучения за рубежом, %**

	Траектории студентов ВУЗов						Всего
	1	2	3	4	5	6	
Да	21,7	26,3	34,4	17,3	24,2	43,3	29,5
Нет	78,3	73,7	65,6	82,7	75,8	56,7	70,5
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Суммируя все вышесказанное, подведем итог.

Известно, что образование может считаться фактором социальной мобильности только в том случае, если дети из бедных семей, будут иметь возможность получить образование выше, чем у родителей. Но для получения качественного высшего образования семья должна обладать экономическим, культурным и социальным капиталами, чтобы преодолеть существующие на образовательном рынке барьеры. Экономический капитал трансформируется в человеческий капитал ребенка путем инвестиций в образование, культурный капитал семьи также конвертируется в человеческий капитал ребенка. Соответственно, чем больше ограничены ресурсы семьи, тем меньше инвестиции в человеческий капитал ребенка, тем более тяжело преодолевать барьеры на пути к получению высшего образования.

Анализируя данные Мониторинга, становится очевидным, что система образования, начиная с самых первых этапов обучения, лишь усугубляет социальные различия. Факторы семейного капитала (прежде всего доход и культурный капитал родителей) представляют барьер образовательных возможностей выпускников школ. Существующее социальное неравенство усугубляется уже в школе, так как дети из бедных семей, как правило, учатся в плохих школах и имеют более низкие образовательные успехи. Поэтому в школах существует значительное неравенство даже в намерениях: дети из семей с более высоким социальным положением собираются получить полное среднее образование и поступить в университет, в то время как дети из семей с низким семейным капиталом ограничиваются общим средним образованием, а затем учатся в технических колледжах.

Список литературы

1. Аванесов В.С. Куда ведут реформы образования? // «Народное образование». 2001, №5.
2. Араб-Оглы Э.А. Обозримое будущее: социальные последствия НТР. М., 1986.
3. Беккер Г. Экономический анализ и человеческое поведение // «THESES». 1993, вып. 1. Т. 1.
4. Бурдьё П. Структура, габитус, практика. Глава 3. URL:<http://www.bourdieu.narod.ru/sens/PB_sens3.htm>.
5. Васильев Ю.С., Глухов В.В., Федоров М.П. Экономика и организация управления ВУЗом. Учебник. СПб., 2001.
6. Добренников В.И., Кравченко А.И. Социология. В 3 т. Т. 3 «Социальные институты и процессы». М., 2000.

7. Дубин Б.В., Гудков Л.Д., Левинсон А.Г. Доступность высшего образования: социальные и институциональные аспекты // Доступность высшего образования в России. Сборник статей. М., 2004.
8. Зарицкий Т. Культурный капитал и доступность высшего образования. Вестник общественного мнения. 2006, №2. URL:<<http://www.polit.ru/research/2006/05/24/culcapital.html>>
9. Капелюшников Р. Структура российской рабочей силы: особенности и динамика // «Вопросы экономики». 2006, №10. С.19–40.
10. Кравченко С.А. Учебный социологический словарь. Издание 3-е, дополненное, переработанное. М., 1999.
11. Оберемко О.А. Платность высшего образования: авансы институциональных изменений // «Журнал исследований социальной политики». 2006, №1. Т. 4. С.25–35. URL:<http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2008/11/17/0000325620/Oberemko_Platnostx27_VO.pdf>. URL:<<http://www.umj.ru/index.php/pub/inside/495/>>
12. Оберемко О.А., Петренко К.В. Образование детей и взрослых: семейные проекты траекторий. 2005, №7.
13. Рощина Я.М., Другов М.А. Социальные детерминанты неравенства доступа к высшему образованию в современной России // Проблемы доступности высшего образования. Научные проекты НИСП–IISP Working Papers, WP3/2003/01. М., 2003. С.39–89 (www.socialpolicy.ru).
14. ФОМ. Шмерлина И. Качество высшего образования в России. 2007. URL:<http://bd.fom.ru/report/cat/cult/edu_edu/high_education/d070421>. Экономическая социология, электронный журнал, www.ecsoc.msses.ru. Т. 3. 2002, №4, сентябрь. С.25–26.

РЕЦЕНЗИИ

В.Г.Кикнадзе

ПРОМЕТЕЕВ ОГОНЬ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

КИКНАДЗЕ Владимир Георгиевич – заместитель начальника Военно-энциклопедического управления Центра военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ, кандидат военных наук, капитан 2 ранга.

Очередной своей книгой¹ известный философ и историк С.А.Тюшкевич попытался ответить на два вопроса: как сделать так, чтобы настоящее было достойно великого прошлого и как сохранить Огонь Истории, обеспечив будущее России. Центральной темой работы является – Подвиг советского народа в Великой Отечественной войне. Одновременно взор автора устремлен к пониманию и объяснению глубинных качеств русского человека через призму отечественной истории, главным образом, – военной истории. Для этого ученому пришлось наполнить работу не только описанием исторических фактов и событий, хронологические границы которых вмещают тысячелетие, дать научное толкование ключевых из них, но и одновременно погрузиться в смежные весьма актуальные для России проблемы поиска и сохранения исторической правды, ее значения для прогрессивного развития российского общества и мировой цивилизации в целом.

Выражение «прометеев огонь» издавна употребляется для обозначения стремления людей к достижению высоких целей, к борьбе против зла, насилия, несправедливости. Оно, по мнению автора, – «важная характеристика прогрессивной человеческой деятельности» (с. 3). Хотя, скорее, на роль характеристики, больше подходит не выражение само по себе, а наличие и эффективность применения обществом прометеева огня. Достижения человечества свидетельствуют, что прометеев огонь из

¹ Тюшкевич С.А. Борьба за огонь. М., 2010.

мифического давно превратился в реальный, стал одним из основных источников жизни и деятельности людей (с. 4). Но новые российские псевдоисследователи и «аналитики» (Тютчевские «любители проникать в хоромы через задний двор» – подходить к явлениям с «гнусной стороны») ищут в истории, особенно военной, не огонь, не пламя, а пепел. В сознание населения нашей страны настойчиво внедряются образы и понятия, принижающие и оскорбляющие патриотические чувства (с. 7, 8). В доказательство автор приводит многочисленные примеры фальсификации истории Великой Отечественной войны. Не дремлют и внешние недруги России, предпринимающие постоянные попытки погасить ее огонь путем ослабления государства в экономическом, политическом и военном отношении. Однако российский народ, переживая кризисное время, ищет опору именно в своем прошлом, – источнике духовности, который способен поднять его дух, укрепить нравственные силы (с. 9–10). А в этом прошлом – история государства Российского, его военная история, начиная от героев-богатырей былинного эпоса до рождения СССР. Великая Победа и великая освободительная миссия Советского Союза – главные символы XX в., в огне которых сгорел фашизм, пытавшийся погасить огонь мировой истории (с. 4, 5, 6, 11).

Но как отличить огонь от пепла, исторический факт от вымысла, выработать устойчивый иммунитет к фальсификациям военной истории? Отвечая на этот актуальный вопрос уже автор начинает с анализа военно-исторических трудов Геродота, который стремился провести различие между историческими фактами и вымыслом, дать им объяснение, главным образом ссылаясь на божественную волю, Фукидида – первого из историков, избравших принцип поиска естественных причин героических событий и критической проверки сведений, Полибия – полагававшего, что описывать военные события вправе лишь имеющие личный военный опыт и обладающие знанием военных и государственных дел, Саллюстия, Плутарха, авторов Средних веков, эпохи Возрождения, знаменовавшей коренной поворот в эволюции исторической мысли. Рассматривает автор и развитие военно-исторических знаний на Руси, взгляды отечественных и зарубежных военных историков XVIII–начала XIX вв., когда произошло выделение военной истории в самостоятельную науку. И до сегодняшнего дня именно военно-историческая наука остается «неиссякаемым кладом знаний об огне истории, о том, как Россия, Советский Союз обеспечивали свою безопасность в непростых и меняющихся геополитических условиях» (с. 18).

В этой связи отмечу, что в связи с этим, неоднозначным выглядит ликвидация институциональных основ военно-исторической науки в России, выразившаяся в преобразовании Института военной истории МО РФ всего лишь в структурное подразделение образовательного учреждения (ВАГШ). Причем происходит это в момент широкомасштабной внешней агрессии и внутренней диверсии фальсификаторов на историю Второй мировой и особенно Великой Отечественной войн, требующей адекватного по масштабу и глубине противодействия.

Обращаясь к отечественной военной истории XVIII–XIX вв., автор не обходит стороной тот факт, что в этот период Российская империя прове-

ла 35 войн, из которых 22 велись за расширение границ, 4 были оборонительными, а 7 войн и 2 похода проведены в интересах общеевропейской политики (с. 32). Но в исторической памяти народов России остались главным образом подвиги, совершенные в оборонительных отечественных войнах и походах. Вместе с тем в ходе этих войн складывалась следующая ситуация: Россия, по выражению английского ученого А.Тойнби, приходила на Запад либо в порядке контрнаступления, либо на помощь, которую просили сами страны Запада; при этом Запад, воюя, везде одерживал победы, а в России – терпел крах. В результате «Запад стал бояться России и называть ее агрессором» (с. 38). Несмотря на такие ярлыки, в Первой мировой войне Россия вновь выступила в роли спасительницы западной цивилизации и культуры.

И это не случайно – не только многочисленные войны, но и вся военная деятельность общества и государства оказывали комплексное воздействие на жизнь людей, их образ мышления, мораль и нравственность. Ставшая характерной для русского человека готовность к ратному подвигу, самопожертвованию – огонь и пламя русского народа и России – в свою очередь оказали влияние на военную организацию государства, военное искусство, военную историю, в конечном счете, – на мировую историю. Идеи национальных особенностей и качеств русского солдата, необходимости твердой убежденности в святости дела, народности, сочетания мужества с военным искусством автор наглядно развивает на примерах воинского героизма (с. 39–51). Отдельное внимание уделено подвигам высшего командного состава армии и флота России (с. 51–59).

Размышляя о Великой войне – Великой Победе, автор показывает, что советский народ, приняв эстафету борьбы праотцов за справедливые цели, против зла и беззакония, как мифологический Прометей пронес его огонь по всему миру, спасая Родину и человечество от фашистского варварства. Великая Отечественная война показала, что победить коварного и сильного врага могло только сплоченное советское общество, советские люди, уверенные в правоте своего дела (с. 70). Победа советского народа, его армии и флота в Великой Отечественной войне заключила в себе органичное единство действия исторических традиций России по защите Отечества. Она была обеспечена превосходством боевой мощи и военного искусства Красной Армии, всенародной борьбой в тылу врага, партизанским движением. Истоки Победы лежат в советской экономике, природных богатствах и значительных людских резервах России (с. 69, 70, 71). Подробно автор останавливается и на других факторах Победы. Не забыты им просчеты и ошибки политического и военного руководства страны, другие причины, обусловившие размеры потерь наших войск (с. 100, 101).

Победа, одержанная Советским Союзом над фашистской Германией и ее союзниками в Великой Отечественной войне, стала судьбоносным событием в истории нашей страны, непреходящей ценностью. Причем не только национальной, но и интернациональной, ибо здесь на весах лежали интересы всемирной истории. Не случайно великая освободительная миссия Советского Союза по праву считается крупнейшим явлением во всей истории XX в. (с. 71, 76). Ведь она складывалась из решения выдающихся исторических задач: остановила экспансию фашизма, способ-

ствовала успехам движения Сопротивления, создала благоприятные условия для национально-освободительной борьбы народов колоний и зависимых стран.

С освободительной миссией Советского Союза связано создание новых условий для решения вечной проблемы войны и мира, а также для обеспечения национальной и международной безопасности (с. 82, 83). Несмотря на всемирное признание этого явления великими современниками и даже целыми народами (достоверные примеры приводятся в книге), в настоящее время подвергается испытаниям сама память об освободительной миссии Советского Союза. И с особой болью, как участник Великой Отечественной войны, автор констатирует не просто потерю исторической памяти у отдельных политиков, общественных деятелей и историков, но и их готовность «пойти на любую низость, гнусность, чтобы угодить сильным мира сего, конъюнктуре, моменту» (с. 76, 77).

Важными являются приведенные в книге умозаключения, что носителем освободительной миссии были все народы Советского Союза, а их единство обусловлено любовью к Родине, высоким и беспредельным патриотизмом, самоотверженностью, жертвенностью, преданностью Отечеству (с. 84). Однако представляется, здесь есть какой-то элемент недосказанности. Во-первых, кто сейчас является носителем освободительной миссии? Во-вторых, может ли таковым быть какой-либо один народ, если Победа и освободительная миссия это результат Единства народов? И, в-третьих, что же ждет нас в будущем, если уже почти 20 лет не удастся достигнуть подлинного Единства даже между братскими народами – русскими, белорусами, украинцами?

Касаясь категорий «цена войны» и «цена победы», автор показывает, что они используются некоторыми «военными историками» с грубым нарушением теоретико-методологических принципов, подменяя одной другую. И здесь автор вновь обращается к проблеме политической и идеологической ангажированности историков Второй мировой и Великой Отечественной войн, игнорирующих системный подход к пониманию общественного прогресса, допускающих упрощенное понимание войны как общественного явления, обедняющих понимание категории «военная победа» (с. 85–87, 100). Раскрывая содержание и значение цены Великой Отечественной войны и Победы СССР в ней (с. 87–101), автор приходит к заключению, что «цена победы не тождественна цене войны, а является стороной, аспектом последней» (с. 93). Но каковыми бы не были эти две цены, достаточными или избыточными, да и где те весы, на которых можно их измерить, люди нашего времени не имеют права забыть, что своим существованием, своей свободой обязаны Советскому государству, его Вооруженным Силам (с. 102). Память об этом величайшем ратном подвиге русского народа не должна дать угаснуть прометееву огню в сердцах и умах его нынешнего и будущих поколений.

Раскрывая исторический смысл ратного подвига, автор сосредотачивается, с одной стороны, на патриотизме, верности воинскому долгу, стойкости, мужестве, героизме, силе духа, жертвенности русского народа (с. 104–138), а с другой – на диалектике физического и духовного начал, ума и воли в военном деле (с. 138–146).

Автор выделяет три вида патриотизма, из которых действенный, здоровый только один. Им обладают люди, которые искренне любят Родину, но не закрывают глаза на недостатки и не превозносят все русское, осуждая все иностранное (с. 107). К счастью, именно такой патриотизм исповедовало большинство советских людей в годы Великой Отечественной войны. Поэтому народы СССР быстро обрели «общую душу», которая стала ведущим и решающим фактором в Победе над фашизмом. В ней оказались уравновешенными идея защиты Отечества и национальная идея, вера в свои силы, вера в правительство, Коммунистическую партию, в историческое предназначение СССР и вера религиозная. Отсюда – невероятный массовый героизм (с. 108).

Многочисленные примеры последнего приводятся в книге. Причем четко прослеживается эволюция морально-боевых качеств советских воинов, совершенствовавшихся в ходе войны. Особо подчеркивается такое качество, как прорыв. Его нарастание наглядно проявилось в быстрой и умелой организации окружений немецко-фашистских войск, массовом героизме в боях 1944 г. (с. 118, 119). Даже когда логика войны вынудила советских воинов вступить на чужую территорию, восстановив государственную границу СССР, и там они показали высокие морально-боевые качества. Советские воины несли огонь Победы народам Европы, зная, что последний шаг особенно труден и опасен для жизни, а во время взятия Берлина их героизм был исключительным (с. 126, 128).

В чем же тайна и смысл героизма? Война ответила и на этот сложный вопрос. Героизм – такой поступок человека или коллектива людей, когда он сознательно делает шаг, выходящий за привычные нормы поведения, возлагает на себя высшую степень моральной ответственности. Героизм состоит в разрешении такого жизненного противоречия, которое в данный момент не может быть разрешено обычными, повседневными средствами (с. 128–129). Великая Отечественная война показала также, что жертвенность не является достоинством одного человека, она охватывает массы, и тогда эта сила становится непобедимой (с. 133). Не учитывать этого в современных условиях нельзя, ибо в российском обществе насаждается культ сохранения жизни любой ценой! Именно этот постулат – путь к предательству и развитию других аморальных качеств.

Поучительны рассуждения о роли военной теории в военном деле, сохранении понятий «победа» и «поражение», советской школе полководцев. На наш взгляд, следует выделить важное для современного военного строительства наблюдение о том, что в трудах военных теоретиков содержались глубокие исторические сведения, анализировались военно-исторические уроки, а проблемы стратегии рассматривались в органической связи с особенностями новой исторической эпохи, возможной динамикой соотношения сил противоборствующих сторон в вероятной войне (с. 140, здесь и далее курсив мой. – В.К.). Полководцев Великой Отечественной войны, отличала безграничная любовь к Родине, глубокая убежденность в справедливости целей, за которые они боролись, неразрывная связь со своим народом, вера в него и забота о его благополучии (с. 143). Характеризуя развитие военной науки в годы войны, автор отметил в числе ее творцов И.В.Сталина, как Верховного Главнокомандующего, как крупного стратега (с. 146).

В описании самоотверженности народа: единство (фронта и тыла) на первый план выходят вопросы истоков и факторов массового героизма в годы Великой Отечественной войны всего советского народа (с. 150–160), многогранного подвига тружеников тыла (с. 160–174), народной борьбы в тылу немецко-фашистских войск (с. 174–184). Причем автор осознает особую важность объективного объяснения источников и характера героизма, поскольку это относится не только к прошлому, но может и должно стать «верным ориентиром для решения сложных задач общественного развития России в настоящем и будущем» (с. 150). По его мнению, главная причина непреодолимости души советского народа в годы войны «заключалась в коренном, качественном изменении, которое произошло в стране в результате Великой Октябрьской революции 1917 г. ...Сформировавшиеся в обществе отношения предопределили высокий уровень самосознания и сознания советского человека, так ярко проявившиеся во время справедливой Отечественной войны» (с. 153, 154).

Отмечает автор роль в сплоченности, патриотизме и героизме советского народа в годы войны и других факторов, среди которых: Коммунистическая партия – «душа всех ратных и трудовых дел советского народа»; Советы депутатов трудящихся; профессиональные союзы; ВЛКСМ и другие массовые организации; идеологическая работа; Русская православная церковь и другие конфессии (с.156–157). К особым проявлениям патриотического порыва граждан им отнесены народное ополчение, небывалое в истории массовое участие женщин в вооруженной защите Отечества и в оказании всесторонней помощи фронту, жертвования трудящихся, поведение соотечественников, оказавшихся на оккупированной территории, в том числе узников концентрационных лагерей, не утративших веры в Победу над врагом (с. 159–160).

Важными выводами автора являются утверждения о том, что «победа в войне была одержана отечественным оружием, разработанным советскими людьми и созданным на советских предприятиях» (с. 173), что «никогда ранее борьба народных масс с завоевателями на оккупированной территории не была столь массовой и эффективной, как во время Великой Отечественной войны» (с. 175), а также заключение, что «основой ратных подвигов воинов Красной Армии и трудовых подвигов тружеников тыла, всенародной борьбы в тылу врага были высокий патриотизм и гражданственность, опиравшиеся на героическое историческое прошлое Отечества, но главным образом на советскую действительность» (с. 184).

В Советском Союзе получила развитие давняя традиция России – славить героев, воздавать им почести. На конкретных исторических примерах рассмотрены формы поощрения воинов, воинских частей и соединений, тружеников тыла, городов, отличившихся героизмом в годы Великой Отечественной войны (с. 186–202). К сожалению, отмечает автор, современное отношение к жизни как источнику удовольствий, не способствует тому, чтобы память о героизме участников Великой Отечественной войны стала не только примером, но и способом действий, дорогой в будущее. «Чтобы возродился импульс к героизму, подвигам, появилась историческая энергия и пылал огонь истории, нужно многое в жизни изменить: мы должны быть не просто народонаселением, а думающим наро-

дом, способным творчески решать проблемы настоящего и будущего своей страны...» (с. 202).

С.А.Тюшкевич особое внимание уделяет решающему оружию – оружию идеологическому. Ведь арена сражений за прометеев огонь это умы и души людей. И здесь свои формы и методы работы. Автор подробно раскрывает проблему роли и места социалистического реализма в культуре предвоенных лет, которая была призвана «всемерно способствовать формированию у народа высоких патриотических чувств, любви к Родине, ее прошлому и настоящему, ...воспитанию советских людей в духе интернационализма, готовности к защите Отечества...» (с. 206–207). Определенно, такого призыва к российской культуре и СМИ сегодня нет, а он чрезвычайно необходим! По мере усиления военной опасности для СССР, военно-патриотическая и антифашистская тематика все заметнее вторгалась в литературу и искусство. Однако многое в этом отношении изменилось после подписания пакта Молотова-Риббентропа – и это важное наблюдение (с. 209, 210). Данное историческое явление отразилось и на «Военно-историческом журнале», весь тираж первого номера которого (за август 1939 г.), подготовленного до подписания пакта, по указанию сверху был пущен под нож, а в ближайшее время издан номер в духе новых отношений с Германией. Отмечая большой вклад советской культуры в предвоенные годы в военно-патриотическое воспитание народа, в книге отмечаются и другие серьезные недостатки, последствия которых проявились уже во время войны: «...сделав упор на положительный образ строителя нового общества и защитника Отечества, в литературе и искусстве не получили должного отражения истинные масштабы надвигавшейся опасности, реальная сила противника, степень нашей готовности и неподготовленности к войне» (с. 210).

Говоря о существенном вкладе литературы и искусства всех жанров в Победу, деятельности представителей общественных наук, прогрессивном изменении форм и методов идеологической работы в годы Великой Отечественной войны (с. 212–220), автор вновь не забывает указать и их недостатки: «нередко замалчивались трудности и лишения, перенесенные народом. Преобладали победный пафос, дух героизма и самоотверженности» (с. 218).

Актуально звучит название параграфа «Военно-историческое оружие». Почему? Потому, что на «военно-историческом фронте» в последнее время мы терпим поражение за поражением, и в большинстве случаев сами оставляем позиции – сдаем рубежи ратной славы военно-исторической работы в Вооруженных Силах и военно-исторической науки в целом. А ведь в годы Великой Отечественной войны были созданы комиссии по сбору материалов по истории войны; в Оперативном управлении Генштаба специальный отдел (впоследствии управление) по изучению и обобщению опыта войны с целью его оперативного использования в действующей армии; подобные отделы и отделения функционировали в ГПУ РККА, штабах видов Вооруженных сил и родов войск, фронтов и армий, флотов и военных флотилий, главных и центральных управлениях НКО, которыми были изданы свыше 800 книг и брошюр о боевых действиях и развитии военного искусства. Большое внимание уделялось на-

учно-популярной литературе для массового читателя, для чего в Академии наук СССР была образована специальная комиссия.

Поистине летописью героизма советских воинов стали общественно-политические и военные журналы, фронтовые, флотские, окружные, армейские и дивизионные газеты. Да, пускай историческая литература в годы войны не избежала определенных недостатков, акцентируя внимание на позитивных эпизодах борьбы с захватчиками, но имея оперативный или публицистический характер, обобщая огромный фактический материал, она отвечала уровню и возможностям того времени и выполнила свое историческое предназначение, способствуя разгрому фашистских захватчиков (с. 220–226). А где сейчас подобные военно-исторические органы? Кто отвечает за научно-популярную литературу патриотической направленности? Какие задачи стоят перед военными СМИ и способны ли они эффективно их решать в современных условиях? Эти вопросы, безусловно, не к автору, но постановка таковых, в том числе и в рецензируемой книге, напрашивается.

Специально рассмотрена работа над литературным памятником беспримерного подвига народа и отечественная историография «во всех ее формах и проявлениях» после окончания Великой Отечественной войны (с. 226–230). Отметив значительный рост военно-мемуарной литературы в 1950-е г., в том числе на страницах «Военно-исторического журнала» (с. 227, 228), во второй половине 1960-х г. – ежегодный выход около 500 новых названий книг, сборников воспоминаний и статей, автор приводит отдельные работы, увидевшие свет в последние годы Советской власти, никак не характеризуя постсоветский период историографии Великой Отечественной войны, представив его в обзоре лишь двумя работами. Важен вывод, что «главной, определяющей тенденцией отечественной литературы и историографии во всех ее формах и проявлениях была и остается тема советского народа – народа-победителя, народа-героя, тема патриотизма и гражданственности... как при советской власти, так и в постсоветской России» (с. 230). Да, в годы войны борьба за живительный огонь, за пламя истории раскрывалась в художественной сфере образно и убедительно, правда историческое и философское осознание Великой Отечественной войны, Великой Победы над фашизмом шло медленно и недостаточно эффективно. В постсоветской России это осознание затормозилось, «главным образом потому, что было разрушено государство, уничтожившее в ходе войны фашизм» (с.230).

А что же или где же тогда общество, личность, народ-победитель? Неужели с «разрушением» государства у составлявших его людей обнуляется память, особенно долговременная – историческая, моментально угасает прометеев огонь? Ведь советские люди тоже принимали эстафету прометеева огня от праотцев после разрушения буржуазного государства. Значит причины в чем-то другом. Наверное, все же, в первую очередь, в нас, а не в наличии того или иного государства. Да, и не с нашего ли молчания разрушалось это государство?

Военно-историческая наука как основная хранительница знаний о прометееве огне (пламени), что движет реальную историю, является предметом анализа исследования. Ее, науки, развитие в Российской империи

(с. 231–236), Советском Союзе (с. 236–250) и в постсоветской России (с. 250–257) автор образно соотнес с обретением, горением и мерцанием прометеева огня, вынося эти аллегории в названия соответствующих параграфов.

Так, в эволюции военно-исторической науки в имперский период им отмечены следующие особенности. Военные историки первой половины XIX в. задачу всеобщей и военной истории видели в поиске закономерностей развития общества и военного дела. Они полагали, что история нужна не только для любопытства и умозрений, но и как путеводитель в высокой области политики. Их взглядам была свойственна тесная связь истории с современностью (с. 232). Во второй половине XIX в. возросло стремление официальных политических и военных кругов использовать военную историю в качестве средства идеологической обработки населения и армии (с. 233). При этом в 80-х гг. XIX в. окончательно определились два течения в официальной военно-исторической науке России – «академическая школа» и «русская школа». Причем недооценка национального российского фактора в эволюционных процессах военного дела привела академистов к преклонению перед иностранным военным опытом и пренебрежительному отношению к роли русской военной истории. Военные теоретики и историки «русской школы», напротив, подчеркивали самобытность отечественного военного искусства и страстно призывали к изучению русской военной истории по подлинным документам (с. 234). Отмечает автор и вклад русских писателей, которые много сделали для понимания сути и исторической роли в судьбах России ратных подвигов русских воинов, особенно – Л.Н.Толстого, раскрывшего диалектику души и нравственную сторону воинов, совершивших подвиги (с. 236). В целом, хотя к концу XIX столетия в России сложилась система военно-исторической деятельности, охватившая государственные и общественные структуры, а на рубеже XIX в. и XX в. произошло сближение двух российских школ военной истории, как наука она и в области методологии и в содержательном отношении оказалась в состоянии кризиса (с. 234, 235).

В Советском Союзе, отмечает автор, к военной истории обращались в большей мере в трудные времена, когда на карту ставилась судьба страны. Осмысление же исторического опыта Великой Отечественной войны велось в интересах обеспечения военной безопасности СССР и его союзников, теории и практики строительства и подготовки Вооруженных Сил. В целом в первые послевоенные годы отечественная историография отразила великий подвиг советского народа в минувшую войну. Ее научный уровень был достаточно высок, а размах исследований значителен (с. 237, 239). Однако в середине 1950-х гг. обнаружились и серьезные недостатки. Назревало начало всестороннего, комплексного исследования проблем истории Великой Отечественной войны. Но либерализация общественного сознания после XX съезда КПСС в 1956 г. оказала негативное воздействие на историографию Великой Отечественной войны. Этот этап ее развития по содержанию стал продолжением предыдущего, а по идейной направленности – во многом ее отрицанием (с. 239, 240). Одновременно развернулась борьба с зарубежными фальсификаторами истории Второй мировой и Великой Отечественной войн. В целом

во втором послевоенном десятилетии историография Великой Отечественной войны поднялась на качественно новый уровень. Она отличалась постановкой значительно более широкого круга проблем, достаточно свободным их обсуждением и заметными результатами. Вместе с тем, замечает автор, некоторые историки вместо одних недостатков создавали другие, из одной крайности бросались в другую. Так, на некоторое время со страниц книг и статей по истории войны исчезло имя Сталина (с. 243). В историографии Великой Отечественной войны возникли трудности.

Организационные мероприятия, осуществленные в конце 1960-х—начале 1970-х гг., способствовали развитию историографии войны. На новый, более высокий уровень ее подняло, в частности, создание в 1966 г. Института военной истории МО СССР. В этот период Великая Отечественная война по-прежнему оставалась главным направлением исследований военных историков, но уже в рамках Второй мировой войны, а история последней – в контексте эпохи (с. 243, 244). В целом, по мнению автора, развитие отечественной историографии с середины 1960-х гг. до середины 1980-х гг. оказалось достаточно плодотворным в научном отношении и глубоко патриотическим по направленности. Одновременно в нем явно проявились ортодоксальные для того времени черты в истолковании отдельных событий Великой Отечественной войны, а также излишние идеологизированность и политизированность (с. 248).

С началом перестройки в СССР, объявленной в 1985 г., положение в историографии Великой Отечественной войны стало меняться, явно проступали новые черты и тенденции. С одной стороны, делает вывод автор, создавались большие возможности для углубления исследований истории войны, развернулось движение за отказ от догм и субъективистских наслоений, в научный оборот вводился новый фактический и статистический материал, а с другой стороны – набирала силу тенденция негативного отношения к советской историографии, тенденция охаивания подвига советского народа, Великой Отечественной войны Советского Союза, ее героической стороны (с. 248, 249). И хотя в целом советская историография Великой Отечественной войны «выполнила свою историческую миссию», следует согласиться с автором, что в ее развитии проявлялись элементы субъективизма и догматизма, недостаточное освещение отдельных сторон войны и умалчение о некоторых неудачах и поражениях Красной Армии (с. 250). Очевидно, последний недостаток и послужил одной из главных болезней постсоветской историографии Великой Отечественной войны – долгое время накапливавшийся и не разгребавшийся историками пепел не только стал причиной угасания огня, но и зачастую начал выходить на передний план, привлекая все большее внимание, хотя и для совершенно других, более низменных потребностей.

В постсоветской России историография Великой Отечественной войны Советского Союза продолжила развитие в иных, чем прежде, социально-политических и экономических условиях, в другой духовной обстановке. Поэтому, по мнению автора, в ней проявляются отказ от прежней методологии, особенно от принципов объективности и историзма, дегероизация истории войны, извращение ее причин и характера, сути Победы. Во многом этому способствовало еще и массовое вторжение в воен-

ную историю малокомпетентных в данной области публицистов, журналистов, деятелей «новой культуры» (с. 250, 251). Однако больше всего в такой обстановке пугает участь молодежи – заложников ситуации. Большинство авторов учебников по истории и обществоведению придерживаются тенденциозной точки зрения, явно не соответствующей исторической истине. Они не дают целостной системы знаний о героическом прошлом России, искаженно показывают ее военную историю, не раскрывают преемственности поколений на воинских традициях. Обоснованность этих утверждений автора, к сожалению, приходится признать. Радует лишь то наблюдение, и оно приводится в книге, что атрофия исторической памяти и национальной гордости присуща лишь некоторой части граждан России, а историография Великой Отечественной войны все же делает робкие шаги по выходу из кризисного состояния (с. 252, 253). Безусловно, рецензируемая книга – яркое свидетельство первого и способствующий фактор для последнего.

Эффективному использованию живительного огня истории – потенциала Подвига советского народа в Великой Отечественной войне для решения социальных и оборонительных задач, стоящих перед Россией, призваны служить данные исторической науки, в первую очередь военной, а также произведения литературы и искусства. Осознанный в послевоенные годы опыт Победы над фашизмом является действующим фактором сохранения и умножения в мирных условиях ратных и трудовых традиций, формирования и укрепления гражданских чувств и высокой нравственности. Именно такие нравственные ориентиры – коллективизма и патриотизма, консолидирующая идея и цель, чтобы развиваться, нужны обществу. Люди всех возрастов чувствовали непосредственную и нерасторжимую связь с историей, и эта история зримо и ощутимо проходила через жизнь каждого – от седых стариков, уже отдавших Родине все, до самых юных, но уже готовых последовать их примеру. И абсолютно прав автор, утверждая, что такая нравственная опора советского общества, формируемая на основе исторической памяти, имела значение в обеспечении государственной безопасности, не менее важное, чем ракетно-ядерный щит и Вооруженные Силы. Вместе с тем, ошибкой является отрицание и игнорирование советского прошлого. «Оно даже проклиняется, уничтожаются его смыслы и ценности» (с. 284).

Последнее, кстати, может быть причиной того, что в современной России, несмотря на наличие в обществе здоровых сил, актуализация духовного потенциала Победы в интересах развития государства оказалась сложна и противоречива (с. 265, 266). Одной из черт российского общества стало неуважительное, пренебрежительное отношение к традиционным духовным ценностям общества и старших поколений. А ведь это и подобные явления приводят к глубоким противоречиям между поколениями, разрыву преемственности и связи времен, духовному обнищанию молодежи, а вместе с ней и всего общества. Даже реализация положений государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации», играя определенную роль, не позволяет достичь действенных результатов – системных мер нет, охват молодежи мероприятиями невелик, а термин «военно-патриотическое воспитание», в результате вообще выходит из моды (с. 267, 268).

Огромную роль в патриотическом воспитании населения страны, прежде всего молодежи, имеют правильно осознанные национальные интересы. Они выражаются через четко сформулированные идеи, доктрины, концепции. Однако в России до сих пор не сформирована общенациональная идея, не выработаны общие цели функционирования и развития общества и государства. Почему? Может потому, что национальные интересы России, так или иначе, содержат в себе прошлое страны, особенно ближайшее, а мы его либо не понимаем, либо не принимаем, либо как ближайшее советское прошлое – даже отвергаем. Исторические знания с древнейших времен были и остаются надежной опорой духовности народа, общества, являются действенным фактором его сознания и самосознания. «Их уровень и степень развития влияют на само общество и на его способность решать задачи социального прогресса. Тем самым на первый план выступает познавательная функция военно-исторической науки» (с. 273). Недаром говорят: военная история – учитель и воспитатель. Особое значение образовательная функция военной истории имеет для военных кадров. Она помогает объяснить причины побед и поражений в войнах, способствует выполнению воинского долга в мирных условиях. В связи с этим, достаточно обоснованно считает автор, военно-историческое образование должно стать приоритетным направлением государственной политики (с. 274).

Особое место в формировании важной составной части оборонной мощи современного Российского государства – его духовного потенциала – должна занимать история Великой Отечественной войны Советского Союза. Она дает знание и понимание, что общество в любых условиях должно иметь исторически выверенные нравственные ориентиры и реальные мобилизующие идеи, помогает осознать роль и место современной России в мировом сообществе, в общецивилизационном процессе, способствует формированию у людей чувства гордости за свое Отечество, предохраняет их от веры в злонамеренные мифы о России (с. 275, 276).

Роль философии в историческом процессе, по мнению автора, отражает степень зрелости цивилизации, ее основные противоречия и движущие силы, достоинства и недостатки. «Она как рентген, как прожектор просвечивает и высвечивает исторический процесс, показывая, где огонь, а где пепел, подсказывая, что необходимо для продолжения истории, чтобы горение огня было неугасимым» (с. 279). Огромное значение философии в духовной жизни народов и стран, особенно в переломные моменты их истории. Для постсоветской России, вступившей в новый этап своего развития, такой час наступил. Прежние идеалы и цели, социальные, политические и духовные ориентиры утрачены, а новые вырабатываются с трудом. В таких условиях личность, подвергается воздействию целой системы отрицательных факторов. В этой связи весьма актуален вывод: «Проблему выбора личность (общество, народ, мировое сообщество) не сможет решить, если оно будет опираться только на естественные, технические и другие конкретные науки. Здесь необходимы философские знания, идеи, диалектический подход к решению исторических задач, позволяющий постигать закономерности материального и духовного мира в единстве и разнообразии. ...Требуется комплекс идей, необходи-

мых для сохранения цивилизации, формирования подлинно (а не формально) демократического общества и воспитания личности, которая сможет создать такое общество в XXI в.» (с. 282).

Интересны выводы автора из анализа современных философских знаний. Один из них касается духовных революций, которые всегда предшествуют революциям политическим, а также контрреволюциям. «В частности, той, которая произошла в Советском Союзе, в России в 1991–1993 гг. Эта контрреволюция была подготовлена в годы горбачевской перестройки, когда изменялся смысл ключевых для советского общества мировоззренческих универсалий. ...Социальная жизнь постсоветской России, ее культура стали деградировать. Материальным выражением негативного смысла ключевых мировоззренческих, т.е. философских, универсалий стали демографическая катастрофа России, превращение ее в сырьевой придаток США и западноевропейских стран, глубокое падение производства и жизненного уровня населения, резкая социальная дифференциация общества на очень богатых и на очень бедных...» (с. 283).

Автор выступает против «странных и, более того, антиисторических попыток ограничить светский характер Российского государства и общества. Делается это посредством так называемой “симфонии” государства и Русской православной церкви. Осуществляемая клерикализация школы, высших учебных заведений и Вооруженных сил противоречит Конституции РФ, в которой четко и ясно сказано о светскости Российского государства, об отделении от него церкви» (с.285).

Делом первостепенной важности автор считает недопущение глобальной катастрофы, которая может стать результатом происходящего удовлетворения потребностей нынешнего поколения людей за счет наших потомков. Чтобы добиться подлинного мира он предлагает ряд действенных мер. Однако выживание цивилизации и рода человеческого, по его мнению, «может стать реальностью лишь в условиях новой модели развития цивилизации», идеи которой (идеи о ноосфере) впервые были высказаны выдающимся русским и советским ученым В.И.Вернадским. В свою очередь содержание процесса обновления России должно быть неразрывно связано с переходом вместе с другими странами и регионами планеты к новой социоприродной модели развития и перспективами ноосферного выбора (с. 286–288).

Вся многовековая история нашего Отечества – это история борьбы за огонь. При этом Великая Отечественная война Советского Союза, заключает автор, – это уникальное явление не только национальной истории, но и истории всемирной, явление общечеловеческое. В нем ярко горел огонь справедливости, гуманности, сохранивший жизнь на планете и надежды на ее улучшение в настоящем и будущем (с. 293–294). Однако с «холодной войной» в целом получилось иначе. Столкнувшись с нею, лидеры СССР и его союзников по Варшавскому договору недооценили ее опасность. Они не сумели в полной мере понять геополитический, социальный и идеологический характер «холодной войны» (с. 294). В итоге, на исходе XX в. произошло то, чего менее всего ожидали народы Советского Союза: СССР был сознательно развален внутренними и внешними силами во взаимодействии с другими обстоятельствами и факторами объ-

ективного и субъективного характера. Это означало, что огонь истории тоже стал иным не только в одной стране, но и во всем мире. «Вместо красного цвета, означавшего социализм, коммунизм, огонь приобрел оранжевый тон, отражавший неолиберальную идеологию и практику западного мира, в первую очередь США» (с. 294, 295). Своеобразной иллюстрацией этого стали «оранжевые революции», происшедшие в ряде стран бывшего СССР и Восточной Европы. Не прошло и двух десятилетий, а Президент Российской Федерации признал, что избранная модель экономики (либерального образца) означает тупик; страна технологически сильно отстала, превратилась в сырьевой придаток ведущих стран мира. Социальное расслоение критическое. Внедряя в сознание россиян лозунг «Обогащайтесь!», либеральная элита и «новые русские», по мнению автора, с которым следует согласиться, хотят атомизировать российское общество, вытравить коллективистские начала, которые лежали в основе формирования «личности нового типа», чтобы легче было обогащаться и быть покладистыми по отношению к западному капиталу (с. 295, 296).

По сути, автор констатирует наличие в России системного кризиса, которая стоит перед выбором оптимального пути выхода из него. Свой вклад в поиск этого пути он вносит, приводя уроки борьбы за огонь истории, требующие учета. Один из них состоит в том, что успешное развитие стран и народов, его поступательность и прогрессивный характер решающим образом зависит от содержания и направленности господствующего в обществе мировоззрения, от степени его соответствия сути и логике исторического процесса (с. 297). Другим важным уроком борьбы за сбережения огня истории России является урок разумного, уважительного отношения к прошлому своей страны, особенно ближайшему, а также рационального зарубежного опыта. Особое значение приобретает сохранение исторических, трудовых и ратных традиций народа. В первую очередь периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В свете закона диалектического синтеза, подчеркивает автор, «ясно, что социализм в СССР – не трагическая ошибка выбора пути, не случайность, а закономерный результат исторического развития, обусловленный социальным характером российского общества, духом народа». Поэтому нужно не отгораживаться от советского прошлого, не отказываться и, тем более, не проклинать. Необходимо изучать его, осмысливать, опираться на него, усваивая все полезное, положительное (с. 298, 299).

Весьма актуальным для современной России на путях выхода из кризиса, по мнению автора, является урок ограничения влияния тех социальных, политических и иных сил, которые мешают этому. К ним, например, Президент России Д.А.Медведев относит и «влиятельные группы продажных чиновников и ничего не предпринимающих предпринимателей». К негативным факторам относится частная собственность в Российской Федерации, почти не имеющая социальных функций, «рыночные отношения» и «свобода выбора», которые служат в России в основном крупным собственникам, а не обществу, не народу (с. 300, 301).

Наконец, прогресс, как считает автор, невозможен без выполнения требований закона диалектического синтеза, современной философии и

науки в целом. Отсюда и очередной такой урок, который можно назвать обязывающим. «Российской власти, политическим партиям и движениям следует на философско-научной основе понять, осмыслить и раскрыть обществу, народу России смысл истории, смысл существования и дальнейшего развития России как наследницы Советского Союза, одержавшего Великую Победу и сыгравшего главную, решающую роль в освобождении своей страны и всего человечества от фашистского зла» (с. 301). Между тем «...правлящая элита не способна создать философскую идею, которая бы была принята обществом» (с. 284).

Определяет автор и необходимые условия для совершения героического подвига. «Прежде всего, важно осознание личностью общественных интересов, которое приобретает значение побудительных сил. Неосознанные интересы не могут быть мотивами героических действий ни на ратном поле, ни на мирной ниве. Героический подвиг становится возможным, когда в сознании индивида общественные интересы преобладают, превращаются в основные мотивы деятельности. Необходимы идеалы, великие идеи, которые зажигают, придают смысл, ради которых можно пожертвовать всем. ...Ибо героизм – торжество человечности над животным началом, духа над телом» (с. 302). Но одних знаний о ратных подвигах и памяти о них недостаточно. Понимая это, автор призывает наследников Великой Победы по зову разума и сердца активно действовать во благо народа и Отечества, защищая Победу от недругов разного рода – хулителей, фальсификаторов, неофашистов.

Таким образом, в рецензируемой книге С.А.Тюшкевич поднимает широкий пласт социальных и мировоззренческих проблем российского общества, его безопасности в духовной и военной сфере, поиска путей развития России и сохранения цивилизации на принципах разума и высокой нравственной основе, опирающейся на историческое прошлое, в том числе ратные подвиги наших предков. Особое место в героическом прошлом России автор справедливо отводит Подвигу и Победе советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Несмотря на кажущуюся при обращении к содержанию сложность труда, он займет достойное место, как среди теоретических, так и практически значимых трудов в области отечественной военной истории, философии и патриотического воспитания граждан Российской Федерации.

КОНЦЕПЦИЯ

В.Н.Иванов
В.К.Сергеев

КОНЦЕПЦИЯ ГОРОДСКОЙ ЦЕЛЕВОЙ КОМПЛЕКСНОЙ ПРОГРАММЫ «КУЛЬТУРА МОСКВЫ (2011–2013 гг.)».

ИВАНОВ Вилен Николаевич – член-корреспондент РАН,
СЕРГЕЕВ Виктор Константинович – доктор социологических наук

Московским Институтом социально-культурных программ совместно с Институтом социально-политических исследований РАН и другими научными учреждениями столицы подготовлена концепция целевой комплексной программы «Культура Москвы (2011–2013 гг.)».

Концепция была обсуждена на заседании коллегии департамента культуры Правительства Москвы, на котором было высказано предложение ознакомить с ее содержанием как можно более широкий круг москвичей.

Руководители рабочей группы: член-корр. РАН В.Н.Иванов и д.с.н. В.К.Сергеев представляют текст концепции на страницах журнала.

1. Обоснование соответствия решаемой проблемы и целей программы приоритетным задачам социально-экономического развития города Москвы

Культура, духовность, нравственность являются основными составляющими всех сторон жизнедеятельности россиян, приоритетами государственной политики в России. В числе государственных приоритетов – производство знаний, новых технологий и передовой культуры. При этом культура, рассматриваемой не только как различные виды и жанры искусства, но и в широком, всепроникающем ее понимании – как культуры политики и экономики, культуры межнациональных и межличностных отноше-

ний, культуры семьи, культуры быта, экономической культуры. Патриотизм, вера в Россию, привязанность к родному дому – ярчайшее проявление духовной культуры общества.

В истории России Москве всегда принадлежала особая роль. Именно с ней связан расцвет национальной культуры. Москва – один из крупнейших культурных центров мира, культурная столица России. В ней сконцентрировались и переплелись важнейшие культурные процессы, проблемы и противоречия нашего времени. Москва несет бремя ответственности за сохранение национальных культурных традиций, межнациональное культурное взаимопонимание и взаимодействие, обеспечение преемственности развития культуры и искусства, международное культурное сотрудничество, за воспитание современного культурного человека, максимально соответствующего в своей деятельности интересам государства и общества.

Сфера культуры – совокупность социальных институтов, функционирование которых сопровождается постановкой и реализацией конкретных социальных задач: закрепление и воспроизводство общественных отношений, обеспечение устойчивости социальной структуры общества, регулирование отношений между членами общества путем выработки культурных образцов и моделей поведения, обеспечение сплочения, взаимозависимости и взаимответственности членов общества.

Культурная деятельность, усвоение культуры являются неотъемлемым правом каждого гражданина независимо от социального и национального происхождения, языка, пола, политических, религиозных и иных убеждений, имущественного положения, образования, профессии или других обстоятельств. Через культуру, ее виды, формы, проявления идет процесс осознания человеком и обществом всего многообразия и ценностей окружающего мира, осуществляется процесс познания человеком самого себя.

Культура – способ существования человека. Человек как вид есть культура. Он не потому культурен, что является человеком, а потому он и человек, что является культурным. Это значит, что содержанием культуры становится все содержание человеческой деятельности. Системно функционирующая культурная сфера в отличие от стихийного формирования личности осуществляет свои задачи с большей надежностью, стабильностью и эффективностью. Сохранение и приумножение национальных культурных, духовных и нравственных ценностей, укрепление духовного единства граждан являются важнейшими факторами успешного социально-политического и экономического развития московского и российского общества в целом.

Общие культурные ценности представляют особую социальную значимость, объединяя многонациональный московский социум на решение важнейших задач государственного строительства, воспитывая патриотическое отношение к Родине, уважение к родной истории, бережное отношение к природе. Культурное воспитание обуславливает готовность граждан к освоению передовых достижений современной науки и техники, способность к сохранению национальных традиций, противостоянию культурной экспансии. Успех в этом деле возможен лишь в условиях сознательного выдвижения и реализации культурно-воспитательных целей,

определенной организации и контроля этого процесса, наличия специально подготовленных кадров, концентрации усилий на решение культурно-воспитательных задач, взаимодействия и координации между учреждениями культуры, сотрудничества всех ведомств социальной сферы, что предполагает системный, комплексный, программный подход на основе реализации целостной государственной культурной политики в условиях комплексного планирования и научного прогнозирования.

Настоящая концепция основывается на системном анализе социальных и экономических процессов, происходящих в стране и в мире, исследованиях реальных проблем в социально-культурной сфере Москвы, удовлетворенности и запросов населения, социологических исследованиях результатов реализации предыдущих программ развития культуры столичного мегаполиса, осуществлявшихся Московским институтом социально-культурных программ совместно с Институтом социально-политических исследований Российской академии наук. Результаты исследований свидетельствуют о том, что комплексный, программный подход в деле культурного воспитания, просвещения москвичей, формирования и развития культурной сферы московского мегаполиса себя оправдал. В ходе реализации предыдущих целевых комплексных программ «Культура Москвы» произошли реальные позитивные перемены. Восполняются утраты, имевшие место в сфере культуры в первой половине 90-х гг., осуществляются строительство и модернизация объектов культуры, растет численность участников культурного процесса, расширяются диапазон и качество досуговых предложений, улучшаются условия и эффективность труда работников культурно-досуговой сферы, все большее число москвичей высказывают удовлетворенность культурной ситуацией в Москве. Но в то же время все в большей степени растут их культурные и досуговые запросы.

Результаты проводившихся в ходе реализации Программы «Культура Москвы (2008–2010 гг.)» исследований свидетельствуют о том, что удовлетворенность населения Москвы деятельностью учреждений культуры и досуга в целом возросла на 8%. Москвичи чаще посещают театры и концерты, возрос интерес к музеям и библиотекам, однако они отмечают недостаток клубов, молодежных мероприятий, территориальную отдаленность культурно-досуговых учреждений от районов массовой застройки. Возросли ожидания жителей Москвы в области интеллектуализации предоставляемых услуг, развития современных форм досуга, модернизации учреждений культуры, привлекательности внешнего вида объектов культуры, рекламного обеспечения работы учреждений культурно-досуговой сферы.

Условия развития культуры, формирования системы деятельности учреждений и организаций культуры Москвы определяются двумя основными группами факторов.

Внешние факторы:

- уникальность Москвы как столицы Российского государства и крупнейшего политического, экономического и культурного центра международного значения;
- положение Москвы как мегаполиса массового притяжения населения России, ближнего и дальнего зарубежья;

– влияние глобализации культуры, оказывающей разнонаправленное воздействие на развитие культуры в Москве и России.

Внутренние факторы:

– специфика социально-демографической структуры населения, определяемой высоким уровнем его концентрации;

– сложность, многообразие многонационального, поликультурного состава населения;

– высокий культурный потенциал столицы, многочисленность культурных объектов, разнообразие культурных предложений и образцов.

Влияние внешних факторов сказывается прежде всего на деятельности учреждений и организаций культуры уникального характера, ведущих театров, крупнейших концертных залов, музеев, библиотек, обуславливая дополнительную нагрузку на них. Внутренние факторы определяют потребности и степень удовлетворенности постоянного населения, миллионов москвичей всех социальных категорий.

Москва располагает большим числом как уникальных объектов культуры и искусства мирового значения, так и учреждений культуры массового спроса. Причем численность их постоянно растет.

В условиях развития рыночных отношений, укрепления государственности, развития общественных связей, демократизации общества городской целевой комплексной программе «Культура Москвы (2011–2013 гг.)» (далее – Программа) предстоит стать инструментом обеспечения стабильного развития культуры.

Концептуальной основой Программы является признание Правительством Москвы воспитания духовности и культуры одним из базовых факторов поступательного развития всех сфер жизнедеятельности московского мегаполиса. Эта концепция определяет суть государственной культурной политики в Москве, создавая условия для реализации конституционных прав граждан в области культуры, формируя парадигму деятельности всех субъектов культурной политики с учетом реальной экономической ситуации и прогнозируемой динамики. На основании предлагаемой концепции программа развития культуры Москвы на предстоящий период с учетом сложившейся социально-экономической ситуации, реального культурного потенциала и экономических возможностей предусматривает дальнейшее планомерное и эффективное развитие культурной сферы, создание оптимальных условий для развития культуры и искусства, организации досуга москвичей, укрепления материально-технической базы объектов культуры, повышение эффективности, улучшение условий труда и благосостояния работников социально-культурной сферы, что окажет позитивное воздействие на духовное, культурное, моральное состояние общества, общественное сознание в целом, консолидируя московское общество для успешного решения важнейших задач экономического и социального развития.

2. Обоснование целесообразности решения проблемы программно-целевым методом

Целесообразность решения проблемы развития культурно-досуговой сферы Москвы программно-целевым методом обусловлена возможностью

органичного сочетания научного подхода к планированию и организации культурного процесса с результатами практической деятельности учреждений культуры и оптимизацией расходования финансовых средств.

Нормативными, правовыми основаниями для разработки и реализации программы являются следующие документы:

- Закон Российской Федерации от 9 октября 1992 г. №3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре»;
- Федеральный закон от 29 декабря 1994 г. №78-ФЗ «О библиотечном деле»;
- Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. №181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»;
- Федеральный закон от 12 января 1996 г. №7-ФЗ «О некоммерческих организациях»;
- Федеральный закон от 26 мая 1996 г. №54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации»;
- Федеральный закон от 25 июня 2002 г. №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»;
- Закон города Москвы от 17 января 2001 г. №3 «Об обеспечении беспрепятственного доступа инвалидов к объектам социальной, транспортной и инженерной инфраструктур города Москвы»;
- Закон города Москвы от 23 сентября 2009 г. №36 «О библиотечно-информационном обслуживании населения города Москвы»;
- постановление Правительства Москвы от 17 января 2006 г. №33-ПП «О порядке разработки, утверждения, финансирования и контроля за ходом реализации городских целевых программ в городе Москве».

Содержательной основой концепции является поэтапное целевое комплексное развитие культуры Москвы с учетом сложившихся реалий и прогнозируемых процессов в экономике и социальной сфере столицы и России.

Первый этап (кризисная ситуация) – выработка стратегии организации деятельности учреждений культуры и досуга в условиях мирового глобального кризиса. В этот период акцент делается на повышение эффективности работы с учетом реально сложившейся ситуации и ограниченности ресурсного обеспечения. В такой ситуации возрастают роль и ответственность работников культурно-досуговой сферы. В условиях экономии и бережливости им предстоит совершенствовать и развивать культурную работу с населением за счет рационализации, оптимизации организуемых ими культурных процессов, поиска новых, не требующих больших затрат, форм и направлений, актуализации и модернизации работы по содержанию, исходя из имеющихся ресурсов, как минимум вдвое повысить эффективность использования бюджетных вложений. Особое внимание при этом необходимо уделять обеспечению культурной, духовной, психологической реабилитации москвичей средствами культуры в условиях кризиса, снижения уровня жизни определенной части населения, нестабильности и депрессии.

Второй этап (посткризисная ситуация) – планомерное наращивание потенциала культурно-досуговой сферы, количественный и качественный

рост сети учреждений культуры и досуга в контексте изменений социально-экономической ситуации в стране, формирование материальной, организационной, экономической, содержательной базы для эффективного развития отрасли в последующий период экономического подъема в целях полного и качественного обеспечения всех категорий населения Москвы качественным, высокоинтеллектуальным, одухотворенным культурным продуктом, современными, на уровне мировых стандартов, видами досуга, а работников культурно-досуговой сферы – современными условиями труда и достойным уровнем заработной платы.

Экономической основой концепции является ориентация на стратегические, перспективные, социально-ориентированные направления развития культурной сферы Москвы, целями развития которых являются:

1. Первоочередное развитие учреждений культуры и досуга массового спроса, доступных для всех категорий населения, в том числе инвалидов и других лиц с ограничениями жизнедеятельности в районах массового проживания.

2. Обеспечение доступности культурных благ в период снижения потенциальных возможностей граждан в условиях экономического спада.

3. Реализация программ культурной реабилитации и психологической разгрузки населения столицы.

4. Культурное воспитание подростков и молодежи, подготовка культурных, эрудированных, духовно развитых менеджеров для всех сфер производства, экономики, политики.

5. Борьба с негативными явлениями в социальной сфере, такими как наркомания, алкоголизм, преступность и т.п., средствами культуры, искусства, одухотворенного интеллектуального досуга.

В целях рационализации, повышения эффективности, экономии бюджетных ресурсов предполагается концентрировать усилия на реализации ключевых проектов и программ, закладывающих основу для интенсивного развития и подъема культуры в посткризисный период экономического подъема, финансирование современных, масштабных проектов, устремленных в будущее, использование программно-целевого метода на всех уровнях и направлениях работы, ориентируясь на целевую аудиторию и решение конкретных социально-культурных задач.

Основополагающие принципы Программы:

– комплексный подход к решению культурных проблем в контексте конституционных прав граждан России в области культуры и государственной культурной политики;

– обеспечение эффективного взаимодействия органов государственной власти и гражданских институтов в деле развития культуры Москвы, культурного воспитания граждан;

– социальная ориентированность, стимулирование культурной, творческой активности населения;

– гарантия сохранения и развития национальной культуры, русского народного творчества, традиционного творчества народов России;

- поддержка инновационных творческих проектов в области культуры и искусства;
- развитие современных информационных технологий, организационно-техническое обеспечение деятельности учреждений культуры и досуга;
- стимулирование развития межрегиональных и международных связей учреждений культуры, творческих работников, поддержка международных культурных проектов;
- изучение и использование на практике зарубежного опыта организации развития культурной сферы в условиях мегаполисов;
- гибкость планирования, адаптация проектов к изменяющимся социальным, экономическим и культурным условиям;
- концентрация ресурсов на решение приоритетных задач развития культурной сферы.

Адресаты программы:

- население города Москвы;
- комплексы городского управления;
- организации культуры, искусства и досуга;
- работники культуры и искусства;
- творческие союзы;
- общественные организации культуры;
- коммерческие организации, осуществляющие свою деятельность в сфере культуры, искусства, досуга, шоу-бизнеса;
- средства массовой информации.

Социальная значимость проблем, связанных с развитием культуры Москвы, культурным, духовным воспитанием жителей московского мегаполиса, ролью духовной культуры во всех сферах жизнедеятельности российского общества, обуславливает необходимость их решения при активной государственной поддержке с использованием программно-целевого метода, который позволяет обеспечить высокий уровень организации процессов в сфере культуры, межведомственной координации, оптимизации средств и методов решения поставленных целей и задач, систематизирует процесс развития культуры в реальном социально-экономическом и политическом контексте.

Система программных мероприятий позволит направить имеющиеся ресурсы на развитие стратегических, социально значимых направлений, осуществлять системный подход в противодействии негативным явлениям в сфере культуры и в обществе. Городская целевая комплексная программа «Культура Москвы (2011–2013 г.)» должна стать инструментом стабильного, рационального и эффективного развития культуры Москвы.

3. Характеристика и прогноз сложившейся проблемной ситуации в сфере культуры без использования программно-целевого метода

Социально-культурная сфера Москвы располагает следующими позитивными характеристиками:

- обширностью связей, реализуемых внутри и в контексте социально-культурной сферы;
- широтой охвата различных социально-демографических категорий населения;
- уникальной для России численностью и разнообразием объектов культуры и досуга;
- многообразием содержательной культурно-досуговой деятельности;
- высоким уровнем культурного, творческого, интеллектуального и досугового продукта, предлагаемого населению;
- многочисленными кадрами специалистов культурно-досуговой сферы и творческих работников;
- уникальными ценностями культуры и искусства, накопленными за многовековую историю Москвы.

Таблица 1

Плотность населения и распределения учреждений культуры в административных округах города Москвы

Название округа	Количество районов	Площадь округа (кв. м)	Население округа (тыс. человек и в % от общей численности)	Плотность населения (тыс. человек на кв. м)	Количество учреждений культуры в округе	Количество учреждений на 100 тыс. жителей
Восточный	16	151,0 (14,4%)	1381,8 (13,4%)	9,2	97	7
Западный	13	132,8 (12,7%)	1029,0 (9,9%)	7,7	121	12
Зеленоградский	3	37,0 (3,5%)	215,7 (2,1%)	5,8	21	10
Северный	16	87,3 (8,4%)	1112,9 (10,8%)	12,7	87	8
Северо-Восточный	17	102,3 (9,8%)	1240,0 (12,0%)	12,1	83	7
Северо-Западный	8	106,9 (10,2%)	780,0 (7,5%)	7,3	68	9
Центральный	10	64,1 (6,1%)	701,4 (6,8%)	15,6	217	31
Юго-Восточный	12	126,0 (12,1%)	1109,1 (10,7%)	8,6	80	7
Юго-Западный	12	107,7 (10,3%)	1179,2 (11,4%)	10,9	59	5
Южный	16	130,5 (12,5%)	1593,1 (15,4%)	12,2	91	6
Всего по Москве	123	1045,6 (100%)	10342,2 (100%)	10,2 (среднее)	924	9

В то же время динамику развития социально-культурной сферы Москвы в современных условиях определяет и целый ряд негативных факторов, таких, например, как:

- коммерциализация деятельности государственных и негосударственных учреждений культуры и досуга;
- ограниченность бюджетных средств, предусматриваемых на развитие культурно-досуговой сферы в связи с глобальным экономическим кризисом;
- сокращение материальных возможностей населения для получения культурных и досуговых благ;
- пропаганда СМИ бездуховных, примитивных, антикультурных форм досуга для наиболее активной части населения – подростков и молодежи;
- не в полной мере обеспечение доступности учреждений культуры и культурных благ для маломобильных групп населения;
- отсутствие социальной рекламы деятельности учреждений культуры и досуга, продукта высокой культуры в средствах массовой информации.

По результатам социологических исследований 72% москвичей не знают о том, какие культурно-досуговые услуги предоставляют их культурно-досуговые учреждения района, 51% – округа, 38% – Москвы в целом.

Программа «Культура Москвы (2011–2013 гг.)» является логическим продолжением и развитием Городской целевой комплексной программы «Культура Москвы (2008–2010 гг.)» и направлена на реализацию государственной политики в сфере культуры на новом этапе с учетом динамики социально-экономической и культурной ситуации в Москве и в России. Она ориентирована на обеспечение оптимальных условий для гармоничного, всестороннего, комплексного развития культурного потенциала столичного мегаполиса, определение приоритетных направлений государственной политики в области культуры и искусства на предстоящий период. Программа формирует основу для эффективного и динамичного развития отрасли культуры, являясь базовым документом для разработки планов, программ и проектов в муниципальных округах, государственных учреждениях культуры и досуга, функционирующих за счет средств городского бюджета. Программа призвана стать основой и гарантией сохранения и развития единого культурного пространства Москвы, ее уникального культурного потенциала.

Приоритетами развития театрально-концертной деятельности стали проведение целенаправленной репертуарной политики, создание современной инфраструктуры по обслуживанию посетителей, объединение свободных сценических площадок в единую театрально-концертную сеть. Совершенствовалась и система целевого государственного финансирования. Успешно развивался проект «Открытая сцена». Поддерживалась творческая деятельность фольклорных коллективов. Стимулировалась работа театров, театров-студий, размещенных в районах массовой застройки. Развивалась театрально-гастрольная деятельность. Яркие краски в культурную палитру Москвы внесли ставшие традиционными фестивали, конкурсы и юбилейные мероприятия.

Музейная и выставочная деятельность отражала мировые тенденции в формировании современного культурного продукта. Главными задачами в области музейно-выставочной работы стали сохранение и учет коллекций путем внедрения современных технических средств и технологий, формирование музейно-выставочных экспозиций. Велась работа по соз-

данию музейно-выставочного комплекса «Царицыно». Формировались многофункциональные музейные комплексы «Провиантские магазины», Усадьба Гагариных, «Музей истории Москвы», Музей русской усадебной культуры «Кузьминки», Московский государственный объединенный художественный, историко-архитектурный и природно-ландшафтный музей-заповедник (Коломенское–Люблино–Лефортово–Измайлово). Реализовалась общегородская программа, посвященная Дням исторического и культурного наследия. Расширялась сеть окружных музейно-выставочных залов под кураторством городских музеев.

В сфере библиотечного обслуживания комплекс программных мероприятий предусматривал преодоление «кризиса чтения» путем реализации комплексных программ, разработки и реализации проекта «Библиоград» – создания открытой корпоративной информационной системы обмена базами данных московских библиотек. Осуществлялись: организация новых инновационных видов услуг библиотечного профиля для всех категорий населения – автоматизированной справочно-информационной и поисковой системы, службы индивидуального клиентского обслуживания («Служба запросов»), службы «Единого сводного каталога московских библиотек», службы «Единый читательский билет», «Музей редкой книги», «Электронная библиотека Москвы», «Фонд «Домашняя библиотека», «Фонд нотно-музыкальных изданий»; создание детских и юношеских центров на базе интеллект-центров, центров общественного доступа на базе публичных библиотек в рамках программы «Электронная Москва», распространение программ «Запишись в библиотеку», «Новое поколение выбирает чтение» и других программ, направленных на повышение роли библиотеки и социального статуса библиотечного работника; формирование культуры чтения, пропаганда книги.

Продолжалось развитие сети учреждений культуры клубного типа для удовлетворения растущих потребностей населения Москвы в современных формах семейного, молодежного досуга, детского эстетического воспитания. Повысился объем и качество культурных услуг. Развивалась система учреждений клубного типа в местах, отдаленных от центральной части города, обновлялось оборудование клубов, развивались новые виды деятельности, отрабатывалась модель клубного учреждения культуры нового типа – креатив-центра.

Приоритетным направлением развития парков стало распространение социальной маркетинговой стратегии на их текущую деятельность, что способствовало развитию профильной специализации, повышению уровня рекреационных возможностей, воспитанию экологической культуры населения, сохранению природных комплексов, развитию их инфраструктуры, привлечению внебюджетных источников финансирования и модернизации аттракционного хозяйства.

Цели развития кинофикации и кинопроката реализовывались с учетом ориентации на общественно значимый результат за счет реализации протекционистской политики по прокату российских фильмов, развитию видового разнообразия, повышению уровня услуг кинопоказа. Развивалась городская сеть государственных учреждений культуры «Специализированные детские кинотеатры», продолжалась реконструкция кинозалов, дет-

ские кинотеатры преобразовывались в современные молодежные кинотеатральные центры, внедрялись эффективные инновационные технологии. За истекший период было приобретено 160 новых фильмов отечественного производства, сеть детских кинотеатров расширилась с 8 до 12, успешно функционирует современный мультимедийный детский киноцентр – Центральный Дом детского кино.

Продолжалось комплексное развитие образовательных учреждений, значительно повысились объем и качество услуг населению учреждениями профессионального образования и дополнительного образования детей и взрослых. Осуществлялись меры по расширению доступности качественного художественного образования для всех слоев населения. Значительно обновлен парк музыкальных инструментов в учреждениях дополнительного образования.

Систематизации и повышению эффективности работы учреждений культурно-досуговой сферы способствовали научно-исследовательская деятельность, анализ состояния, тенденций и перспектив развития отрасли, исследования запросов и уровня удовлетворенности населения диапазоном и качеством предоставляемых возможностей для культурного развития и творческого самовыражения. Научно-исследовательская, методическая, экспериментальная, научно-издательская и информационная деятельность в социально-культурной сфере осуществляется Московским институтом социально-культурных программ. Эта работа ведется им как самостоятельно, так и в сотрудничестве с другими научно-исследовательскими организациями Москвы и Российской Федерации, департаментами и комитетами Правительства Москвы, учреждениями культуры, искусства, общественными организациями.

Важнейшая задача, стоящая перед институтом, – разработка и научный мониторинг реализации программы развития отрасли культуры и отдельных ее подотраслей.

В области охраны художественного наследия продолжалась работа по обогащению градостроительного и архитектурного облика города, переводу на конкурсную основу основных видов творческой деятельности, осваивались новые технологии в работе по выявлению, экспертизе, постановке на государственный учет произведений искусства, находящихся в немусейных собраниях, осуществлялся контроль за вывозом культурных ценностей за рубеж, что обеспечивало на должном уровне выполнение решений Правительства Москвы по охране и созданию памятников художественного наследия. В Москве были установлены памятники летчику В.П.Чкалову, академику А.М.Прохорову, поэту Мусе Джалилю, скульптурная композиция «Астана», памятник генералу М.Д.Скобелеву.

Важнейшими целями международного и межрегионального сотрудничества в области культуры и искусства стало формирование позитивного образа Москвы, ее культурного богатства и разнообразия, развитие культурного взаимодействия со странами ближнего и дальнего зарубежья, регионами России, оказание поддержки российским соотечественникам за рубежом, продвижение русской культуры и языка. Москва позиционирует себя на международной арене как культурный центр мирового значения, активно интегрируясь в европейское и мировое культурное пространство.

Ежегодно в Москве проводятся городские общественно значимые культурные мероприятия, в которых принимают участие миллионы москвичей и гостей столицы. Эти мероприятия консолидируют московский социум, объединяют людей разных национальностей, расширяют культурное пространство города, сохраняя и развивая национальные традиции массовых народных праздников и гуляний.

В то же время культурная сфера города и культурное обслуживание населения имеют ряд недостатков:

- развитие сети объектов культуры в районах новостроек значительно отстает от темпа строительства жилых объектов;

- культурно-досуговые предложения не покрывают всего диапазона запросов, предпочтений и ожиданий граждан;

- Москва все еще отстает от мировых культурных центров по обеспеченности населения продуктами культуры и искусства, досуговыми объектами;

- город испытывает дефицит объектов культуры, целевым образом ориентированных на организацию досуга подростков и молодежи – молодежных клубов, студий, кружков и т.п.;

- недостаточно развита материально-техническая база учреждений культуры;

- недостаточен уровень доступности учреждений и услуг культуры для инвалидов и других лиц с ограничениями жизнедеятельности;

- в целом невысок уровень технологической и юридической компетентности руководителей культурно-досуговых учреждений;

- среди работников культурно-досуговой сферы полностью не изжито «бюджетное сознание», недостаточно стремление к самостоятельным инновационным решениям в содержательной деятельности учреждений культуры;

- недостаточен уровень социальной защищенности работников культурно-досуговой сферы.

Практика последних двух десятилетий подтверждает правильность и целесообразность решения проблем развития сферы культуры московского мегаполиса путем разработки и реализации комплексных городских целевых программ. Такой подход позволяет:

- во-первых, системно, с максимальной социальной и экономической эффективностью решать задачи культурного развития Москвы, сохранения и приумножения культурных ценностей, приобщения к культуре многомиллионного населения города;

- во-вторых, избежать ошибок, «близорукости» принимаемых решений и осуществляемых мер, характерных в условиях краткосрочного планирования, неоправданного, нерационального использования бюджетных средств и материальных ресурсов;

- в-третьих, среднесрочное планирование, разработка и реализация городских целевых комплексных программ позволяет заглянуть в более отдаленную перспективу, открывая путь к долгосрочному планированию развития сферы культуры, что наиболее эффективно в условиях развитого государства и общества и стабильных социально-политических и экономических отношений.

4. Возможные варианты решения проблемы, оценка преимуществ и рисков, возникающих при различных вариантах решения проблемы

Решение проблемы эффективного развития культурной сферы Москвы в сложившихся условиях и с учетом прогнозируемой динамики развития экономической и социальной ситуации может предполагать два варианта организационно-экономических мероприятий.

Первый вариант предполагает определение основных целей и задач Программы количественного характера, для достижения которых осуществляется их рейтинговый отбор, дается обоснование, предлагается перечень программных мероприятий, и на основании этого определяется необходимый объем финансовых затрат.

Второй вариант исходит из наличия реальных финансовых средств, которые могут быть привлечены для реализации программных положений и мероприятий. Исходя из финансовых возможностей Программой определяется комплекс приоритетных задач и мероприятий, обеспечивающих наибольшую эффективность в достижении основных целей.

Оба варианта решения проблемы содержат перечень исходных заданий, показателей и ожидаемых социокультурных результатов по определяемым Программой объемам финансирования.

Первый вариант имеет преимущество в связи с расширением возможностей как для более масштабных культурных проектов, так и для обеспечения массовых культурно-досуговых запросов населения, однако предполагает определенные риски как неоправданного завышения, так и занижения определяемых Программой финансовых средств, направляемых на те или иные подпрограммы, проекты и мероприятия.

Второй вариант характеризуется определенными рамками выделяемых финансовых средств, направляемых на решение целей и задач Программы, объем этих средств и является определяющим фактором при выборе основных приоритетов и направлений работы. Этот вариант содержит риски, связанные со снижением масштабов и динамики культурного строительства, однако позволяет более реалистично и рационально подойти к процессу программного обеспечения и, в конечном итоге, в полном объеме реализовать программные положения.

Оба варианта ориентированы на количественные показатели приобщения населения к активным или потребительским формам участия в культурном процессе, а также на количественные и качественные показатели по объектам и средствам культурного обеспечения, так как духовно содержательная эффективность воздействия культуры на личность и общество выявляется и проявляется опосредованно, через другие сферы жизнедеятельности личности и общества.

Возможными рисками, возникающими в ходе решения проблемы по первому и по второму вариантам, могут быть:

- сокращение определенного Программой финансирования;
- неэффективность организации и управления процессом реализации программных положений;

- необоснованное перераспределение средств, определенных Программой в ходе ее исполнения;
- недостаточный уровень квалификации и исполнительской дисциплины руководителей учреждений культуры и досуга;
- отсутствие или недостаточность межведомственной координации в ходе реализации Программы.

Наиболее реальным и приемлемым в современных условиях является второй вариант решения проблемы программно-целевым методом, определяющий и обосновывающий конкретные объемы финансового обеспечения как Программы в целом, так и отдельных ее разделов, проектов и мероприятий, выбор наиболее рационального и эффективного перечня и критериев оценки результатов выполнения Программы.

Исходя из характеристики сложившейся проблемной ситуации Программа осуществляет следующие принципы организации процесса развития культурной сферы Москвы:

- комплексное решение задач реализации культурной политики в городе Москве в рамках широкого взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления, общественных и иных негосударственных субъектов культурной деятельности;
- социальная ориентированность мероприятий, касающихся сохранения и развития сферы культуры, а также обеспечения социальных гарантий для москвичей и работников учреждений культуры;
- поддержка инновационных проектов в области культуры, внедрение современных управленческих, информационных и иных технологий в деятельность учреждений культуры;
- социальное партнерство и сетевое сотрудничество в деле развития отрасли;
- гибкость планирования, то есть возможность адаптации проектов к изменяющимся условиям развития отрасли (как внутренним, так и внешним);
- возможность использования альтернативных вариантов в случаях изменения ситуации;
- возможность реализации проектов параллельно, в последовательности и выборочно, определяя приоритеты в зависимости от изменений экономического и социокультурного контекста.

5. Предложения по целям и задачам программы, целевым индикаторам и показателям, позволяющим оценивать ход реализации целевой программы по годам

Государственная политика в области культуры рассматривает культуру как основополагающий компонент устойчивого развития во всех сферах жизнедеятельности российского общества, обеспечивающий предпосылки для политического, социального и экономического роста.

Целями Программы являются: разработка системы эффективных мер, направленных на формирование правовых, социально-экономических и организационных условий развития культурного потенциала, сохранение культурного наследия города, обеспечение равных возможностей для получения доступа к культурным ценностям и удовлетворения культурных потребностей представителей разных социальных слоев и групп населения, интеграция в мировое культурное сообщество.

Основными задачами развития культуры на предстоящий период являются:

- оптимизация культурных процессов в период глобального экономического кризиса, системный выход из него и последующее динамичное развитие культуры;
- повышение значимости, национальных культурных, духовных ценностей в общественном сознании российского народа;
- обеспечение сохранности национальных культурных и духовных ценностей;
- концентрация материальных, организационных и кадровых ресурсов на поддержку на высоком уровне ведущих учреждений культуры и творческих коллективов;
- создание благоприятных условий для развития и реализации имеющегося потенциала творческих сил столицы;
- сокращение неравномерности развития социально-культурной инфраструктуры в округах и районах города;
- повышение эффективности деятельности учреждений культуры по культурному просвещению граждан;
- сохранение памятников культуры и культурного наследия;
- государственная поддержка профессионального и народного творчества;
- комплексная модернизация учреждений культуры города в целях повышения культурного уровня и разнообразия услуг в досуговой сфере;
- разработка и внедрение инновационных культурных проектов, формирование интегрированной системы информационных ресурсов культуры и искусства;
- развитие и поддержка социально-культурных инициатив, стимулирование творческой активности населения, поддержка общественных проектов и новых форм культурно-досуговой деятельности;
- обеспечение доступности культуры и информации социально незащищенным малообеспеченным слоям населения, молодежи, группам риска;
- обеспечение доступности учреждений культуры для инвалидов, лиц с ограниченными возможностями путем реконструкции и оснащения спецоборудованием учреждений отрасли, расширения услуг; совершенствование системы льгот;
- сохранение и развитие национальных культур представителей наций и народов России и стран СНГ, проживающих в Москве;
- организация и поддержка в условиях многонационального мегаполиса различных форм межнационального культурного обмена и сотрудничества, обеспечивающих рост взаимопонимания и взаимоуважения жителей города различных наций и народностей;
- развитие межрегионального, международного культурного сотрудничества, пропаганда культурных достижений, традиционной культуры, народного и современного искусства за рубежом;
- формирование системы мониторинга целевых индикаторов и показателей Программы;
- обеспечение культурно-информационной безопасности жителей Москвы и гостей столицы;

- снижение уровня социальной напряженности, культурная реабилитация населения Москвы в условиях кризиса;
- стимулирование деятельности средств массовой информации и массовых коммуникаций по культурному просвещению, пропаганде национальных культурных ценностей;
- развитие материально-технической и финансовой базы учреждений культуры города;
- концентрация бюджетных ресурсов на приоритетных направлениях развития отрасли;
- расширение нормативно-правовой базы деятельности учреждений культуры и досуга.

Оценка результатов реализации Программы осуществляется на основе использования целевых индикаторов и показателей по нравственно-духовным и количественным параметрам.

Нравственно-духовные параметры:

- социологические индикаторы, характеризующие соответствие культурных запросов различных категорий населения культурным предложениям отрасли;
- социологические индикаторы, выявляющие уровень духовной культуры в обществе и динамику ее развития;
- социологические индикаторы, определяющие влияние уровня культуры личности и различных социальных групп на формирование мировоззрения, социальную и гражданскую активность;
- социологические индикаторы, отражающие степень доступности учреждений культурно-досуговой деятельности, удовлетворенности культурно-досуговыми предложениями.

Количественные параметры:

- статистические показатели посещаемости различных типов учреждений культуры;
- статистические показатели востребованности образцов культуры и искусства, форм досуговой деятельности;
- статистические показатели расширения сети объектов культуры и досуга;
- статистические показатели оснащенности объектов культуры и досуга;
- натуральные показатели, отражающие полноту выполнения программных мероприятий и ресурсного обеспечения программных мероприятий;
- экономические показатели, характеризующие структуру затрат и финансовые ресурсы.

Основные мероприятия Программы

В сфере театральной деятельности:

- реализация проекта создания сценических площадок в районах массовой жилой застройки, отдаленных от центральной части города, «Москва – территория театра» (рабочее название);
- реализация проекта создания театральных площадок на базе музеев-заповедников, музейных усадебных комплексов и архитектурных ансамблей «Арт-музей» (рабочее название);
- формирование «Школьного абонемента» (рабочее название) для организации циклов театральных программ для бесплатного посещения учащимися Москвы;

- разработка, внедрение и распространение медиа-продукции, направленной на популяризацию театрального искусства;
- создание автоматизированной системы заказа и реализации билетов в театры города.

В сфере концертной деятельности:

- создание музыкальных произведений для детей и молодежи;
- реализация проекта создания открытых филармонических площадок в исторических местах, парках и местах массового отдыха москвичей – «Фестиваль популярной классики на пленэре» (рабочее название);
- проведение музыкальных фестивалей-смотров для выпускников музыкальных школ города Москвы;
- проведение тематических концертов, связанных с юбилеями выдающихся композиторов и музыкантов-исполнителей;
- создание музыкальных абонементов в концертных залах с участием ведущих исполнителей, музыкальных коллективов, дирижеров и творческой молодежи;
- создание и формирование «Школьного музыкального абонемента» (рабочее название);
- разработка, внедрение и распространение медиа-продукции, направленной на популяризацию музыкального искусства;
- создание автоматизированной системы заказа и реализации билетов в концертные залы Москвы.

В сфере музейной и выставочной деятельности:

- внедрение системы государственных заданий на оказание государственных услуг музеями и выставочными залами города Москвы, определяющих приоритетные направления в деятельности музеев и актуальность существующих музейных услуг, для обеспечения целевого финансирования текущей деятельности музеев;
- в целях повышения эффективности работы музеев поддерживать на конкурсной основе музейные массово-просветительские, выставочно-экспозиционные и иные проекты путем определения лучших проектов, имеющих важное социально-культурное значение, в том числе для патриотического воспитания и поддержки образования и воспитания подрастающего поколения;
- обеспечение достаточного количества современных фондохранилищ и улучшения условий хранения фондовых коллекций;
- применение и развитие современных инновационных технологий в хранении, реставрации, показа музейных предметов без ущерба для их сохранности, а также использование современных электронных и мультимедиа технологий;
- разработка и реализация программы повышения эффективности систем охраны, безопасности, контроля доступа и видеонаблюдения в целях обеспечения сохранности музейных предметов, зарегистрированных в государственной части музейного фонда Российской Федерации;
- проведение во всех музеях города Москвы целевых мероприятий по социокультурной реабилитации инвалидов музейными средствами, включая адаптацию экспозиционного материала к особенностям посетителей;

- дальнейшее развитие общегородских межмузейных программ и инициатив: «Ночь в музее», «Вечер в музее», «Всей семьей в музей» и др.;
- создание новых медиапродуктов и современной инфраструктуры, позволяющих значительно улучшить информированность населения о деятельности и услугах музеев, а также в целях публикации музейных предметов для использования при дистанционном обучении и самообразовании населения;
- повышение эффективности использования выставочных площадей путем создания экспозиций с использованием современных медиатехнологий;
- создание материальных и иных стимулов для музейных работников в целях поощрения их деятельности, привлечения в музеи молодых талантливых специалистов, в том числе в целях поощрения специалистов, занимающихся социокультурной реабилитацией инвалидов;
- реализация проекта «Музеи города – музеям районов», направленного на методическое обеспечение деятельности музеев районного уровня, в том числе для привлечения их к участию в общегородских программах;
- развитие проекта создания детских музейных центров в музеях города для организации семейных программ посещения музеев и пребывания детей;
- завершение начатых ранее программ по созданию новых музейных комплексов: Музейного объединения «Музей Москвы» в «Провиантских магазинах», Музейно-мемориального комплекса истории Военно-морского флота России, Музейного комплекса «История танка Т-34», Государственной картинной галереи Василия Нестеренко и др.

В сфере библиотечного дела и информационного обслуживания населения:

- разработка и реализация проекта «Библиогород» – создание открытой корпоративной информационной системы обмена базами данных московских библиотек;
- организация на базе проекта «Библиогород» новых видов услуг библиотечного профиля для всех категорий населения: автоматизированной справочно-информационной и поисковой системы, службы индивидуального клиентского обслуживания («служба запросов»), службы «Единого сводного каталога московских библиотек», службы «Единого читательского билета», службы обслуживания инвалидов и других маломобильных категорий граждан, «Музей редкой книги», «Электронная библиотека Москвы», «Фонд «Домашняя библиотека», «Фонд нотно-музыкальных изданий» и других проектов централизованных библиотечных систем и библиотек города;
- дальнейшая реализация проекта создания интеллект-центров на базе публичных библиотек города Москвы – создание в каждом районе города многофункциональных культурных центров на основе библиотечных форм работы и компьютерных технологий;
- реализация проекта создания детских и юношеских центров на базе интеллект-центров, созданных в библиотеках города в ходе реализации комплексной программы;

- реализация проекта создания центров общественного доступа (ЦОД) на базе публичных библиотек города Москвы в рамках программы «Электронная Москва»;
- реализация проекта «Библиоавтобус» для обслуживания населения, не имеющего возможности для регулярного посещения библиотек;
- реализация проекта создания «Библиотеки литературы народов и народностей России» на базе Библиотеки украинской литературы;
- реализация программ «Запишись в библиотеку», «Новое поколение выбирает чтение» и других направленных на повышение роли библиотеки и социального статуса библиотечного работника; формирование культуры чтения, пропаганда книги.

В сфере клубной деятельности:

- реализация комплексной программы развития системы и видов деятельности учреждений культуры клубного типа, таких как центры культуры, искусства и творчества;
- развитие системы учреждений клубного типа в районах, отдаленных от центральной части города; строительство многофункциональных культурно-досуговых центров в районах с дефицитным уровнем культурных услуг населению;
- модернизация звукового и светового оборудования действующих учреждений культуры, оборудование современных систем охраны и безопасности, создание новых услуг на основе компьютерных технологий, детских и молодежных центров;
- создание клубных учреждений культуры нового типа – центров поддержки инновационных проектов в сфере культуры – креатив-центров.

В области кинофикации и кинопроката:

- обеспечение государственной поддержки продвижения отечественных кинопроизведений в городских кинотеатрах;
- внедрение в кинотеатрах Москвы федеральной программы единой автоматизированной информационной системы сведений о показе фильмов в кинозалах, призванной обеспечить поступление и учет информации о публичной демонстрации фильмов в кинозалах в целях защиты экономических интересов участников создания и продвижения отечественной кинопродукции;
- обеспечение доступности услуг кинотеатров для малообеспеченных категорий населения города Москвы;
- проведение репертуарной политики, направленной на поддержку творческих достижений отечественного кинематографа, формирование молодежного и детского репертуара, основанного на лучших образцах отечественного и мирового кинематографа, удовлетворение культурных потребностей различных категорий населения средствами кинематографа;
- развитие на базе городских кинотеатров дополнительных профильных сервисов и услуг;
- дальнейшее совершенствование работы государственных бюджетных учреждений культуры московских кинотеатров для детей и молодежи в области репертуарной и информационной политики и проведение сетевых киномероприятий;

- дальнейшее распространение в городских кинотеатрах единой системы электронного кинобилета;
- капитальный ремонт и техническая модернизация государственных кинотеатров в соответствии с современными требованиями цифрового кинопоказа.

В сфере деятельности парков культуры и отдыха:

- разработка проектов планировок парков культуры и отдыха с учетом особенности и специфики их деятельности в едином парковом комплексе города Москвы; создание парков культуры и отдыха различных типов: парков аттракционов, экологических парков, этнографических парков, исторических парков, парков искусств, парков культуры и спорта;
- разработка и реализация проектов, направленных на сохранение и развитие природных комплексов парков города;
- приоритетное развитие всесезонных объектов для работы и обслуживания посетителей парков;
- разработка и реализация проектов, направленных на восстановление исторических объектов, расположенных на территориях парков и прилегающих к ним территориях;
- разработка и реализация проектов создания объектов парковой инфраструктуры для организации совместных форм работы с театрами, концертными организациями, музеями и другими учреждениями культуры;
- модернизация аттракционного хозяйства.

В сфере деятельности образовательных учреждений и научно-исследовательской деятельности:

- повышение качества и уровня дополнительного образования;
- разработка и реализация образовательных программ, нацеленных на сохранение и развитие многообразных жанров и видов народной культуры, а также освоение новых видов художественно-творческой деятельности;
- развитие системы учреждений дополнительного образования в районах с дефицитным уровнем культурного обслуживания населения, особенно отдаленных от центральной части города;
- обновление парка музыкальных инструментов в учреждениях дополнительного образования;
- проведение научных исследований развития социально-культурной сферы, общественного мнения, запросов москвичей в области культуры, искусства, досуга;
- разработка научно-методических рекомендаций, пособий для управленческих структур и учреждений культуры;
- экспериментальная деятельность и внедрение в практику инновационных форм, методов и направлений работы культурно-досуговых учреждений;
- анализ мировой практики в сфере культуры и досуга применительно к условиям московского мегаполиса;
- разработка нормативных документов по обеспечению деятельности различных типов учреждений культуры и досуга;
- развитие научно-издательской и информационной деятельности, пропаганда культуры высоких достижений, лучших образцов народного творчества;

– проведение конференций, круглых столов по проблемам развития культуры и искусства в Москве.

Результаты реализации Программы

Реализация Программы обеспечит стабильное развитие культурной сферы Москвы, расширит возможности учреждений культуры и досуга для всех категорий населения московского мегаполиса, будет осуществляться реконструкция и модернизация технического оснащения значительной части учреждений культуры и досуга, повысится эффективность содержательной деятельности библиотек, клубов, музеев, молодежных культурных центров, будет реализован ряд крупных театральных проектов.

Развитие культуры на основе настоящей Программы позволит повысить эффективность расходования бюджетных средств, выделяемых на развитие культурной сферы города.

Совместная работа по реализации Программы будет способствовать повышению эффективности работы органов исполнительной власти, местного самоуправления, учреждений и организаций социально-культурной сферы.

В соответствии с концепцией Программы, определенными ею целями и задачами ее реализация будет способствовать повышению духовно-нравственного и культурного уровня граждан, воспитанию гордости за культурное наследие, патриотизма.

За период реализации Программы будет создана основа для дальнейшего поступательного развития культуры Москвы на основе долгосрочных комплексных программ, открывающих возможности для принципиально новых подходов к планированию развития социально-культурной сферы города.

Результатами выполнения положений Программы станут:

- социально-ориентированное, динамичное развитие сферы культуры столицы;
- повышение качества и разнообразия услуг в области культуры и искусства, государственная поддержка творческих сил в театральной, концертно-гастрольной, музейно-выставочной, досуговой деятельности, кинематографии, сфере художественного образования, а также социально значимых программ и проектов;
- развитие международных и межрегиональных культурных связей;
- сохранение культурного потенциала и культурного наследия города, создание условий для диалога культур в многонациональном мегаполисе;
- укрепление материально-технической базы сферы культуры, включая информатизацию отрасли, внедрение инновационных технологий и оснащение специализированным оборудованием;
- развитие и обеспечение оптимальных условий использования кадровых ресурсов отрасли;
- внедрение системы комплексной оценки результатов деятельности организаций и учреждений культуры города по объективным целевым показателям и индикаторам.

Таблица 2

Показатели развития сети учреждений культуры

№ п/п	Показатель	Единицы измерения	2008	2009	2010	2011	2012	2013
1.	Количество объектов культуры, охваченных мероприятиями Программы	ед.	908	924	915	919	924	930
2.	Количество рабочих мест в отрасли	тыс. человек	55	52	65	68	72	77
3.	Театры и концертные организации							
3.1.	Количество учреждений	ед.	112	114	110	110	111	113
3.2.	Показатели театров на своих площадках:							
	– количество спектаклей	ед.	17249	15880	16460	16960	17560	18260
	– число зрителей	тыс. чел.	3792,5	3720,0	3950,0	4200,0	4450,0	4750,0
	– коммерческая вместимость зрительных залов	ед.	25007	28511	29300	32500	35600	38800
	– число новых постановок	ед.	187	122	205	216	226	238
4.	Библиотеки							
4.1.	Количество учреждений	ед.	440	440	437	437	438	439
4.2.	Количество читателей	тыс. чел.	2580,8	2970,5	2705,0	2765,0	2840,0	2915,0
4.3.	Книговыдача (количество выданных книг)	тыс. ед.	51826,3	52200	53000	53300	53600	53950
4.4.	Количество изданий в библиотеках	тыс. ед.	26790	26942	27300	27400	27550	27710
5.	Музеи и выставочные залы							
5.1.	Количество учреждений	ед.	63	64	63	63	64	66
5.2.	Количество посетителей	тыс. чел.	4503,0	4950,0	4889,0	5089,0	5299,0	5499,0
5.3.	Количество выставок	ед.	751	965	1025	1085	1155	1225
6.	Учреждения образования							
6.1.	Количество учреждений	ед.	139	140	139	139	139	140
6.2.	Количество учащихся, занимающихся в детских музыкальных, художественных школах и школах искусств	тыс. человек	59	60,0	61,4	61,4	61,4	61,5
7.	Детские кинотеатры и ГУК «Эльдар»							
7.1.	Количество учреждений	ед.	9	9	10	10	10	11
7.2.	Количество посещений кинотеатров	тыс. человек	148,3	160,0	175,0	185,0	203,0	225,0
8.	Клубы и дома культуры							
8.1.	Количество учреждений	ед.	91	94	105	105	108	116
8.2.	Количество участников культурно-досуговых формирований	тыс. человек	121,99	125,5	130,0	132,0	137,0	142,0
9.	Парки культуры и отдыха, зоопарк							
9.1.	Кол-во учреждений	ед.	15	15	15	15	15	15
9.2.	Количество посетителей	тыс. чел.	14000	15000	15500	16500	17500	18700
10.	Мероприятия							
10.1.	Количество проведенных межрегиональных и международных культурных акций	ед.	68	49	100	105	111	119
10.2.	Количество общественно значимых и культурных мероприятий	ед.	189	130	200	208	218	228

6. Предложения по источникам финансирования целевой программы

Ресурсное обеспечение реализации Программы осуществляется реально располагаемым кадровым, организационным и финансовым потенциалом отрасли за счет и в пределах средств, предусмотренных в бюджете города Москвы, а также с привлечением внебюджетных источников:

- спонсорские средства;
- инвестиционные вложения.

С учетом нестабильности экономической ситуации в условиях глобального экономического кризиса программой предусматривается три возможных варианта бюджетного финансирования в зависимости от динамики экономических процессов.

Пессимистический вариант в условиях стагнации развития российской экономики не позволит решать стратегические задачи развития культурной сферы, он предполагает принцип бюджетного финансирования текущего года по отношению к предыдущему с индексацией установленных объемов в соответствии с макроэкономической ситуацией в стране. Этот вариант финансирования обеспечивает задачи сохранения сети учреждений культуры на существующем уровне, не предполагая ее развития, гарантируя обеспечение их функционирования, совершенствование и расширение обслуживания населения за счет имеющихся ресурсов, интенсификации и рационализации труда.

Реалистический вариант в условиях стабилизации экономической ситуации предполагает поступательное развитие отрасли, прежде всего определенных программой приоритетных направлений. При этом бюджетное финансирование текущей деятельности будет осуществляться по базовому сценарию, а приоритетные направления реализуются на основании целевого бюджетного финансирования и внебюджетных поступлений. Финансирование отрасли по этому сценарию предполагает сохранение объемов бюджетных средств на существующем уровне, что позволит реализовать весь комплекс определенных Программой задач.

Оптимистический вариант финансирования и реализации положений Программы будет возможен в условиях реальных позитивных макроэкономических перемен, стабилизации развития основополагающих сфер экономики страны.

Анализ динамики внебюджетного финансирования в условиях кризиса демонстрирует сокращение его доли в структуре общего бюджета учреждений культуры с 30 до 15%.

7. Предложения по участию органов исполнительной власти города Москвы в формировании и реализации целевой программы

В формировании и реализации Программы предполагается участие всех органов исполнительной власти города Москвы, в том числе Департамента образования города Москвы, Департамента семейной и молодежной политики города Москвы, Департамента социальной защиты населения города Москвы, Департамента физической культуры и спорта горо-

да Москвы, Департамента здравоохранения города Москвы, Комитета общественных связей города Москвы, Комитета межрегиональных связей и национальной политики города Москвы, во взаимодействии с органами местного самоуправления, а также Московского городского профессионального союза работников культуры, государственных, общественных, иных некоммерческих организаций города Москвы.

8. Предложения по государственным заказчикам и разработчикам программы

Государственный заказчик и координатор Программы – Департамент культуры города Москвы.

Государственные заказчики – департаменты: образования города Москвы, семейной и молодежной политики города Москвы, социальной защиты населения города Москвы, городского заказа капитального строительства города Москвы, физической культуры и спорта города Москвы, здравоохранения города Москвы; комитеты: общественных связей города Москвы, межрегиональных связей и национальной политики города Москвы.

Основные разработчики концепции Программы – Департамент культуры города Москвы, Институт социально-политических исследований Российской академии наук, Московский институт социально-культурных программ, ИПЦ «Социум».

9. Предложения по формам и методам управления реализацией программы

Организация управления и контроля за исполнением Программы осуществляется путем создания эффективных вертикальных и горизонтальных управленческо-информационных связей между заказчиком и исполнителями Программы. Руководителем Программы является руководитель Департамента культуры города Москвы, который несет ответственность за ее выполнение. Текущее управление Программой осуществляется государственным заказчиком Программы.

Руководитель Программы совместно с государственным заказчиком обеспечивает управление реализацией Программы, предусматривающее выполнение организационно-финансового плана реализации Программы, использование механизмов корректировки программных мероприятий, процедуры обеспечения публичности информации о ходе выполнения Программы, значениях целевых индикаторов и результатах мониторинга **реализации Программы. Для контроля за ходом реализации Программы руководитель** Программы ежегодно представляет отчет о ходе выполнения Программы и об эффективности расходования финансовых средств в Департамент экономической политики и развития города Москвы, после чего уточняет показатели эффективности Программы на соответствующий год.

Государственный заказчик передает руководителю Программы следующие свои функции:

- отбор на конкурсной основе исполнителей программных мероприятий;

- сбор и систематизация статистической и аналитической информации о реализации программных мероприятий;
- организация независимой оценки показателей результативности и эффективности программных мероприятий, их соответствия целевым индикаторам и показателям;
- внедрение и обеспечение применения информационных технологий в целях эффективного управления реализацией Программы;
- мониторинг реализации программных мероприятий;
- мониторинг социокультурной и общественной значимости результатов выполнения Программы.

SUMMARIES

Kh.V.Dzutsev

MULTICULTURAL SPACE IN RUSSIAN FEDERATION: REALITY AND PERSPECTIVES

Abstract. The article was written on the materials of ethno-sociological research, conducted in May, 2010 in the subjects of RF (Republic of Tatarstan, Republic of North Ossetia-Alania, Chechen Republic). The materials of the research helped to draw the following conclusions:

- ethno-linguistic conduct of the respondents demonstrates that social functions of the national languages are still rather narrow both on the levels of inter-ethnic and inner-ethnic relations;
 - lame dynamic of a national language's social functions expansion is conditioned by the ideas of the population majority of both ethnic and also social and age groups about its not high claiming for a person's social self-realization;
 - low interest for the national languages and cultures study from the side of Russian population and part of indigenous ethnos is connected not with the quantity but with the quality of teaching, that makes difficult or reduces the interest for "consumption" of proposed samples of indigenous ethnos' culture.
-

U.U.Sinolina

THE VALUE ORIENTATION OF RUSSIANS AS A FACTOR OF CONSOLIDATION OF THE SOCIETY

Abstract. In the article proposed method of studying value orientations of respondents, given comparative analysis of value orientations Orthodox, Muslims and nonbelievers Russians on the basis of these investigations the religiosity of the population, considered typological groups of respondents, dedicated on the basis of preference values and life goals of the respective blocks. Also in the article realized the analysis of some aspects of religious and ethnic tolerance Russians.

G.Vodolazov

THE SOCIO-POLITICAL SYSTEM OF MODERN RUSSIA: THE PROBLEMS OF MODERNIZATION

Abstract. The article is devoted to the problems of modernization the socio-political system of modern Russia. Considered the causes increasing stagnation in the political life and the ways its overcome. Emphasized, in particular, reducing the dependence of democracy on the growth of material and social inequality of citizens. The author associates improvement political system with the prospect of making policy into the «moral politics», with more penetration of morality in politics. Considered necessity of a new type of relations between politics and the socio-political science.

A.V.Veretevskaya

**TWO MULTICULTURALISM.
THE FEATURES OF SOCIAL POLICY
IN CANADA AND THE USA**

Abstract. The article is devoted to the features of American and Canadian formations the multiculturalism's models. The author reviews the historical evolution of every model in an attempt to define the cause of the different ways of realization the multiculturalism's principals. Problems of mutual relation between different ethnic groups, national cultures and traditions, immigrants and indigenous population are raised in Russia. The experience (both positive and negative) of this problem's solution in other countries and regions of contemporary world would be effective for Russia society.

E.V.Staroverova

**CONCEPTUALLY-METHODOLOGICAL APPROACHES
TO RESEARCH LEGAL CULTURE
OF YOUTH AT THE STAGE OF SOCIAL START**

Abstract. There are presented conceptually-methodological questions of researches of legal culture modern Russian youth, being in active position of their own beginning of life. The basis are represented by specific empirical studies of the author in 2003 and 2009 years, the object of which was students of entry course and their contemporaries who was not students.

L.I.Nikovskaya

**MODERNIZATION IN RUSSIA:
A PROBLEM OF MODEL SELECTION**

Abstract. Article focuses on analysis of democratic and authoritarian modernization scenarios of Russian society, factors, subjects and conditions of this process.

L.A.Harlanova, S.N.Lebedev, I.L.Filon

**THE PROBLEMS OF MANUFACTURING PROCESS
AND LABOR RELATIONSHIP QUALITY MANAGEMENT**

Abstract. This article deals with the quality management problems in the context of manufacturing process and labor activity from the roots of the modern management up to the introduction of the Total Quality Management and up-to-date quality management standards: ISO 9000:2000 and others.

V.V.Sery

IMAGE OF JUDICIAL AUTHORITY IN CONTEMPORARY RUSSIA

Abstract. In article is undertaken attempt to define scientific and applied basis of formation and development of contemporary judicial authority, suggested proposes for its improvement.

T.U.Brykova

THE SELF ORGANISATION IN MOSCOW YOUNG FAMILY AS FACTOR OF ITS SUCCESS

Abstract. The article is devoted a problem of success of modern young family. . The main factor for its success is considered self-organizing a young family. Self-management is also the basis for the formation of a happy young family, as opposed to preferential towards it by the state and society as an object of influence and social support.

V.A.Karalyunec

THE IMPACT OF GENDER FACTOR ON THE FORMING OF LEADERSHIP'S STYLES AND PERFORMANCE MANAGEMENT

Abstract. The empirical researches executed within the limits of different lines of thought to definition of gender distinctions in management are considered in this article. The author concludes that in top management sides of a sex of the head are erased, giving particular attention to its professional skills. In this connection, the woman – the head leave capable, moreover, should be on one level with the colleagues' men in a control system.

K.M.LUKYANOVA

THE EDUCATIONAL TRAJECTORIES OF STUDENTS OF THE SPHERE HIGHER PROFESSIONAL EDUCATION

Abstract. The present paper describes a proposed study that will examine the theme of the educational trajectories of the Russian youth. The primary aim of proposed study is to identify the most common educational trajectories of the Russian youth as well as to identify the main factors influencing the choice of certain trajectory.

As a result of the analysis I will find various educational trajectories of Russia's young people. In accordance with these trajectories I will classify respondents and consider how social and demographic characteristics are representative in each cluster and, finally, I will consider what factors influence the formation of the educational trajectories of the Russian youth. This information could be useful for the development of programs which increase access to education in Russia.
